

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
Х КУЛЬТУРЫ

XXIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

1948

Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корреспондент АН СССР *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Б. Н. Граков,
С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

1. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

А. П. ОКЛАДНИКОВ

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЗАСЕЛЕНИИ ЧЕЛОВЕКОМ
ДОЛИНЫ РЕКИ ЛЕНЫ*(Общий обзор палеолитических памятников)*

Древнейшие следы человека в Сибири — палеолитические памятники — концентрируются отдельными скоплениями, расположенными в немногих районах, изолированных друг от друга обширными пустыми пространствами. Все они группируются в южных частях Сибири: на Алтае, в Минусинском крае, в долине Енисея у Красноярска, около Иркутска и в Забайкалье. Исключение составляет только одна группа палеолитических памятников Сибири, о которой до последнего времени, однако, не было никаких сведений в археологической литературе, так как первые специальные работы по их изучению были осуществлены советскими археологами только в 1941 и 1944 гг. Это — палеолитические местонахождения Ленского края, самые северные и вместе с тем самые восточные в настоящее время на территории Сибири памятники такого возраста и типа.

Предположение о возможном наличии следов палеолитического человека в этих суровых по их природным условиям и слабозаселенных в настоящее время областях северной Азии было, правда, впервые высказано уже в семидесятых годах XIX в., когда изучение каменного века России еще только начиналось.

«Ученые,— писал А. С. Уваров,— незнакомы с палеолитическим человеком тех местностей только потому, что местное население не обращает внимания на грубые отбивные орудия, смешивая их с обыкновенными камнями и гальками, тогда как более усовершенствованные шлифованные орудия, особенно эффектные на вид нефритовые топоры с их необычным красивым цветом и зеркальной нередко полировкой, невольно бросаются в глаза».¹

Предположения Уварова и Черского о существовании палеолитического человека на севере Сибири, казалось, находили свое подтверждение и в некоторых любопытных палеонтологических и археологических находках. Так, например, еще в 1872 г. И. Д. Черский описал голову сибирского носорога, доставленную, по всей вероятности, из Якутии; на голове заметны были следы ударов, которые позволили исследователю отнести их

¹ А. С. Уваров. Археология России, ч. I — Каменный период, М., 1880. Ср. И. Д. Черский. Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных, собранных Новосибирской экспедицией 1885—1886 гг. Приложения к LXV тому «Записок имп. Академии Наук», № 1, СПб., 1891, стр. 704—705.

Помимо погребений неолитического времени, на этой террасе, у русла небольшого пересохшего ручейка, в почвенно-дерновом слое встречены культурные остатки железного века (курумчинской культуры) и неолита. Под дерном, на глубине 35—40 см от поверхности, в слое желтоватого и лёссовидного суглинка оказались мелкие обломки костей животных, отщепы и каменные изделия палеолитических форм. Одно из них представляет крупный нуклеус дисковидной формы, похожий на мустьерские нуклеусы. Другое изделие — большое овальное скребло, оформленное ретушью, типичной для позднего палеолита Сибири. Там же были найдены скребок с овальным выпуклым лезвием, изготовленный из отщепа, и широкие ножевидные пластины.

5. В 0.5 км ниже дер. Шишкино, на том же правом берегу р. Лены, вдоль края 6—8-метровой террасы в ряде мест в слое желтоватого лёссовидного суглинка встречены такие же, как у дер. Макарово, очаги из плит известняка. Возраст их, по видимому, такой же, как и очага, исследованного у дер. Макарово.

6. Около Куртухай, вблизи Верхоленска, в распадке Никольский ручей (известном под этим названием в документах первой половины XVIII в.) на правом берегу Лены, в выемке для сооружения полотна дороги и насыпи моста на глубине 2.5—3 м выходит отчетливо выраженный культурный слой. Он содержит включения мелких кусочков древесного угля и золы. В слое найдены кости животных, в том числе, по видимому, дикого быка, а также отщеп из черного кремнистого сланца и обломок гальки темнозеленой яшмовидной породы. Все культурные остатки залежали в красноватом суглинке, сползшем со склона пади и перекрывавшем их толстым чехлом.

Следующий палеолитический памятник в долине р. Лены обнаружен уже далеко к северу от первой южной группы палеолитических стоянок, расположенных в районе Качуга и Верхоленска.

7. Поселение находится в 5 км ниже дер. Потаповой (выше Усть-Кута, между Ополоем и Боярской), на правом берегу р. Лены, в местности Водянишный ручей, на левом мысе последнего. Культурные остатки палеолитического времени залегают здесь в слое палевого суглинка с раковинами наземных моллюсков, перекрытом сверху дерном, светлокоричневой плотной супесью и коричневой супесью с речной галькой. Под культурным слоем залегал слой гальки с песком и слоистая супесь. Находки были связаны с тонким очажным слоем, в котором оказались обломки костей животных, в том числе костяная пластинка с тонкой резной линией на ней и отщепы, снятые с галек яшмовидных зеленокаменных пород.

Стоянка Водянишный ручей, имевшая, по видимому, характер временного охотничьего лагеря, является своего рода связующим звеном или промежуточным пунктом между южным верхоленским очагом палеолитической культуры и новым центром расселения палеолитических охотников — на этот раз далеко к северу от Верхоленска.

8. Первый такой пункт севернее Киренска, где можно предполагать следы деятельности палеолитического человека, отмечен в 1 км выше дер. Мироновой, на левом берегу р. Лены, в обнажении высокой древней террасы (около 20 м). На глубине 5 м от поверхности здесь обнаружены кости мамонта: полная нижняя челюсть, тазовая кость, бивень длиной около 2.6 м, обломки лопаток и трубчатых костей, принадлежавших, по видимому, одной взрослой особи. Трубчатые кости были раздроблены; вместе с костями мамонта оказались кости дикой лошади (или джигетая), а также косточки какого-то мелкого животного, возможно песца, и множество наземных ракушек. Все они лежали скоплениями в одной горизонтальной плоскости на протяжении примерно 12 м вдоль края террасы,

подмытого рекой. Такое залегание костей, наличие раздробленных больших костей и общий состав находок дают право предполагать здесь следы деятельности палеолитического человека, подобные известному лагерю палеолитических охотников в Томске. Сразу же под слоем мелкослоистого суглинка с костями мамонта обнаруживается галечник, уходящий в глубь террасы. Над суглинком залегает лёссовидная толща.

9. Ниже дер. Мутино и в 3—2.5 км выше дер. Коршуново, на левом берегу р. Лены обнаружены следы палеолитического поселения: превосходное большое скребло овальной формы, на глубине 50 см древний очаг, сложенный из речных валунов, около которого оказались оббитые камни.

10. У дер. Чагинской, в 1—1.5 км выше ее, на левом берегу р. Лены имеются обнажения высокой древней террасы, сильно пострадавшей от размыва ленскими водами. В одном из таких обнажений, на левом мысе маленького ручейка был обнаружен отщеп зеленокаменной породы. Исследование этого пункта показало, что здесь находился палеолитический культурный слой, залегающий в толще переслаивающихся суглинков и супесей на глубине 1.5 м от поверхности. Выше, сверху вниз, залегали: дерн, светлосерая супесь с позднеолитическими находками и, под ней, плотный темнокрасный суглинок, в котором изредка встречались раннеолитические находки. В культурном слое уцелели остатки двух очагов из речных валунов, обломки костей животных, в том числе дикой лошади, северного оленя, носорога и песца.

Среди каменных изделий выделяются крупные скребловидные орудия, изготовленные из плоских сколов с кварцитовых галек. В отличие от обычных позднепалеолитических скребел, их ретушь не имеет «мустьерского» облика, а вместе с тем и сама форма этих орудий не отличается такой правильностью и законченностью очертаний, как у овальных скребел позднего палеолита.

Совершенно таковы же и скребла древнейших палеолитических поселений Сибири — Бурети и Мальты в долине Ангары. Каменный инвентарь Бурети и Мальты напоминает также и другое каменное изделие, найденное в Чагинской, в виде полудиска, оформленного широкими фасетками с последующей частичной подправкой выпуклого и слегка извилистого по контуру лезвия.

Ближние по форме диски и полудиски известны из Мальты и Бурети. Не противоречит такому сближению каменного инвентаря Чагинской с инвентарем Мальты и Бурети и найденная здесь узкая ножевидная пластинка; аналогичные пластинки и соответствующие им призматические нуклеусы есть и в обоих старейших поселениях Приангарья. Вместе с тем среди изделий Чагинской стоянки нет таких предметов, которые были бы специфическими для позднего палеолита Сибири; ее нельзя поэтому датировать этим временем. Одно изделие, найденное в Чагинской, — незаконченный остроконечник на треугольном отщепе, снятом с гальки зеленокаменной породы, напоминает, однако, характерные остроконечники мустьерского типа из Афонтовой горы II (нижний горизонт). Вполне возможно, таким образом, что Чагинская должна быть помещена в общей хронологической схеме сибирского палеолита между памятниками типа Мальты и Бурети, с одной стороны, и Афонтовой горы II (нижний горизонт) — с другой.

О раннем возрасте Чагинской свидетельствует также и ее фауна: носорог, как известно, отсутствует уже в фауне Афонтовой горы и, естественно, всех более поздних палеолитических поселений северной Азии. Раковины моллюсков из культурного слоя также принадлежат, повидимому, к числу холодолюбивых форм, свойственных отложениям древних ленских террас ледниковой эпохи.

Стратиграфия стоянки и характер отложений, с которыми связан культурный слой, весьма напоминают условия залегания палеолитических остатков нижнего культурного слоя одной из самых ранних, после Мальты и Бурети, стоянок сибирского палеолита — Афонтовой горы II.

Так же как и на Афонтовой горе, человек появился в Частинской в то весьма отдаленное время, скорее всего в самом конце вюрмского, по западным масштабам, оледенения, когда 15—20-метровая терраса ниже Киренска только что вышла из воды и представляла собой обычную пойму, периодически затопляемую в весеннее время полыми водами р. Лены. Именно здесь, почти у самой воды горели костры палеолитического человека и стояли его жилища, имевшие, вероятно, характер легких надземных сооружений.

11. Ниже дер. Частинской, в 1—1.5 км за Караульным пунктом, на левом берегу р. Лены обнаружено большое скребло палеолитического типа.

12. Ниже дер. Частинской, в 2.5—3 км по левому берегу р. Лены, в обнажении 8—10-метровой террасы обнаружены отщепы из белого кварца и крупное рубящее орудие типа, известного в Мальте и Бурети, изготовленное из расщепленной пополам овальной гальки.

13. В 8—9 км ниже дер. Пьянобыковской, по левому берегу р. Лены, в обнажении 6—8-метровой террасы, на глубине 1 м под слоем светло-серой супеси и красного суглинка найдена кость крупного животного (быка или носорога), отщепы зеленокаменной породы и ножевидная пластинка из черного кремня.

14. На высокой древней террасе (20—25 м) у с. Дубровино в основании слоя супеси почти непосредственно над толщей галечника оказались грубые отщепы из кварцита, кварца и зеленокаменной породы, резко отличающиеся от обычных неолитических как по залеганию, так и по общему виду. По крайней мере, именно в эпоху палеолита население Ленского края преимущественно пользовалось для изготовления своих орудий белым или зеленовато-сероватым кварцитом и различными разновидностями плотных зеленокаменных пород, в том числе сланца и яшмы; позднейшие же неолитические жители долины Лены совершенно пренебрегали этим грубым и неблагоприятным материалом, предпочитая ему лучшие разновидности местного кремня.

15. В 6 км выше горы Солянской, в обнажении 6—8-метровой террасы, на глубине 1.3—1.5 м от поверхности встречен древний очажный слой, около которого в обрыве поднята кость ископаемого животного, по-видимому, быка.

16. На 1115-м км по правому берегу р. Лены, в обнажении 6—8-метровой террасы, на глубине 1.75 м от поверхности почвы в слое суглинка встречен очажный слой. Внизу поднят отщеп из характерной зеленокаменной породы.

17. Ниже дер. Солянки, в 4—5 км, на левом берегу р. Лены, в обнажении 6—8-метровой террасы встречена очажная прослойка на глубине 1.2 м от поверхности. Рядом подняты оббитые гальки.

18. По современному административному делению граница между Иркутской областью и Якутской республикой проходит в районе сел. Витим. Отсюда же начинается и серия новых, самых северных в Сибири палеолитических находок, связанных уже с территорией ЯАССР (Ленский и Олекминский районы республики). В сел. Витим, на левом берегу Лены, в обнажении древней террасы, на правом мысе небольшого оврага на глубине 1.5 м встречен древний очажный слой, около которого оказались обломки костей крупного ископаемого животного — быка или носорога.

19. В 3—5 км выше дер. Хамра, на второй надпойменной террасе высотой 12,8 м обнаружено массивное скребловидное орудие из черной гальки палеолитического типа.

20. Ниже дер. Гатамайской, на левом берегу р. Лены, за островом, на останце древней террасы высотой 16 м в желтобурой супеси встречены грубые отщепы из белого кварцита и зеленокаменной породы, а также одно орудие типа нуклеуса-скребка.

21. В 3 км выше сел. Нюя, на древней песчаной террасе высотой 19—20 м, сильно развеваемой с края и перекрытой у бровки мощным дюнным валом, встречен палеолитический культурный слой, который представляет собой древнюю погребенную почву. В нем прослежен небольшой очажок, около которого концентрировались многочисленные отщепы и обломки галек зеленокаменной породы. Из числа орудий оказалось изделие типа односторонне-выпуклого тесла или топора, известного в находках со стоянок Афонтова гора, Верхоленская гора и других позднеолитических поселений Сибири. Там же было найдено обычное скребло с овальным лезвием, оформленным крутой мустьерской ретушью, изготовленное, как и топор, из плотной зеленокаменной породы. Из хорошего черного камня изготовлены были здесь два нуклеуса; один из них имел желобчатое ретушированное лезвие и, собственно, являлся нуклеовидным орудием.

22. В дер. Точильной, на левом берегу р. Лены, на песчаной террасе высотой 14 м обнаружено крупное в виде рубила орудие палеолитического облика, изготовленное из оббитой наполовину гальки зеленокаменной породы.

23. В 6 км ниже гор. Олекминска и в 2 км ниже пос. Дабан, по левому берегу р. Лены, на высокой древней террасе, сложенной из кембрийского известняка в перекрывающей его толще светложелтой супеси, обнаружен палеолитический культурный слой. Он находится на глубине 60 см и перекрыт сверху слоем мелкого пылеватого песка, слегка окрашенного гумусом и рыхлой светложелтой супесью. В культурном слое обнаружены обожженные очажные гальки и значительное количество отщепов зеленокаменной породы. Там же оказался фрагмент кости какого-то животного, конический нуклеус из кремня, кремневые ножевидные пластины, а также грубое скребло обычного для Сибири палеолитического типа. Все изделия из зеленокаменной породы оказались очень сильно изъеденными почвенными кислотами, а кремневые вещи — покрытыми плотной известковой корочкой. Общий характер залегания их такой же, как и на Нюйской террасе или в Дубровино.

24. Вблизи дер. Мархачан, на возвышенности Буор-Хая, представляющей мысовидный выступ древней террасы, обрывающейся вниз скалистым уступом высотой около 60—80 м, на заброшенной пашне встречены различные каменные изделия палеолитического облика. Последние встречались выпаванными из тонкого слоя желтого лёссовидного суглинка, непосредственно покрывающего известняковый массив террасы. Это были широкие ножевидные пластины, скребла, очень близкие по типу к найденным в Чагинской, а также оригинальные нуклеовидные орудия в виде двустороннего скобеля (рабо) и крупного дисковидного нуклеуса. Там же встречены обломки костей крупных животных.

25. У пос. Сайлык на р. Мархе, впадающей в р. Лену ниже Олекминска, около обрыва древней террасы поднято массивное скребловидное изделие из черной речной гальки, сходное с обычными на средней Лене грубыми рубящими орудиями палеолитического типа.

Таким образом, первые специальные поиски палеолитических памятников в долине р. Лены привели к открытию в ней 25 неизвестных ранее местонахождений, из которых большая часть дала каменные изделия типично палеолитического облика (15 местонахождений), а часть — такие же каменные орудия, вместе с остатками древней фауны в безупречных стратиграфических условиях (Частинская, Макарово, Шишкино, Водянишный ручей). Чтобы полностью оценить значение этих находок для древнейшей истории северной Азии, для заселения ее человеком, следует вспомнить, что в 1941 г. на всей территории СССР было учтено 300 палеолитических местонахождений и в том числе на территории Сибири 74.⁷ Последние группировались, как уже отмечалось выше, только на юге Сибири: в верховьях Оби, Енисея, Ангары, Селенги и, отчасти, в верховьях Амура (на Ононе).

Новые палеолитические находки показывают теперь, что эйкумена палеолитического человека в северной Азии не ограничивалась одними южными районами. Как оказалось теперь, обширная территория на северо-востоке Азии, расположенная вдоль одной из величайших рек Старого Света, Лены, уже в отдаленное время не была совершенно безлюдной пустыней. Судя по новейшим находкам, в долине Лены, ниже Киренска, человек впервые появился, очевидно, в то же самое время, как и на Ангаре. Судя по находкам у дер. Частинской и, повидимому, около дер. Миронново, он появился здесь еще во время существования не только мамонта, но и носорога, в то отдаленное время, когда отлагаются перемежающиеся суглинки и супеси 20—25-метровых террас с характерной для них фауной холодолюбивых пресноводных моллюсков, т. е. в ледниковую эпоху, соответствующую вюрмской стадии Европейской России, а может быть, и рисо-вюрмскому межледниковому этапу. Это были арктические охотники на северного оленя, мамонта и носорога, создавшие оригинальную и богатую культуру сибирского солютре (стоянка Военный госпиталь) и раннего мадлена (Мальта и Буреть), которая генетически связана с замечательной позднесолютрейской и раннемадленской культурой Европейской России, культурой Костенок, Гагарино и Мезина на Украине.⁸

На следующем, позднепалеолитическом, этапе в жизни древнейшего населения Ленского края, распространившегося еще далее на Север, — по крайней мере до Олекминска и Мархачана, как и в жизни остальных их современников в северной Азии, происходят большие и многообразные перемены. Особенно заметны изменения в формах и технике изготовления каменных орудий, а также в бытовом укладе. Широко распространяются оригинальные овальные или близкие по очертаниям к овалу скребла из кварцита и зеленокаменных пород, по форме и технике ретуши напоминающие мустьерские скребла. Эти тяжелые и массивные орудия, несомненно, служили не скреблами в собственном смысле этого слова, а скорее всего ножами и орудиями для обработки дерева. Наряду с ними впервые появляется оббитый топор или тесло, превосходный образец которого оказался и на Нюйской террасе, в Якутии.

Поселения имеют теперь вид временных охотничьих лагерей, наиболее характерной чертой которых являются заботливо устроенные из плит камня своеобразные очаги в виде «кадушек».

В это время, как показывает находка остатков черепа человека на Афонтовой горе в 1937 г., в Сибири уже существовало население монголо-

⁷ П. П. Ефименко и Н. Н. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 2, 1941, стр. 254—290.

⁸ Г. П. Сосновский. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины. Палеолит СССР. Материалы по истории родового общества. Изв. ГАИМК, вып. 118, М.—Л., 1935, стр. 159—163, рис. 4, 5, 6, 7.

идного типа.⁹ Вряд ли можно сомневаться в том, что и на р. Лене в это время существовало население, аналогичное по физическому типу. Во всяком случае можно думать, что первоначально родственное по культуре палеолитическим племенам Средней и Южной России палеолитическое население всей северной и отчасти Центральной Азии (Забайкалье, Монголия, Ордос) в конце палеолита проходит свой особенный путь развития материальной культуры и что одновременно здесь обнаруживается новый, монголоидный, антропологический тип. Тем больший интерес приобретает еще один древний памятник, открытый на Лене между Качугом и Верхоленском, на известных уже 200 лет писаных скалах у дер. Шишкино.

Памятник этот — большое, почти в натуральную величину изображение дикой лошади, по общему облику более всего напоминающее лошадь Пржевальского. Рисунок лошади выполнен широкими полосами красной минеральной краски — охры, смело оконтуривающими грузное тело животного. Изображение сильно пострадало в результате выветривания, особенно в верхней его части, однако нижняя часть фигуры — маленькая голова и широкий пышный хвост — сохранилась полностью; нарочито подчеркнут и признак пола животного.¹⁰

Дикий жеребец представлен здесь, как и на большинстве палеолитических изображений лошадей, строго в профиль. Головой он обращен вниз по реке, на север. По сюжету, размерам и по основным своим стилистическим признакам шишкинский рисунок обнаруживает ближайшую связь с аналогичными образцами верхнепалеолитического искусства и должен быть поэтому отнесен к палеолиту. Общий контурный характер рисунка, его особая сдержанность и сухость, а также неподвижная поза животного больше всего напоминают древнейшие, ориньякские изображения животных. Контурные этих изображений одинаково жизненны и точны в передаче общей формы тела животного и наиболее существенных его деталей; они одинаково свободны от рассеивающих свежест и цельность общего впечатления второстепенных признаков. Достаточно поставить шишкинское изображение в один ряд с наиболее известными палеолитическими изображениями лошадей, чтобы непредубежденным глазом можно было сразу увидеть, как оно сливается с ними, находит в них свои параллели и аналогии.

Отсюда следует, что, вопреки прежним взглядам, древнейшему населению Сибири не только не было чуждо искусство скульптуры или богатая орнаментика, но и производство художественных росписей, реалистически точно передававших образцы исчезнувших представителей своеобразного животного мира четвертичной эпохи. Первый образец подобных скальных рисунков североазиатского палеолита оказался, таким образом, в пределах новой обширной провинции сибирского палеолита — на скалах в верховьях Лены, откуда палеолитическим охотникам открывалась прямая дорога еще дальше в глубь Севера — к берегам Ледовитого океана.

Нельзя не вспомнить в данной связи и о том, что еще в 70-х годах XIX в. П. А. Кропоткин, впервые обративший внимание на древние ледниковые явления в Сибири и на террасы Лены с толщами лёссовидных суглинков, содержащих ископаемую четвертичную фауну, тогда же признал глубокую древность ленских скал в их современном виде. По словам исследователя, «они и теперь сохранили ту самую форму, которую имели в то время, когда у подошвы их отлагались постплиоценовые осадки, ибо

⁹ Г. Ф. Дебец. Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки Афонтова гора II под Красноярском. Бюлл. Комиссии по изучению четвертичного периода, № 8, 1946, стр. 73—77.

¹⁰ А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии, Якутск, 1943, стр. 19; его же. Далекое прошлое Якутии, Якутск, 1945 (на якутском языке), стр. 23.

поверх этих осадков мы находим лишь самое ничтожное количество осыпей и даже там, где они не могли быть снесены водой». «Не менее интереса,— писал он далее,— могут представить и ленские пещеры. Издавняя заселенность Азии, обилие пещер в ленских известняках — все это заставляет думать, что в них могут встретиться новые факты для разъяснения темных вопросов о временах младенчества человеческого рода».¹¹

Как мы видели, эти смелые догадки полностью опростались спустя семьдесят лет, когда в постплиоценовых отложениях Ленской долины, в том числе у самого подножья Шишкинской горы, были обнаружены остатки поселения людей древнекаменного века, а на ее скалистых обрывах — следы палеолитического искусства. Вряд ли можно сомневаться в том, что дальнейшие археологические работы в бассейне Лены принесут еще много нового и неожиданного в изучение прошлого северных областей Азии.

Исключительный интерес с этой стороны представляют не только ближайшие перспективы широких систематических раскопок уже известных поселений ленского палеолита, но и, в особенности, возможность специальных поисков новых палеолитических памятников в таком, например, благоприятном для этой цели районе, как долина Вилюя у Сунтара. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карту Ленского края: Вилюй в точности повторяет в своих верховьях тот плавный меридиональный изгиб р. Лены, вдоль левого берега которого здесь так густо сосредоточена самая северная группа палеолитических памятников Сибири. На Вилюе, в этом же участке превосходно выражены древние лесостепные участки, уцелевшие с конца ледниковой эпохи; там сохранились и специфические реликты ландшафта послеледниковой сухой (ксеротермической) эпохи — обширные площади песчаных дюнных полей «тукуланов», с которыми связаны, повидимому, и палеолитические находки на Нюйской террасе.

Еще заманчивее надежда найти следы пребывания палеолитических людей и дальше в глубь Севера — по направлению к тому подлинному Эльдorado для первобытных охотников, у самых берегов Студеного моря, которое около трехсот лет неизменно поставляло на мировой рынок груды драгоценной мамонтовой кости.

Если сейчас точно и неопровержимо известно, что охотники на дикую лошадь и северного оленя уже в конце ледниковой эпохи спустились по Лене до 62° с. ш., то кто знает, как далеко проникли к высоким широтам самые смелые и предприимчивые из этих пионеров Севера. Само собой понятно, что эти нереализованные возможности не ограничиваются одной долиной Лены, но в такой же степени относятся и к долинам соседних с ней больших водных артерий Сибири, северные участки которых до сих пор остаются неведомой для археологов страной, — Енисей ниже Красноярска и Обь ниже Томска.

Исследование этих территорий в палеолитическом плане является поэтому безусловно назревшей и очередной задачей советских археологов.

¹¹ П. А. Кропоткин. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции. Записки РГО по общей географии, т. III, 1873.

Г. Ф. ДЕБЕЦ

О СИСТЕМАТИКЕ И НОМЕНКЛАТУРЕ ИСКОПАЕМЫХ
ФОРМ ЧЕЛОВЕКА

1. Основой последующих тезисов служит принятое большинством советских биологов положение Дарвина о том, что систематика организмов должна отражать их родственные взаимоотношения.

2. Принятие филогенетического принципа систематики имеет своим логическим следствием единство системы современных и ископаемых форм. Разграничение систематики вымерших и ныне живущих организмов связано с отвергаемым нами разграничением задач систематики и филогенетики.

3. В номенклатуре ископаемых и современных форм человека господствует необычайное разнообразие. С одной стороны, это разнообразие является следствием различия представлений о филогении человека. В этом случае оно неизбежно и не может быть устранено прежде, чем будет установлено единство мнений. Наряду с этим имеются, однако, случаи, когда различие является лишь следствием пренебрежения к правилам номенклатуры и филогенетическому принципу построения системы, при котором более высокий таксономический ранг должен соответствовать более крупному ответвлению родословного древа. Этим создаются дополнительные и совершенно излишние трудности для понимания фактов, а также взглядов различных авторов.

4. Суммируя наиболее распространенные номенклатурные обозначения, получаем следующий список терминов:

Р о д	В и д	В р е м я
Homo	sapiens	Современность и поздний плейстоцен
	neanderthalensis	
	rhodesiensis	Средний плейстоцен (частью предположительно)
	soloensis	
	heidelbergensis	
Sinanthropus	pekinensis	Ранний плейстоцен
Pithecanthropus	erectus	

Эта сводная схема может быть дополнена для иллюстрации некоторыми конкретными схемами.

Основная разграничительная черта проходит, таким образом, между питекантропом-синантропом, с одной стороны, и неандертальцем — с дру-

а) Монтандон (1940)¹

Подсемейство	Род	Вид
Homininae	Homo	{ sapiens primigenius
Anthropinae	{ Africanthropus Sinanthropus Pithecanthropus	{ njarasensis pekinensis erectus

б) Кэлин (1945)²

Род	Подрод	Вид
Homo	{ (Homo) (Protanthropus)	{ afer americanus sapiens australasicus dawsoni neanderthalensis njarasensis heidelbergensis erectus
Pithecanthropus		

гой. Количество и ранг таксономических единиц непрерывно возрастает по мере удаления от современности. При соблюдении филогенетического принципа систематики это означает:

а) что неандертальцы, родезиец и ископаемые люди из Нгандонга (так называемые «явантропы») ближе к современному человеку, чем к питекантропу-синантропу, и, следовательно, что эволюция человека характеризуется двумя наиболее крупными скачками: первым — от обезьяны к человеку (формирование семейства Hominidae) и вторым — от питекантропа-синантропа к неандертальцу или «явантропу» (формирование рода Homo);

б) что большинство ископаемых форм является боковыми ветвями родословного древа человека.

Некоторые авторы, в особенности Вейденрейх,³ считают, правда, что номенклатура не должна отражать филогенетических и систематических связей и взаимоотношений. Тогда, по крайней мере в русской литературе, не нужно употреблять латинских названий, которые в этом случае ничего не будут означать и фигурировать только как вредная псевдоученость. Вряд ли, однако, это будет правильно. Номенклатура должна по возможности точнее отражать наши взгляды на процесс антропогенеза. Строго регламентированной международными соглашениями латинской номенклатуре в этом случае следует отдать предпочтение.

5. При определении таксономического ранга ископаемых форм встают, естественно, большие трудности. Единственным критерием может являться степень морфологического различия, исходным мерилom которого следует считать различия между современными формами того же рода или семейства.

6. Вопрос о таксономических рангах современного человека и его больших рас решается в пользу отнесения всех больших рас к одному виду,

¹ G. Montandon. Nomenclature anthropologique. Revue scientifique, 1940.

² J. Kalin. Zur Systematik und Nomenklatur der fossilen Hominiden. Bull. d. Schweizerischen Gesellschaft für Anthropologie und Ethnologie, 21 Jahrgang, 1945. Обширная литература вопроса.

³ F. Weidenreich. The skull of Sinanthropus pekinensis. Palaeont. Sinica, New ser., D, № 10, 1943.

основываясь при этом на всех критериях: физиологическом, морфологическом (отсутствие (hiatus) и в конце концов даже географическом (состояние, близкое к викариату, по крайней мере, в эпоху формирования больших рас). Основные расы при всем их своеобразии, по сравнению с зоологическими категориями систематической классификации, можно приравнять к подвидам. Я оставляю в стороне вопрос о том, следует ли ограничиться тремя большими расами (европеоидами, монголоидами и негроидами), или число их нужно увеличить до пяти, выделяя особо австралоидов и американоидов, или даже до большего числа (вопрос об айнах, бушменах и пр.).

7. Поскольку не подлежит сомнению тот факт, что черепа из Нгандонга или европейских неандертальцев отличаются от современных рас значительно больше, чем последние различаются между собой, то, исходя из предыдущих тезисов, им следует присвоить более высокий ранг, чем большим расам современного человека. Таким образом, эти формы следует отнести, по крайней мере, к другому виду (или видам), чем современного человека.

8. Крайней сложностью отличается вопрос о таксономических взаимоотношениях форм, обычно определяемых как ископаемые виды рода Ното (*N. rhodesiensis*, *N. soloensis* и пр.).

Попытки разрешить подобного рода вопросы были сделаны Морантом⁴ путем применения так называемого «коэффициента расового сходства». Используя наиболее употребительные размеры и указатели, Морант получил следующие величины:

Ля-Шапель—родезиец	3.2
Гибралтар—родезиец	4.6
Ля-Шапель—Гибралтар	2.0

Различие между европейскими неандертальцами и родезийским черепом очень невелико. Среди современных рас подобные коэффициенты обнаруживаются обычно при сопоставлении весьма близких форм.⁵

Доисторические из Швеции—древние славяне Чехии	4.0
Копты —баски	3.1
Вюртембергцы —баварцы	4.1
Тувинцы —буряты	3.7
Калмыки —монголы	4.2
Доисторические из Китая —современные китайцы Фуцзяня	3.5
Яванцы —даяки	4.8
Ведды —дравиды	3.4

При сопоставлении далеких форм, принадлежащих к разным расам первого порядка, получаются обычно гораздо более высокие величины:

Чукчи—дравиды	60.4
Чукчи—ведды	50.5
Чукчи—индусы	65.3
или	
Андаманцы—калмыки	49.7
Андаманцы—буряты	58.5
Андаманцы—тувинцы	74.0
Андаманцы—чукчи	65.4

⁴ G. M. Morant. Studies of Palaeolithic Man III. The Rhodesian skull and its relations to Neanderthaloid and modern types. Ann. of Eugenics, т. 3, 1928.

⁵ Его же. A preliminary classification of european races based on cranial measurements. Biometrika, т. 20 B, 1928; T. L. Woo and G. M. Morant. A preliminary classification of asiatic races based on cranial measurements. Biometrika, т. 24, 1937.

Не следует, впрочем, переоценивать объективности этого метода. Все возражения, сделанные по поводу подобных «математических» приемов, остаются в силе. В частности, при том подборе признаков, который обычно используется Морантом и другими биометриками, преобладающее значение получает черепной указатель. Так, например, при сравнении долихо-мезокефальных монголоидов восточной Азии (китайцев, японцев,

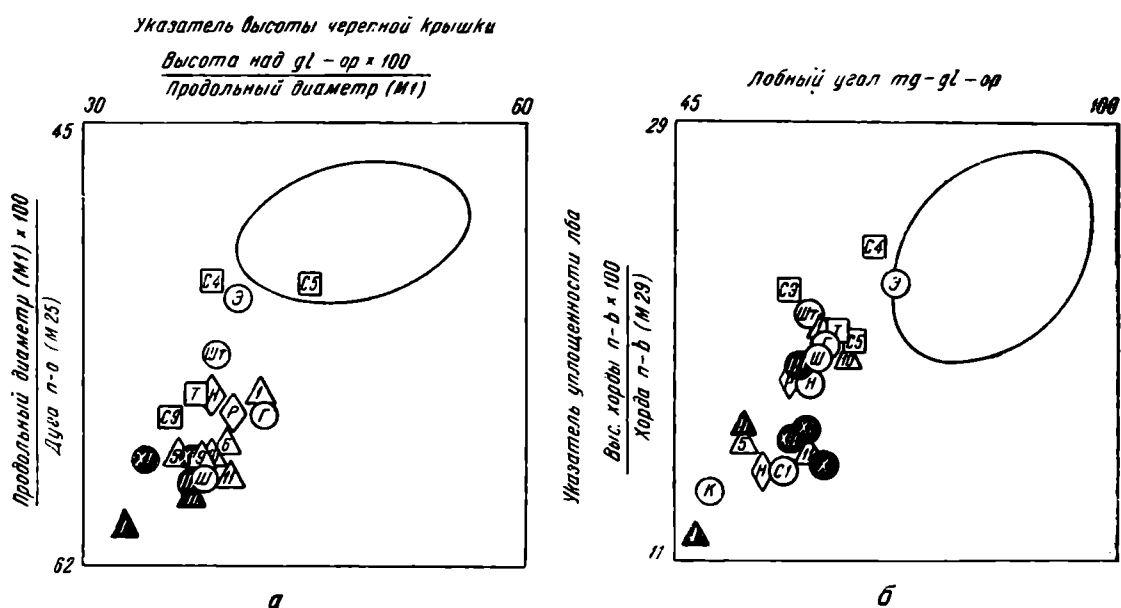

Рис. 1. Графики корреляционных полей важнейших филогенетических признаков

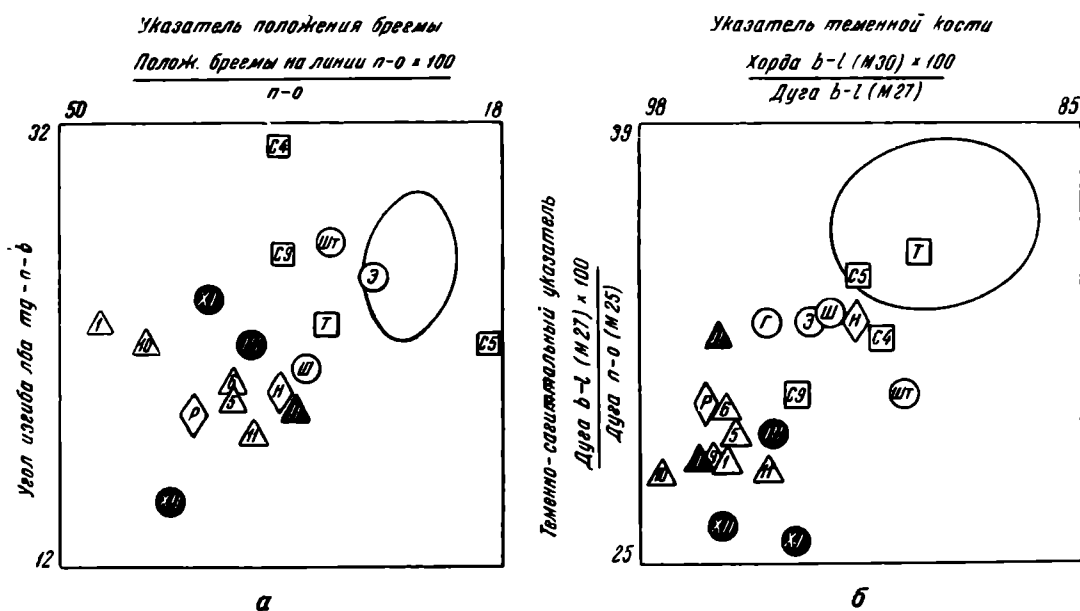

Рис. 2. Графики корреляционных полей важнейших филогенетических признаков

индонезийцев) с долихо-мезокефальными веддоидами и европеоидами Индии получают, в общем, более низкие коэффициенты, чем при сравнении китайцев и индонезийцев с брахицефальными монголоидами Сибири. Между тем не только на основании изучения покровов (на живых), но и краниологически при учете таксономического значения признаков китайцы,

конечно, стоят ближе к бурятам, чем к веддам. Поэтому не следует делать вывода, что родезиец и европейские неандертальцы различаются между собой примерно в той степени, в какой вюртембергцы отличаются от баварцев или калмыки от монголов. Однако приведенные цифры делают еще

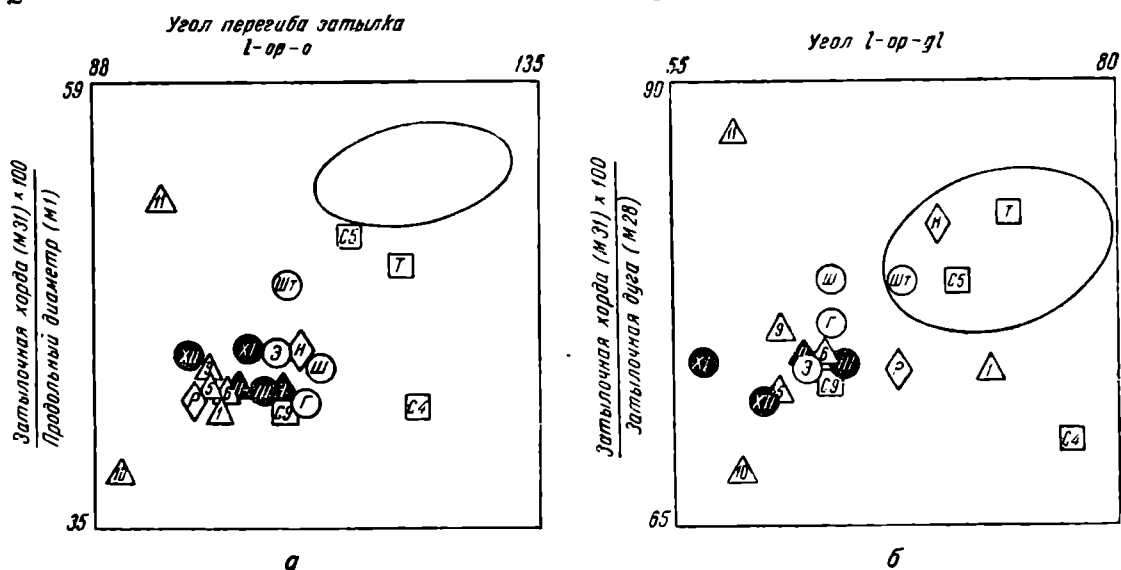

Рис. 3. Графики корреляционных полей важнейших филогенетических признаков

менее возможным вывод о том, что различие неандерталоидных форм между собой значительно больше, чем различие между современными большими расами.

Таким образом, при современном состоянии наших знаний различие между такими формами, как европейские неандертальцы группы Спи, с

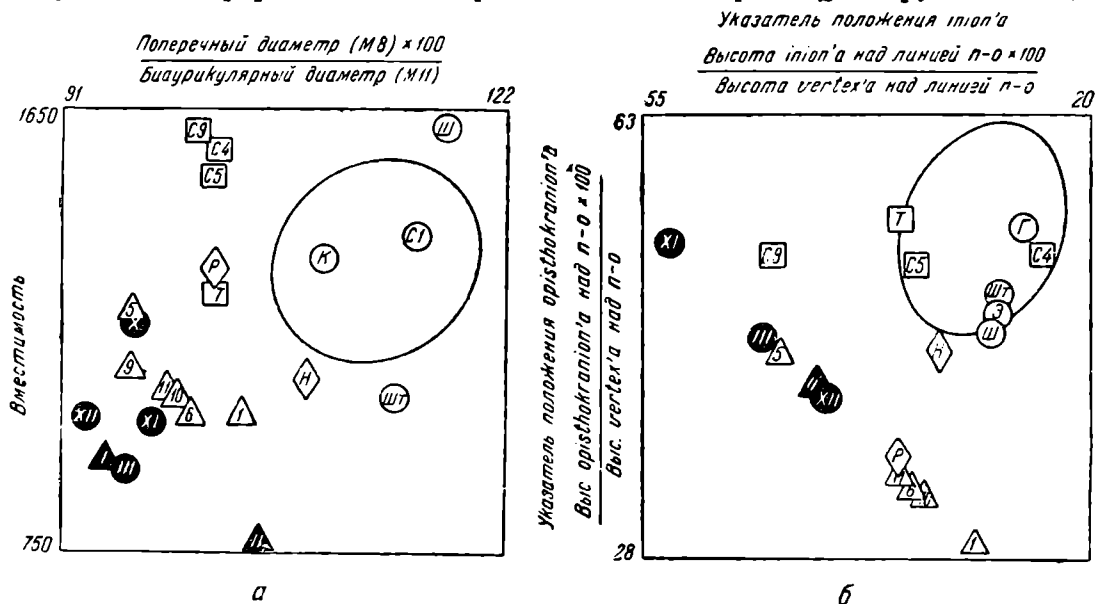

Рис. 4. Графики корреляционных полей важнейших филогенетических признаков

одной стороны, и родезийским человеком — с другой, правильное всего приравнять к различиям между современными большими расами (например, европеоидами и негроидами).

9. Если в отнесении современного и неандертальского человека к разным видам можно согласиться с большинством современных антропологов,

то крайне мало обоснованным является отнесение форм более раннего этапа — питекантропа и синантропа к особым и притом разным родам, т. е. более высоким категориям систематики.

Одним из наиболее важных направлений эволюции черепа человека является абсолютное и относительное увеличение высоты свода, с которым в известной мере связано уменьшение наклона лба, выпрямление затылка, изменение положения брегмы и пр. На рис. 1—3 показано, что по всем этим признакам между питекантропом-синантропом, с одной стороны, и неандертальцами-явантропами-родезийцами — с другой, различий гораздо меньше, чем между последними и современным человеком.

Наряду с этими признаками нельзя, однако, забывать и о таких, которые указывают на известное своеобразие группы питекантроп-синантроп.

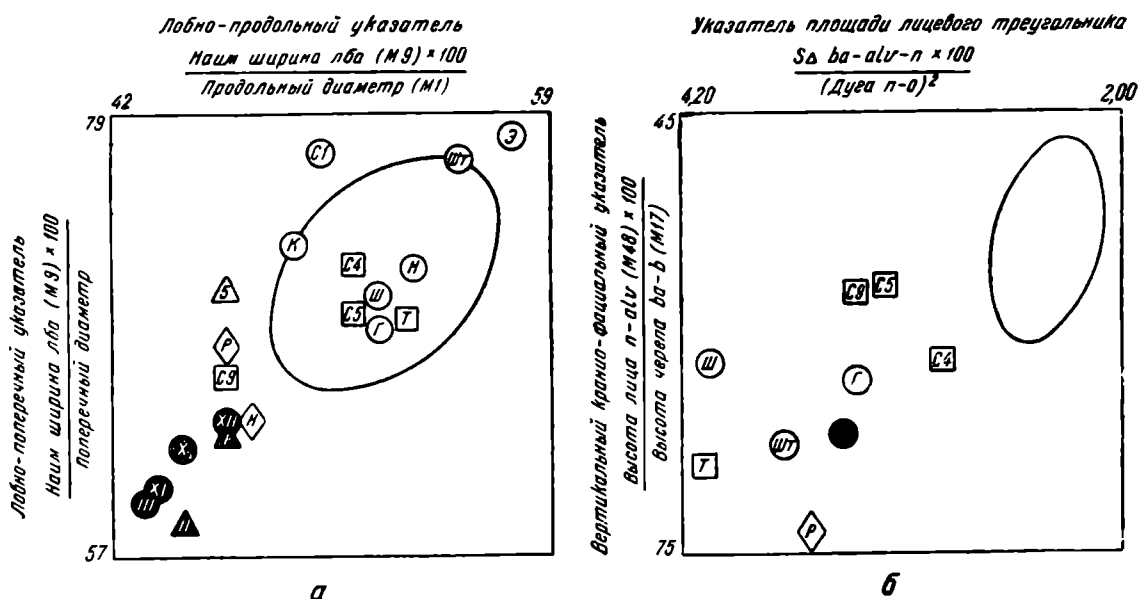

Рис. 5. Графики корреляционных полей важнейших филогенетических признаков

Таковы вместимость черепа и форма поперечного сечения, выражаемые отношением «наибольшего» поперечного диаметра к биаурикулярной ширине. По этим признакам (рис. 4а) европейские неандертальцы попадают в пределы вариации средних у *Homo sapiens*, синантропы-питекантропы с их расширяющейся книзу мозговой коробкой занимают обособленное положение, но находятся в тесном соседстве с «явантропами». Важным признаком, характеризующим эволюцию затылочной области, является перемещение книзу затылочного гребня. У антропоидов инион (точка, лежащая на середине затылочного гребня) лежит выше опистокраниона (наиболее выступающая точка затылка), у питекантропов-синантропов — совпадает с ним, у современного человека инион почти всегда ниже. Европейские неандертальцы в этом отношении не отличаются от современных людей (рис. 4б), но «явантропы» и родезиец опять близки к синантропам.

Из числа метрических признаков черепной крышки только наименьшая ширина лба могла бы быть использована для обоснования выделения питекантропов-синантропов и объединения неандерталоидов с современным человеком (рис. 5а). Однако этот признак характеризуется очень большой индивидуальной изменчивостью: пределы индивидуальной вариации этого признака у современного человека не позволяют использовать его для диагностики отдельных черепов, что делает его мало пригодным для диагностики родовых различий. Кроме того, эволюционное значение этого

признака также невелико — он варьирует примерно в равных пределах у человека и у антропоидов.

Лицевой скелет, вследствие почти полного отсутствия данных о питекантропе-синантропе, вряд ли может быть использован для решения данного вопроса. Все же отметим, что реставрированный череп синантропа по относительной величине лица, являющейся важным филогенетическим признаком, не отличается от неандертальцев (рис. 56). На нижней челюсти основные метрические признаки также не дают существенных различий (рис. 6).

Что касается признаков, не поддающихся или с трудом поддающихся измерению, самым важным следует считать строение надглазной области. И здесь исчезновение сплошного валика, характеризующее современного

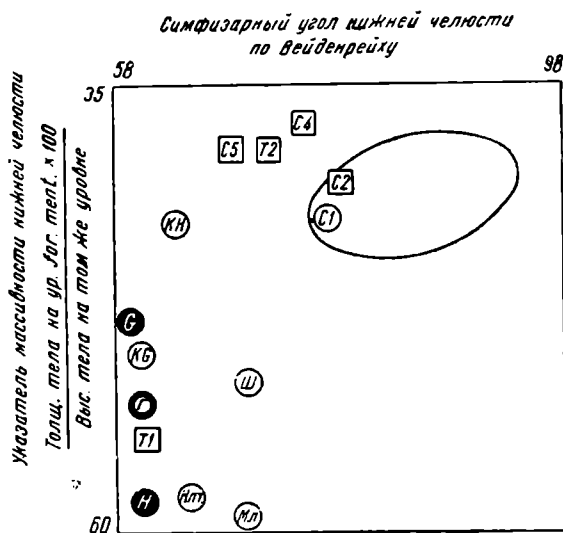

Рис. 6. Графики корреляционных полей важнейших филогенетических признаков

человека, представляет собой гораздо более резкий скачок, чем небольшое и трудно формулируемое различие между питекантропами-синантропами и неандертальцами. Отметим, что в эволюции культуры первым крупным скачком является, повидимому, переход к верхнему палеолиту.⁶

В эволюции человека было, таким образом, два перерыва постепенности: первый при переходе от обезьян к человеку, второй — от неандертальца к *Homo sapiens*. Это и должно быть отражено в системе. Таксономический ранг различий между неандертальцем и питекантропом должен быть меньше, чем между неандертальцем и современным человеком. Последние мы условились считать видовыми, в согласии с большинством исследователей. Однако ранг подвида, принятый в качестве масштаба различий между расами *Homo sapiens*, все же слишком мал для показания разницы между питекантропами-синантропами, с одной стороны, и неандертальцами — с другой. Обе группы существенно различаются между собой по ряду особенностей зубной системы, по строению мозга и другим признакам. Выходом из этого положения могло бы быть объединение питекантропов-синантропов и неандертальцев в один род с двумя видами, противопоставив его роду *Homo* с одним видом *Homo sapiens*. Но нельзя

⁶ С. П. Толстов. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. Советская этнография, № 1, 1946. В данном пункте эта статья резюмирует взгляды многих советских археологов и историков.

не согласиться с мнением многих современных систематиков, что ранг рода слишком высок для различий между неандертальцами и современными людьми.

Трудно диагностируемые (вследствие их фрагментарности или промежуточных особенностей) находки придется тогда определять только в пределах семейства (или подсемейства). Кроме того, все увеличивающееся количество переходных форм вносит дополнительные затруднения и заставляет снизить ранг различий между неандертальцем и современным человеком. Поэтому следует согласиться с предлагаемым рядом авторов и наиболее последовательно осуществленным М. Ф. Нестурхом⁷ объединением всех ископаемых форм в род *Homo*. В целом классификация Нестурха имеет следующий вид:

Р о д	П о д р о д ы	В и д ы
<i>Homo</i>	(<i>Neoanthropus</i>)	<i>sapiens</i>
	(<i>Paleoanthropus</i>)	<i>primigenius</i>
	(<i>Pithecanthropus</i>)	<i>trinitis</i> <i>pekinensis</i> <i>heidelbergensis</i>

Эта система имеет также то преимущество перед большинством других, что она, по крайней мере, уравнивает различие между неандертальцами и питекантропами, с одной стороны, неандертальцами и современными людьми — с другой. Недостатком ее является пренебрежение к правилу приоритета в номенклатуре. Кроме того, как следует из вышеизложенного, различие между современным человеком и неандертальцем следует считать большим, чем между неандертальцем и питекантропом. В целом система должна принять такой вид:

Род <i>Homo</i>	1-й подрод	1-й вид	Современность и поздний плейстоцен
	2-й подрод	2-й вид	Средний плейстоцен
		3-й вид	Ранний плейстоцен

10. Приняв такую схему, различию между яванским питекантропом и синантропом придется придать ранг подвидового. Некоторые авторы считают, что эти формы различаются между собой не больше, чем северные европейцы от южных. Вряд ли это можно считать правильным масштабом. Наличие диастемы (промежутка между клыками и резцами верхней челюсти, свидетельствующего о большой величине нижних клыков) у питекантропа IV нельзя не признать признаком высокого таксономического значения. Однако поскольку речь идет о весьма древней форме, когда особенности зубной системы рода *Homo* только что сложились, а также принимая во внимание, что клык синантропа все же заметно выступает за линию зубного ряда, этот признак не следует переоценивать. Подвидовой ранг достаточен для выявления различий между яванским питекантропом и синантропом.

11. В антропологической номенклатуре следует придерживаться правил биологической систематики. За каждым родом или видом должно сохраняться то наименование, которое было впервые опубликовано. Это правило действует и в том случае, если родовое название переходит в подродовое. Поэтому, объединяя питекантропа и неандертальца в один подрод, мы обязаны сохранить за ним впервые опубликованное наименование «*Pithecanthropus*».

⁷ М. Ф. Нестурх. Антропогенез. В книге: В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский. Антропология. Краткий курс, М., 1941.

Система рода *Homo* Linnaeus, 1758. Человек.

1-й подрод: *Homo sapiens*, str. Linnaeus, 1758. Современный человек

1-й вид: *Homo sapiens* Linnaeus, 1758. Современный человек

2-й подрод: *Pithecanthropus* Dubois, 1894. Ископаемый человек

2-й вид: *Homo* (*Pithecanthropus neanderthalensis* King, 1864. Неандерталец

Подвиды

Homo (*Pithecanthropus*) *neanderthalensis neanderthalensis*, King, 1864. Европейский неандерталец.

Homo (*Pithecanthropus*) *neanderthalensis rhodesiensis* Woodward, 1921. Африканский неандерталец или родезеец

Homo (*Pithecanthropus*) *neanderthalensis soloensis* Oppenoorth, 1932. Яванский неандерталец или явантроп.

Этот подвид, повидимому, придется объединить с предыдущим, именуя его: *Homo* (*P.*) *neanderthalensis rhodesiensis* Woodward, 1921, а по-русски: южный неандерталец.

3-й вид: *Homo* (*Pithecanthropus*) *erectus* Dubois, 1894. Питекантроп.

Подвиды

Homo (*Pithecanthropus*) *erectus erectus* Dubois, 1894. Яванский питекантроп.

Homo (*Pithecanthropus*) *erectus pekinensis* (Black), 1927. Китайский питекантроп или синантроп.

Homo (*Pithecanthropus*) *erectus heidelbergensis* Schoetensack, 1908. Гейдельбергский человек.

Этот подвид выделяется условно. Возможно, что его придется объединить с европейским неандертальцем.

Объяснение к рисункам (1—6)

Каждый квадрат представляет собой корреляционное поле. Минимум и максимум в пределах *Homo* (по принятой здесь номенклатуре). Овал в правом верхнем углу обозначает пределы групповой дифференциации у *Homo sapiens*. Черными значками обозначены черепа питекантропов-синантропов, белыми — остальных ископаемых людей. Черные треугольники — яванские питекантропы, черные кружки — синантропы. Римские цифры соответствуют номеру черепа по последней публикации Вейденрейха.⁸ Белые треугольники — нгандонгские явантропы, белые кружки — европейские неандертальцы: С I — Спи I, Н — Неандерталь, К — Ля-Кина, Ш — Ля-Шапель-о-Сен, Г — Гибралтар, Э — Эрингодорф, Шт — Штайнхейм.⁹ Белые ромбы — африканские находки: Р — родезеец, Н — Ньяраса (так называемый африкантроп).¹⁰ Белые квадраты — палестинцы: С — Схул, Т — Табун.¹¹ На рис. 6 челюсти синантропов в соответствии с публикацией¹² обозначены буквами. Черный кружок с белым пятном и буквой Г — гейдельбергский человек; среди остальных, кроме расшифрованных выше, челюсти из Крапины (КН и КС). Ля-Нолетт (Нлт) и Малярно (Мл.).

⁸ F. Weidenreich. Ук. соч. Из этого же труда заимствовано большинство цифровых данных.

⁹ H. Weinert. Der Urmenschenschädel von Steinheim. Zschr. Morph. Anthr., т. 35, 1936.

¹⁰ Его же. *Africanthropus njarasensis*. Zschr. Morph. Anthr., т. 38, 1940.

¹¹ Th. McCown and A. Keith. The Stone Age of Mount Carmel, т. 2, Oxford, 1939.

¹² F. Weidenreich. The mandibles of *Sinanthropus pekinensis*: a comparative study. Palaeont. Sinica, сер. D, т. 7, часть 4, 1936. Из этого же труда заимствованы сравнительные данные.

А. В. ЗБРУЕВА

МАКЛАШЕЕВСКИЕ МОГИЛЬНИКИ

(Доклад в Секторе первобытной археологии в марте 1947 г.)

В окрестностях с. Маклашеевки Куйбышевского района ТАССР по берегам р. Утки расположена группа археологических памятников эпохи бронзы и раннего железа, состоящая из нескольких могильников и синхроничных им поселений (рис. 7).

Первый могильник был открыт и исследован П. А. Пономаревым в 1882 г. Он раскопал два небольших низких кургана, вытянутых с севера

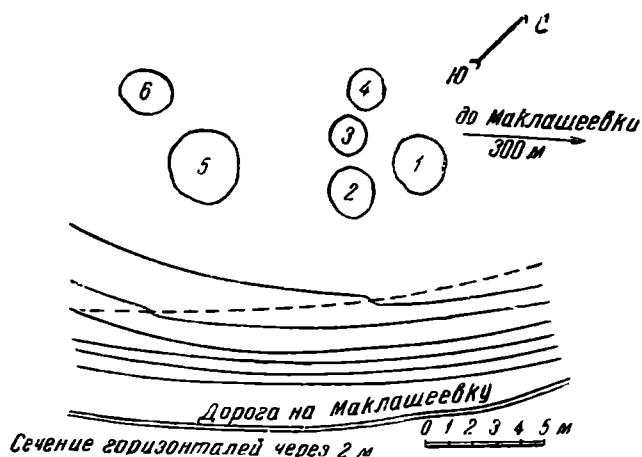

Рис. 7. План могильника Маклашеевка III

на юг. Под насыпью в первом кургане было обнаружено четыре, во втором пять погребений. К сожалению, отчет Пономарева о результатах его работ не был им опубликован. Покойный исследователь считал, что Маклашеевский могильник относится к эпохе более поздней, чем Ананьинский могильник, и пытался связать его с культурой костеносных городищ. Коллекция из раскопок Пономарева в настоящее время хранится в Центральном музее ТАССР в Казани. Она

состояла из наконечников стрел, бронзовых височных колец и бляшек и глиняных сосудов. К сожалению, наиболее интересные вещи этой коллекции (кремневый наконечник стрелы, кожаный нагрудник с четырьмя бронзовыми бляшками, височные кольца и четыре глиняных сосуда) пропали, и об этих вещах можно судить лишь по полевым зарисовкам Пономарева.¹

В 1897 г. Пономарев раскопал еще один долгий курган, лежавший к ЮЗЗ от с. Маклашеевки близ полевой дороги в с. Полянки. Курган этот длиной около 30 м и шириной около 7 м, вытянутый с севера на юг, имел в высоту всего около 20 см. Здесь было вскрыто 13 могил с 19 погребениями. Коллекция из раскопок второго кургана хранится в Централь-

¹ В работе М. Г. Худякова «Die Ausgrabungen von P. A. Ponomarev in Maklaseevka im Jahre 1882» памятник был отнесен к эпохе местного энеолита.

ном музее ТАССР в Казани. Из этой коллекции не сохранилась большая часть кремневых орудий и несколько бронзовых и костяных предметов. Краткое описание раскопок этого кургана опубликовано в статье М. Г. Худякова «Могильник Маклашеевка II».²

Вопрос о том, находились ли долгие курганы в одном месте или могильники Маклашеевка I и Маклашеевка II представляют собою разные памятники, остается в сущности открытым, хотя Худяков самим заглавием статьи решает этот вопрос в том смысле, что это два разных могильника. Одинаковое строение и ориентировка всех долгих курганов, одинаковая ориентировка погребений (головой на запад), одно и то же положение их в могиле (вытянутое на спине) — позволяют говорить о принадлежности всех долгих курганов к одному культурному комплексу.

Кроме долгих курганов, Пономарев в 1882 г. раскопал еще несколько небольших круглых курганов на так называемом маклашеевском взвозе — на краю возвышенности правого берега р. Утки, на расстоянии около 1 км к юго-западу от с. Маклашеевки. Результаты раскопок этих курганов нигде не опубликованы.³ Где находится коллекция из этих курганов — неизвестно. Об этих работах покойного исследователя имеется небольшая статья М. Г. Худякова в I томе журнала «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*», где говорится, что П. А. Пономарев вскрыл возле Маклашеевки два круглых кургана, которые принадлежали к другой культуре, чем могильник Маклашеевка I. Худяков датирует эти курганы бронзовой эпохой.

Во время розысков в 1938 г. в Казани архива П. А. Пономарева в руки автора этих строк попали собственноручные зарисовки Пономарева круглых курганов близ Маклашеевки с датами раскопок и записями о их высоте, диаметре и некоторых других данных. На основании этих рисунков и записей можно установить следующее: Пономаревым на взвозе было вскрыто не меньше пяти круглых курганов, диаметром 4—8 м и высотой около 50 см; курган № 3 был пустой; курганы № 1, 2 и 5 содержали погребения. Рисунок кургана № 4 отсутствует.

Умершие были положены на материке из бурой глины. В кургане № 1 находилось скорченное погребение на левом боку, головой на восток, с лицом, обращенным на юг. Руки были согнуты в локте, а кисти вытянуты перед грудью. Перед лицом стояли две небольшие плоскодонные глиняные чашечки с зигзагообразным орнаментом по краю. Насколько можно судить по очень мелкому схематическому рисунку Пономарева (рис. 8—1), сохранность костяка плохая, мелкий сосуд раздавлен.

Под курганом № 2 на глубине около 1.2 м находилось неполное погребение. В центре лежала кучка костей очень плохой сохранности, к востоку от нее на расстоянии около 70 см — часть челюсти с зубами. Сам Пономарев считал, что положение костей говорит о частичном погребении, с чем согласиться трудно. Вероятнее всего, что здесь обычное скорченное погребение головой к востоку, от которого сохранились лишь длинные кости ног, позвонки, ребра и зубы, может быть, потревоженные грызунами. В кургане № 5 было обнаружено сильно скорченное погребение на правом боку, головой на юг, лицом на восток, без вещей, изданное в статье М. Г. Худякова (рис. 8—2). Погребение в кургане № 1 является обычным для срубно-хвалыньских могил Среднего Поволжья, и сосуды, стоящие перед лицом умершего, — типичным инвентарем этих могил. Таким образом, Пономарев в 1882 г. на Маклашеевском взвозе от-

² М. Г. Худяков отнес могильник к эпохе бронзы.

³ О них лишь кратко упоминается в статье П. А. Пономарева о раскопках у Билярска в 1916 г. (Изв. Об-ва археол., ист. и этногр. при Казанском университете, т. XXX, вып. 1, стр. 105).

крыл могильник срубно-хвалынского типа и притом самый северный из всех известных до сих пор памятников этого рода.

В 1909 г. А. М. Тальгрэн исследовал три кургана на двух могильниках у с. Маклашеевки.⁴ Первый могильник лежал на окруженной водой возвышенности на расстоянии около 3 км от Волги и в одном км к юго-западу от села. Здесь находились три круглых кургана, из которых был раскопан один диаметром 9—9.5 м и высотой 30 см. Под насыпью на глубине 35 см сохранились лишь остатки длинных костей рук или ног че-

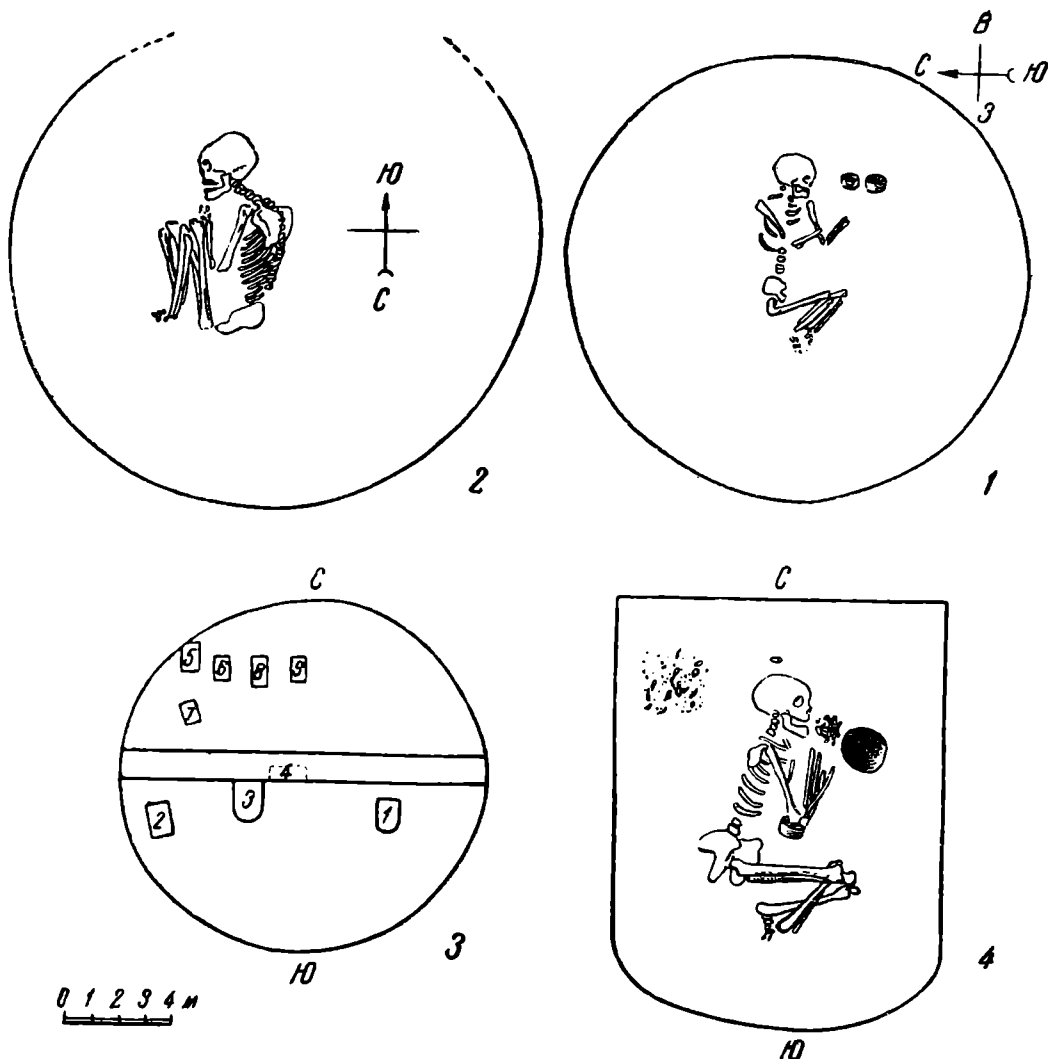

Рис. 8. Маклашеевские могильники

1 — погребение в кургане № 1; 2 — погребение в кургане № 5; 3 — план расположения могил в кургане № 6; 4 — мужское погребение

ловека и возле них на той же глубине находился сосуд и несколько выше — обломки другого. Целый сосуд имел баночную форму; верхняя его часть орнаментирована. Датировки погребения исследователь не дает.

Второй могильник расположен на так называемых «Бутырках», где было заметно много низких холмиков в 20—30 см высотой. Тальгрэн вскрыл два из них, которые лежали между двумя улицами в непосредственной близости от амбаров. Первый курган был пуст. Под насыпью второго кургана, на котором позднее поставили мельницу, находились два

⁴ А. М. Tallgren. Ausgrabungen in Maklašeevka. *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, I, 1924, стр. 98—99.

скелета в вытянутом положении, без вещей. Единственная находка во втором кургане — железный гвоздь. В краткой статье Тальгрена не содержится ни подробного описания положения костяков в последнем кургане, ни попытки его датировки.

Итак, Пономаревым возле с. Маклашеевка были раскопаны круглые курганы, содержащие скорченные погребения эпохи бронзы, с типичными плоскодонными сосудами баночной формы, и длинные курганы, под насыпью которых находились костяки, лежавшие в вытянутом положении, на спине, головой на запад; погребения сопровождалась кремневыми, бронзовыми и костяными орудиями и украшениями, а также плоскодонной и круглодонной глиняной посудой. Некоторыми исследователями (А. М. Тальгрэн, М. Г. Худяков) эти курганы делятся на два комплекса: более ранний — энеолитический — Маклашеевка I и более поздний, но также относящийся к эпохе бронзы, — Маклашеевка II. Попытаемся подойти к решению вопроса о культурной принадлежности и датировке этих памятников.

Первая часть проблемы решается сравнительно легко. В 1938 г. во время археологических разведок в зоне подтопления р. Утки отрядом Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР, под руководством автора этих строк были тщательно осмотрены окрестности с. Маклашеевки. Местными старожилами были указаны места прежних раскопок на взвозе, близ полевой дороги в с. Полянки и на урочище «Бутырки». Никаких ясных следов курганов на взвозе и близ полевой дороги в Полянки не оказалось. В том и другом месте расстилались распаханые поля, и возможно, что долголетняя распашка уничтожила следы курганных насыпей.

На урочище «Бутырки», на краю высокой надпойменной террасы, на расстоянии около 300 м к юго-западу от с. Маклашеевки оказался могильник, состоявший из шести круглых курганов диаметром 15—30 м и высотой около 60 см (рис. 7). Курганы сильно распаханы; раньше они были, по словам местных жителей, меньше в диаметре и выше. По всей вероятности, это не то место, где Тальгрэн видел в 1909 г. много мелких курганов в 20—30 см высотой. В дальнейшем изложении мы будем называть этот памятник могильником Маклашеевка III.

В 1939 г. под насыпью кургана № 6 на глубине 50—90 см ниже современной поверхности почвы было обнаружено восемь могил с погребениями (рис. 8—3). Кроме того, одно погребение находилось в центральной части насыпи кургана. Из восьми могил, лежавших под насыпью кургана, лишь одна располагалась в слое супеси, идущей от поверхности до глубины 40—60 см, где начинался слой плотной глины. Остальные были обнаружены в слое глины на глубине 10—50 см ниже поверхности этого слоя. Очертания могил ярко вырисовывались в виде небольших темных четырехугольников, вытянутых с севера на юг на фоне светлой глины. Размеры их различные: наибольшая имела 160 × 120 см, наименьшая 80 × 55 см. В шести могилах находились скорченные погребения, большей частью детские, лежавшие на левом боку, головой на север, лицом на восток. Такие же погребения, повидимому, находились и в могилах № 1 и 7, где костяки почти не сохранились.

Недалеко от центра кургана, в южной его половине было вскрыто наиболее интересное погребение взрослого мужчины. Костяк довольно хорошей сохранности, скорченный, как и все остальные, лежал на левом боку, головой на север, лицом на восток, с согнутыми в локте руками, кисти которых были вытянуты перед лицом. Под локтем правой руки находилась маленькая глиняная чашечка, а перед лицом — большой сосуд. К северу от черепа лежал обожженный обломок черепной крышки человека, а к западу помещалась небольшая яма, наполненная пережженными костями, среди которых попадались фрагменты человеческих костей (рис. 8—4).

Повидимому, мы здесь имеем дело со следами человеческого жертвоприношения в честь умершего.

Небольшие ямы с пережженными костями, по словам В. А. Городцова, встречались при погребениях срубного типа в Среднем Поволжье, и, таким образом, кровавая жертва умершему, погребенному в Маклашеевском могильнике, не является исключением. Были ли среди перегорелых костей в могилах из раскопок Городцова человеческие кости — неизвестно. Из плана расположения могил под насыпью кургана № 6 видно, что в центре их была могила взрослого мужчины, в честь которого было совершено человеческое жертвоприношение. Вокруг нее располагались другие могилы, преимущественно детские. Погребальный инвентарь всех могил очень беден: он состоял из двух (в одном случае — трех) глиняных сосудов. Кроме того, при погребении № 2 на уровне пояса сзади лежало маленькое колечко из медной проволоки.

В центре насыпи кургана № 6 в слое супеси было обнаружено впускное погребение на глубине 55 см от поверхности кургана, немного выше линии горизонта. Костяк взрослого мужчины лежал на спине с согнутыми в коленях ногами. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая согнута в локте, так что кисть руки лежала на тазу. Никаких вещей при погребении не было. Очевидно, здесь мы имеем дело с более поздним захоронением.

Все глиняные сосуды из могильника Маклашеевка III сделаны без помощи гончарного круга, от руки, частично из чистой глины с очень незначительной примесью песка, частично с примесью шамота. Цвет сосудов коричнево-серый, за исключением одного небольшого — светложелтой чашечки, которая имеет на внешней поверхности следы красной краски. Заглаживание поверхности сосудов как внутри, так и снаружи производилось при помощи тряпки или кожи, иногда же — пучками травы или зубчатым штампом, отчего на внешних стенках некоторых более крупных сосудов остались грубые штрихи. Из 17 сосудов 11 не орнаментированы. Орнамент остальных состоит из ямочных, гребенчатых и штриховых узоров, расположенных преимущественно в верхней (в одном случае в средней) части сосудов. Все сосуды плоскодонные. По форме их можно разделить на следующие типы:

1. Маленькие чашечки баночной формы с прямыми или слегка выпуклыми расширяющимися вверх стенками, без орнамента (рис. 9 — 7).

2. Более или менее высокие горшки, расширяющиеся вверх, с загнутыми внутрь краями (6 экз.). У некоторых из них дно немного шире нижней части стенок. Из них три орнаментированы. На одном сосуде орнамент состоит из круглых ямочек, образующих пересекающиеся углы, направленные остриями вверх и вниз (рис. 9 — 10). На другом сосуде узор нанесен зубчатым штампом и разделен на две зоны. По краю сосуда идет поясok из косых вдавлений; ниже, отделенный двумя параллельными линиями, расположен второй поясok из пересекающихся углов, направленных вершинками вверх и вниз и образующих ромбы. Орнамент третьего сосуда также нанесен зубчатым штампом и состоит из двух горизонтальных поясков зигзагов, разделенных двумя параллельными линиями. В нижнем пояске имеются, кроме того, отпечатки того же штампа, не образующие правильного узора (рис. 9 — 8).

3. Эта группа сосудов отличается от второй меньшей высотой, вследствие чего представляет собой низкие горшки или чашки (6 экз.). У некоторых из них дно также несколько шире нижней части стенок. Два сосуда этой группы имеют орнамент, нанесенный движением острого предмета. В одном случае орнамент образует горизонтальный поясok зигзагов, расположенный вокруг края сосуда (рис. 9 — 3), в другом — неправиль-

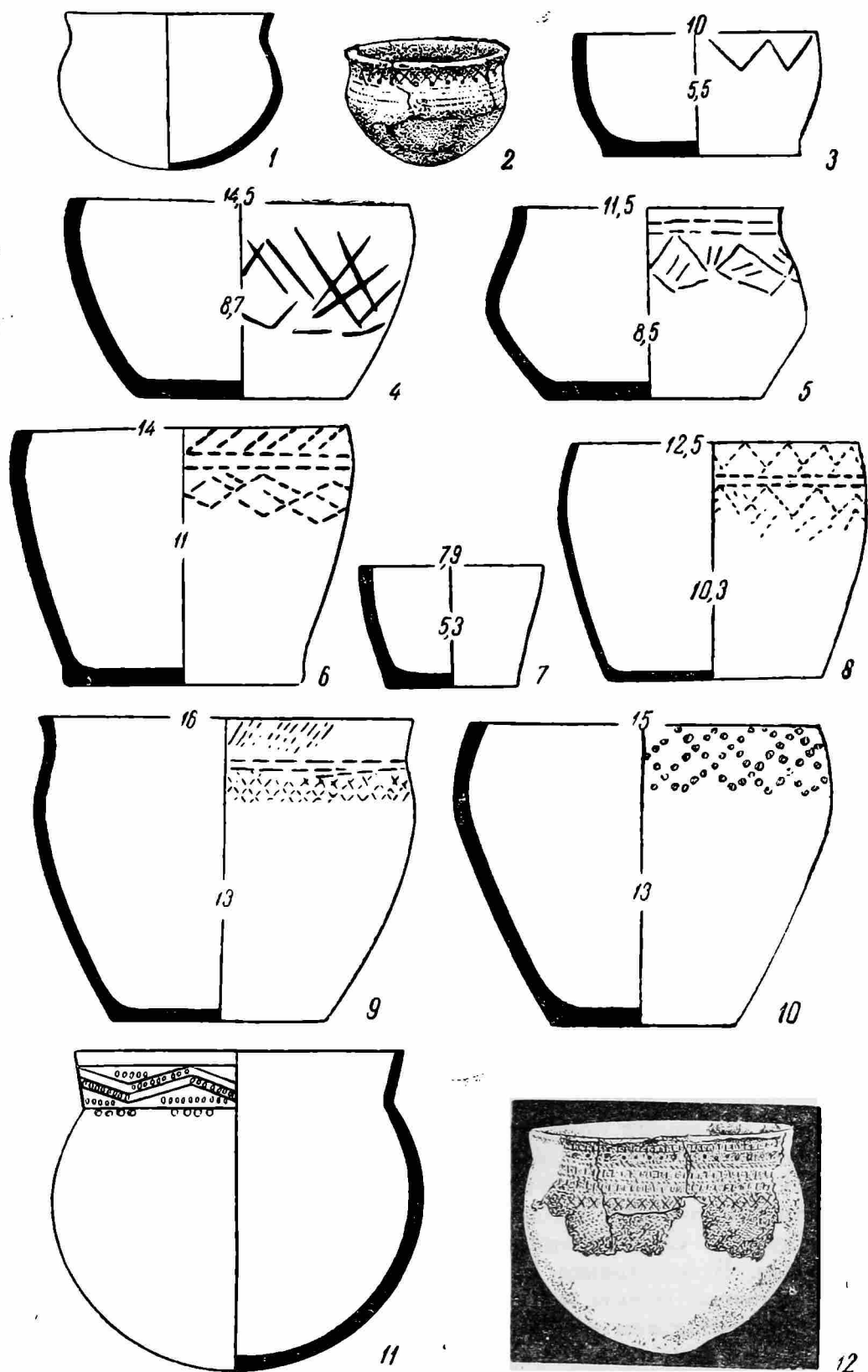

Рис. 9. Сосуды из Маклашеевских могильников

7 — Маклашеевка I; 2 и 12 — из Луговского могильника; 3—10 — из могильника Маклашеевка III; 11 — из могильника Маклашеевка II (с 1 по 11 — $\frac{1}{3}$ натур. вел.; 2 и 12 — $\frac{1}{4}$ натур. вел.)

ный узор из углов и прямых линий, находящийся в средней части стенок (рис. 9 — 4). Размеры сосудов этой группы различные.

4. В эту группу входит всего один сосуд из погребения № 5. Он имеет форму горшка с невысокой, слегка отогнутой шейкой, плавно переходящей в слегка выпуклые стенки. Наиболее широкая часть сосуда, почти равная обрезу края, находится в верхней его части, высота ее 13 см, диаметр горла 16 см. На шейке и плечиках расположен орнамент, нанесенный зубчатым штампом, на шейке он состоит из горизонтальной зоны косых вдавлений. Ниже, отделенный двумя горизонтальными линиями идет пояс из пересекающихся зигзагов, образующих мелкие ромбы (рис. 9 — 9).

5. Наиболее интересным является сосуд из погребения № 1, представляющий собой небольшой горшок с перегибом посередине стенок, образующим смягченное острое ребро. Самая широкая часть сосуда находится посередине, откуда стенки его суживаются вверх и вниз. Высота сосуда 8.5 см, диаметр горла 11.5 см. В верхней части сосуда расположен орнамент, состоящий из двух горизонтальных линий, опоясывающих край; ниже помещены ромбы, внутри которых находится пара косых линий. Такие же пары косых линий имеются между ромбами. Орнамент нанесен движением острого предмета (рис. 9 — 5).

Описанные сосуды как по форме, так и по орнаменту типичны для поздней ступени развития срубно-хвалынской культуры и позволяют датировать могильник концом II тысячелетия до нашей эры.

Обратимся к рассмотрению второй части поставленной проблемы — к решению вопроса о взаимной связи и датировке двух групп погребений в долгих курганах. Выше уже говорилось, что строение курганов, обряд погребения и ориентировка умерших во всех долгих курганах одинаковы.

Переходя к сравнению погребального инвентаря могильника Маклашевски I и Маклашевски II, отметим, что часть вещей утеряна, поэтому в некоторых случаях придется ограничиться сравнением категорий предметов. Так, в обоих случаях при погребениях были кремневые и костяные наконечники стрел, бронзовые спиральные височные кольца и глиняные сосуды. При одном из погребений могильника Маклашевски I находились два глиняных сосуда, небольшая круглодонная чашечка и маленький плоскодонный сосудик баночной формы. В насыпи обоих курганов из этого могильника было найдено два плоскодонных горшка, близких к баночной форме. При погребениях могильника Маклашевски II встречались лишь круглодонные сосуды. Вообще погребальный инвентарь могильника Маклашевски II более богат: здесь имеются медные наконечники копий, орнаментированные фаланги животных, резцы бобра, более богатый набор костяных и кремневых орудий. Если принять во внимание одинаковую форму курганов и могил, одинаковое положение и ориентировку костяков в курганах, мы имеем право предположить, что перед нами единый культурный тип погребений, более развитой в одном случае и более древний — в другом. Особого внимания заслуживает разница в форме глиняных сосудов. В могильнике Маклашевски I большинство сосудов плоскодонные, баночной формы, в могильнике Маклашевски II — круглодонные. Но и здесь мы можем наблюдать некоторую последовательность в смене форм посуды. С этой точки зрения особенно интересна могила С 1-го Маклашевского могильника, где около левого локтя погребенного стояла небольшая круглодонная чашечка, тогда как остальные сосуды в могилах и насыпях плоскодонные.

Если погребения в круглых курганах Маклашевского взвоза принадлежат к характерным погребениям срубно-хвалынского типа, то могильник Маклашевски I содержит предметы, обычные для срубно-хвалынских погребений, относящихся к концу эпохи бронзы, а также вещи, типичные

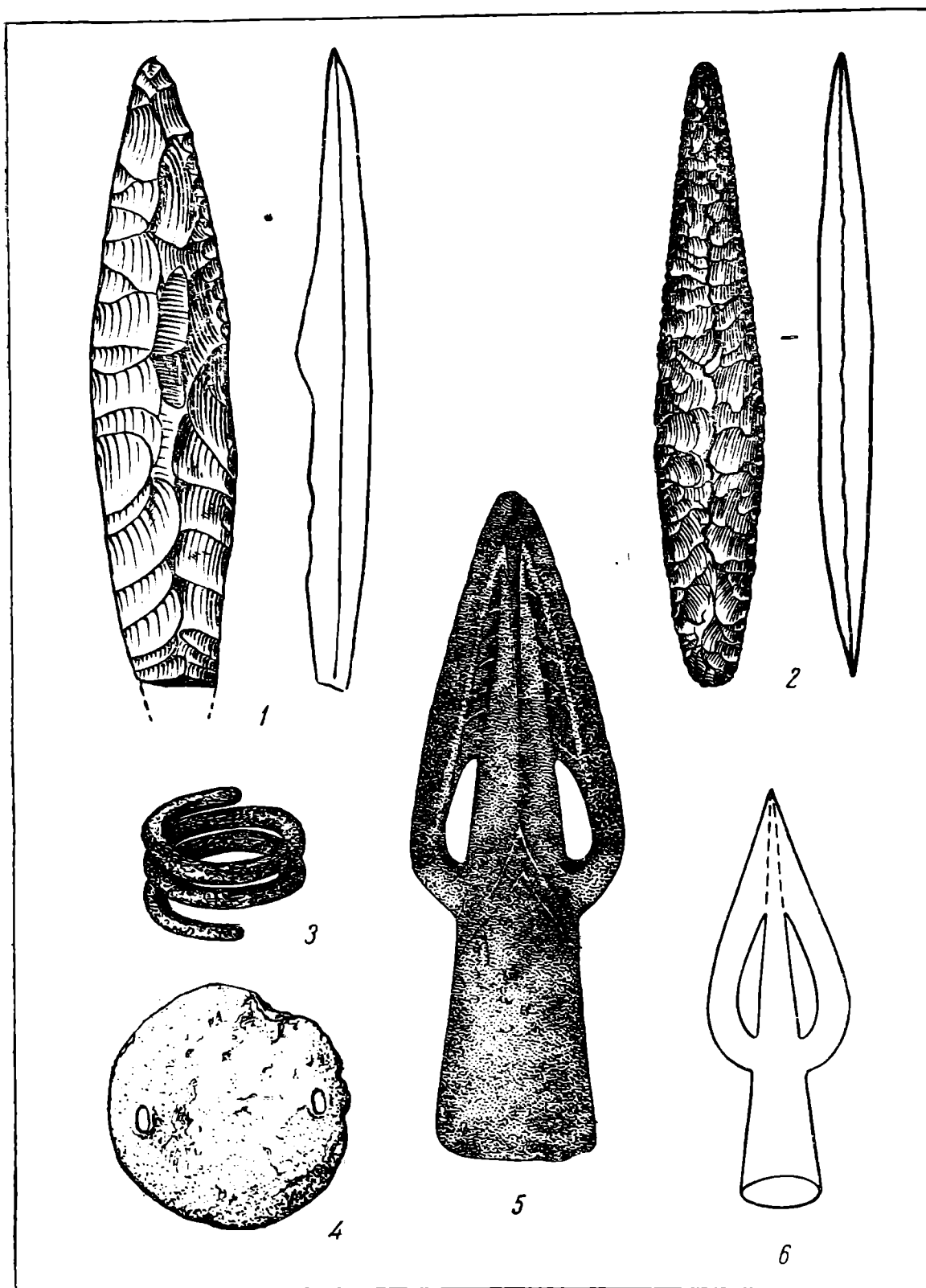

Рис. 10. Находки из Маклашеевских могильников

1 — кремневый наконечник стрелы из могильника Маклашеевка II; 2 — кремневый наконечник стрелы из Луговского могильника; 3 — бронзовое височное кольцо; 4 — бронзовая бляшка; 5 — бронзовый наконечник копья из Луговского могильника; 6 — бронзовый наконечник копья из могильника Маклашеевка II
(1—5—натур. вел., 6 — $\frac{1}{10}$ натур. вел.)

для погребений начала эпохи железа в Прикамье. Сохранив в большинстве случаев древнюю форму глиняных сосудов в виде плоскодонного горшка или банки, памятник утратил древний обряд захоронения умершего в скорченном положении, с сосудами перед лицом. В Маклашеевке I и II умершие лежали в вытянутом положении, на спине, в большинстве случаев с вытянутыми вдоль тела руками, в сопровождении совершенно другого погребального инвентаря. Плоскодонные сосуды, находившиеся главным образом перед лицом погребенного, заменяются круглодонными чашечками, стоящими в разных местах. С умершим кладутся кремневые, металлические и костяные орудия и украшения. Для выяснения культурной принадлежности могильника Маклашеевка II обратимся к анализу его инвентаря и сравнению его с материалом из других могильников Волго-Камья.

В эпоху раннего железа в Прикамье и прилегающих к устью Камы участках Поволжья была распространена ананьинская культура. Начнем сравнение с глиняной посуды. Круглодонный сосуд из погребения с могильника Маклашеевка I (рис. 9—1) аналогичен по форме сосудам ананьинской культуры (рис. 9—2). Сосуд из погребения могильника Маклашеевка II (рис. 9—11) имеет также аналогии среди ананьинской посуды. Близкую форму представляет собой также сосуд из погребения Луговского могильника (рис. 9—12).

Кремневые наконечники стрел листовидной формы, имеющиеся в погребальном инвентаре Маклашеевских могильников (рис. 10—1), встречаются и в могильниках ананьинского типа (рис. 10—2). Спиральные бронзовые височные кольца в могилах Луговского могильника имеют ту же форму, что и в Маклашеевке I и II (рис. 10—3). Бронзовые плоские бляшки могильника Маклашеевка I аналогичны бляшкам Луговского могильника. Круглая бронзовая бляшка из могилы № 5 могильника Маклашеевка II подобна такой же бляшке, лежавшей на черепе погребения № 13 Луговского могильника (рис. 10—4). Наконец, бронзовый наконечник копья при костяке А из могилы № 9 могильника Маклашеевка II, известный лишь по рисунку Пономарева (рис. 10—6), имеет аналогии среди наконечников копий Луговского могильника (рис. 10—5).

Подведем итоги. На основании сходства ряда предметов из Маклашеевских долгих курганов с вещами из ананьинских могильников и городищ можно считать, что могильник Маклашеевка II относится к ананьинской культуре, распространенной в бассейне Камы, и притом к ее ранней фазе; могильник же Маклашеевка I является связующим звеном между могильниками, содержащими скорченные погребения срубно-хвалынского типа, и могильником Маклашеевка II — раннеананьинским памятником.

Таким образом, близ с. Маклашеевка находились два курганных могильника, состоящих из круглых курганов со скорченными погребениями срубного типа (один на взвозе, другой на урочище «Бутырки»), и один или два более поздних могильника, состоящих из долгих курганов, вытянутых с севера на юг и относящихся отчасти к переходному времени от бронзы к железу, отчасти — к ананьинской эпохе. Если могильники срубного типа можно датировать концом II тысячелетия до нашей эры, то более древний комплекс долгих курганов следует отнести к началу I тысячелетия до нашей эры, а более поздний, на основании анализа погребального инвентаря — к VIII—VII вв. до нашей эры. Основой для такой ранней датировки служит форма бронзовых наконечников копий могильника Маклашеевка II, полное отсутствие железных предметов и бронзовых кельтов, причем вместо последних имеются каменные топоры-клинья, а также отсутствие в могилах Маклашеевки II бронзовых наконечников стрел скифского типа, позднее широко распространенных в Поволжье и Приуралье.

А. П. ИВАНОВА

НОВАЯ СКУЛЬПТУРНАЯ НАХОДКА В КЕРЧИ

В сентябре 1946 г. Керченский гос. историко-археологический музей имени А. С. Пушкина приобрел интересный скульптурный памятник — часть головы в коринфском шлеме (рис. 11 и 12). Найден он был, по всей вероятности, на горе Митридат, но выяснить точнее его происхождение не удалось.

Скульптура сделана из крепкого известняка (так называемый дикарный камень) и представляет верхнюю часть головы воина в высоком шлеме. Размеры фрагмента $0.398 \times 0.178 \times 0.38$ м. Нижний край шлема обломан и утрачен вместе с частью головы, которую покрывал шлем. Утрачена нижняя часть пластинки, предназначенной для покрытия носа. Нижняя поверхность стесана, повидимому, владельцами, использовавшими голову для украшения ограды своего двора. На поверхности имеются мелкие выбоины. Лицевая сторона, особенно левая щека, очевидно, сильнее подвергавшаяся действию ветра и дождя, потемнела и покрыта мхом и лишайниками, задняя часть остается светлой, граница между ними обозначена с большой резкостью, она проходит по правой щеке.

Сравнительно хорошо сохранилась лицевая часть шлема — пластинка, предназначенная для покрытия носа, которая имеет прямоугольную форму, только слегка расширяясь книзу, и сделана более массивно по сравнению с лобной частью и нащечниками. Чрезвычайно отчетливо видны глаза, причем следует отметить, что они не были прорезаны в виде сквозных отверстий, а только обозначены резко очерченным углублением. Хорошо сохранилась верхняя часть шлема, предназначенная для покрытия самой головы воина, резко ограниченная от лицевой и затылочной части. На макушке имеются два круглых отверстия, такое же отверстие имеется над лбом; два подобных отверстия имеются с правой и левой стороны.

Тип шлема, представленный керченской головой, довольно хорошо известен, ему присвоено условное название коринфского, в связи с тем, что на коринфских статерах голова Афины изображается, как правило, в шлеме подобной формы.¹

Тип коринфского шлема довольно хорошо известен как по изображениям в вазовой живописи и скульптуре, так и на основании находки подлинных памятников, значительное количество которых было обнаружено в раскопках Олимпии и южной Италии, давших возможность проследить

¹ S. Reinach, стр. 1433, рис. 3407; G. M. A. Richter. Greek. Etruscan and Roman Bronzes, New York, 1915, стр. 411.

основные этапы эволюции типа.² Коринфские шлемы древнейшего типа сделаны, как правило, из тонкой бронзовой пластины, равной толщины на всем протяжении, и отличаются сравнительно грубой формой, без четкого расчленения основных частей.³ С течением времени наблюдается эволюция в сторону утолщения нащечников и пластинки для покрытия носа.⁴ Наконец, наиболее развитой тип коринфского шлема характеризуется четким разграничением верхней части, перекрывающей голову, от нижней, предназначенной для покрытия лица и затылка.⁵ Форма шлема соответствует естественному анатомическому строению человеческой головы. Именно этот наиболее развитой тип коринфского шлема и передает керченская голова.

Керченская голова находит в этом отношении некоторые аналогии в скульптуре V в. до н. э. Можно указать, в частности, на портретную голову стратега в Мюнхене. Фуртвенглер усматривал в ней портрет Кимона, а О. Ф. Вальдгауер связывал ее с кругом Мирона.⁶ На скульптуре из Мюнхена глаза также не прорезаны, как и на керченской. Следует, впрочем, отметить, что значительно чаще в скульптурных изображениях коринфского шлема мы видим прорезы для глаз.⁷ Чрезвычайно интересной деталью керченской головы являются отмеченные нами при описании круглые дырки на макушке, над лбом и по бокам шлема. Они служили, очевидно, для прикрепления гребня и каких-то боковых украшений.

В изображениях на вазах мы видим, как правило, коринфский шлем с высоким гребнем. Можно привести в качестве наиболее типичных примеров: килик хрилиона в Лувре,⁸ килик Евфрония в Мюнхене с изображением борьбы Геракла с Герионом,⁹ амфору Евфимиде с изображением сцены вооружения Гектора в Мюнхене.¹⁰ Чрезвычайно сложные и своеобразные формы гребней мы видим на амфоре Андокида в Лувре.¹¹ Иногда наряду с гребнем вазовые рисунки передают и боковые украшения шлема в форме рогов, например килик хрилиона в Британском музее.¹²

Анализируя находки в Олимпии, Фуртвенглер указал, что значительная часть найденных там шлемов не сохранила никаких признаков прикрепления гребня.¹³ Афина на коринфских статерах также носит коринфский шлем без гребня. На основании всех этих данных Фуртвенглер пришел к выводу, что мастера вазовой живописи охотно изображали шлемы, украшенные гребнями; эта деталь привлекала их с декоративной точки

² A. Furtwängler. Olympia, IV. Die Bronzen und übrigen kleinen Funde, Berlin, 1890, табл. LXIII, стр. 166 сл.; Bruno Schröder. Freiherrlich von Lipperheidsche Helmsammlung in den königl. Museen zu Berlin. Y. d. I., XX, 1905, A. A. стр. 15; G. M. A. Richter. Greek, Etruscan and Roman Bronzes, New York, 1915, № 1530, стр. 411.

³ B. Schröder. Ук. соч., рис. 1, стр. 16.

⁴ Там же, рис. 2, стр. 16.

⁵ Там же, рис. 3, стр. 17; Furtwängler. Ук. соч., табл. LXIII, № 1018.

⁶ A. Furtwängler. Beschreibung der Glyptothek, № 299; О. Ф. Вальдгауер. Мирон, Berlin, 1923, рис. 18 а, b, стр. 31.

⁷ См., например, голову Афины Веллетры в Лувре: A. Furtwängler und H. L. Ulrich. Denkmäler griechischer und römischer Skulptur, Handausgabe, München, 1911, табл. 7, стр. 27, рис. 10—11 и ее реплику: О. Ф. Вальдгауер. Античная скульптура, П., 1923, № 125.

⁸ J. C. Hoppin. A Handbook of Attic Red. Figured Vases, I, Cambridge, 1919, стр. 169.

⁹ Там же, стр. 319.

¹⁰ Там же, стр. 433.

¹¹ Там же, стр. 41.

¹² Там же, стр. 158.

¹³ Olympia, IV, стр. 166 сл.

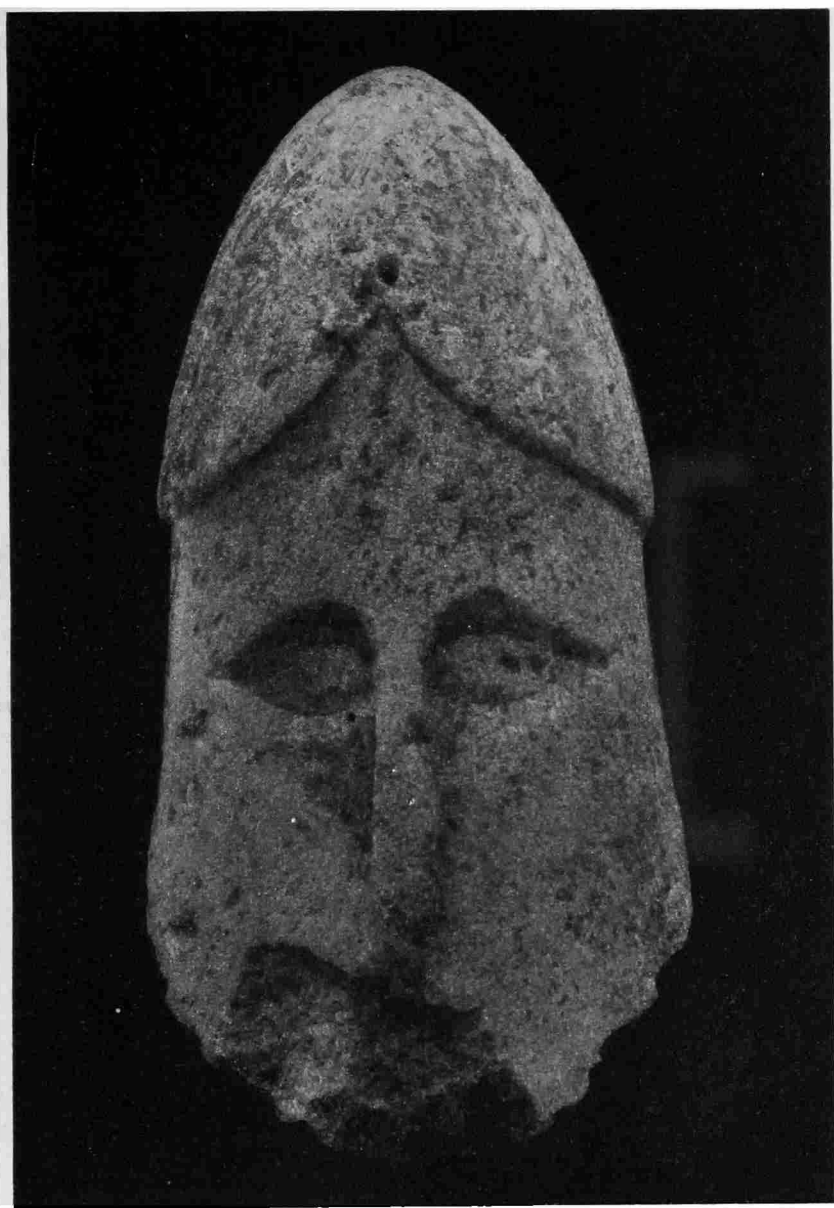

Рис. 11. Скульптура из Керчи

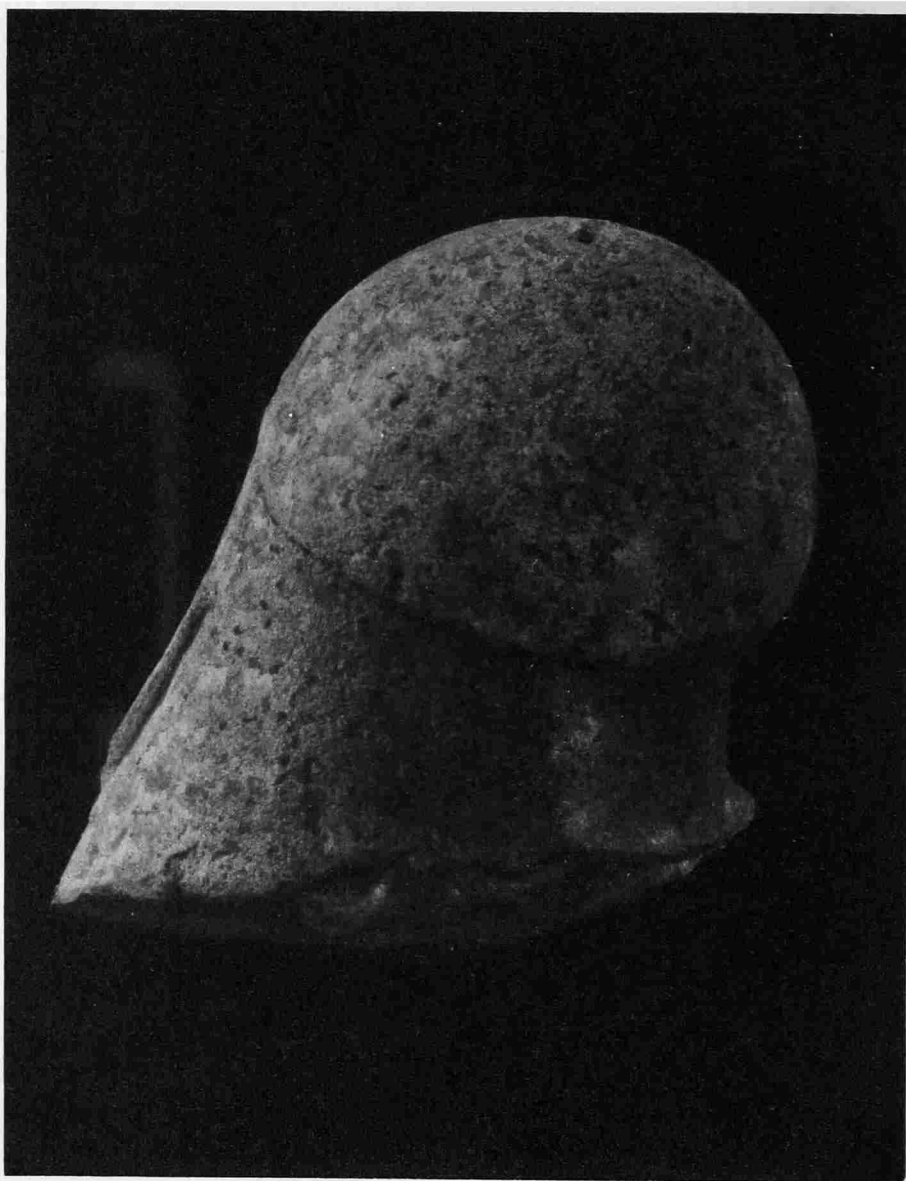

Рис. 12. Скульптура из Керчи (вид в профиль)

зрения, но повседневно чаще носили шлем без гребня, так как гребень был тяжелым и неудобным.

На некоторых найденных в Олимпии шлемах имеются дырочки для прикрепления гребня. Фуртвенглер предполагает, что гребни и другие украшения шлемов делались по возможности легкими (из тонкой металлической пластинки, дерева или кожи) и прикреплялись к шлему при помощи небольших металлических штифтиков.

В Олимпии были найдены отдельные украшения шлемов, представляющие металлический стерженек, раздвоенный на конце в форме вил. Как предполагает Фуртвенглер, они могли служить для прикрепления гребня на шлеме. Среди южноитальянских находок имеются коринфские шлемы позднейшего типа, на которых сохранились такие вилы.¹⁴ На одном из них по сторонам сохранились металлические стерженьки, служившие держателями для украшений из перьев.¹⁵

Вилы, найденные в Олимпии, Фуртвенглер поставил в связь с интересующим нас типом коринфского шлема, который предназначался для ношения сдвинутым на затылок. Трудно сказать, как именно выглядели гребень и боковые украшения шлема керченской головы, тем более, что памятники монументальной скульптуры почти не дают аналогий в этом отношении. Бронзовые статуэтки воинов¹⁶ и вазовая живопись, как правило, изображают коринфский шлем с гребнем — самая техника в данном случае благоприятствовала этому. Коринфский шлем Афины середины IV в. до н. э., хранящийся во Флоренции,¹⁷ увенчан изображением змеи.

Коринфский шлем с гребнем обычного типа мы видим на голове Афины в рельефе Акропольского музея, известного под названием «грустящей Афины».¹⁸ Что касается круглой мраморной скульптуры, то здесь преобладают, как правило, коринфский шлем без гребня: не имеют признаков гребня упоминавшиеся выше головы Афины, восходящие к оригиналам Мирона и Кресилая, так же как портреты стратегов.

Наиболее близкой аналогией к керченской голове в этом отношении могут служить эгинеты. Многие из фронтовых фигур сохранили подлинные античные гребни шлемов;¹⁹ среди эгинских находок имеются также отдельные сохранившиеся гребни от шлемов.²⁰ Близкую аналогию к керченской голове представляют также эгинские головы воинов, которые Фуртвенглер считает не принадлежащими к фронтонам.²¹ У всех воинов шлем сдвинут на затылок. На одном из них сохранились дырки для прикрепления гребня и боковых украшений.

К какому времени относится керченская голова? Вопрос этот осложняется, с одной стороны, полным отсутствием археологических данных, с другой стороны, плохой сохранностью головы — полной утратой лица и волос, т. е. тех частей, которые могли бы дать несколько больше указаний в смысле датировки, чем самый шлем.

Во всяком случае существенно то обстоятельство, что, анализируя керченскую голову, приходится оперировать памятниками, относящимися ко времени позднее V в. Та классическая форма коринфского шлема, которую передает керченская голова, начиная с IV в., постепенно вырож-

¹⁴ В. Schröder. Ук. соч., рис. 4.

¹⁵ Там же, стр. 17.

¹⁶ См., например, упоминавшуюся выше бронзовую статуэтку из Додоны: Н. Bulle. *Der schöne Mensch im Altertum*, табл. 83, München und Leipzig, 1912.

¹⁷ Н. Bulle. Ук. соч., табл. 131.

¹⁸ Там же, табл. 273.

¹⁹ А. Furtwängler. *Beschreibung der Glyptothek* № 75, 78, 80.

²⁰ Там же, № 152.

²¹ Aegine, табл. 73—74, № 120; 75—76, № 119; 77—78, № 116; 78—80, № 115.

дается, в скульптурных изображениях преобладают другие типы шлемов. Общее впечатление от керченской головы говорит за возможность более ранней ее датировки, во всяком случае она кажется значительно архаичнее гермы Перикла, Афины Веллетры, Афины Мирона и т. п. Об этом говорит плоскостность и жесткость трактовки. Граница верхней и лицевой частей проведена чрезвычайно резко и линейно. Такой же резкостью и плоскостностью отличается трактовка глаз. На портрете Перикла обрамление глазных впадин — промоделировано. Носовая пластинка керченской головы имеет почти прямолинейные очертания. У Перикла, Кимона, Афины Веллетры и др. она трактуется более округленно. Затылочная часть у Кимона, Афины Мирона и Афины Веллетры значительно более сильно и округленно выступает, имеет более пластическую форму. Некоторая схематизация и линейность в трактовке этих частей на керченской голове находит известную аналогию в рельефе «грустящей Афины» и эгинской голове воина²², которую Фуртвенглер считает близкой по стилю к изображению на западном эгинском фронтоне²³. За более раннюю датировку говорит, повидимому, и наличие следов прикрепления гребня, так как скульптурные памятники середины и третьей четверти V в. до н. э., как правило, изображают коринфский шлем без гребня.

Непосредственное впечатление глубокого архаизма, производимое керченской головой, заставляет поставить вопрос о дате, более ранней, чем V в.; это подтверждается тем, что тип коринфского шлема, который передает керченская голова, встречается на еще более древних чернофигурных вазах. Резкость, линейность и плоскостность трактовки выражены в керченской голове значительно резче, чем у эгинетов. Но делать на этом основании выводы о ее более ранней дате рискованно, так как следует принять во внимание материал (трудно поддающийся обработке известняк). Скорее всего керченскую голову нужно отнести к первой половине V в. до н. э., поставить ее между эгинетами и так называемым Кимоном Мюнхенской глиптотеки.

С точки зрения материала интересно сопоставить керченскую голову с одним памятником архаической этрусской скульптуры — известняковой головой воина из Орвието, хранящейся в Археологическом музее во Флоренции.²⁴ Воин изображен в шлеме совсем другого типа — круглом, оставляющем лицо открытым, за исключением щек, прикрытых нащечниками. По времени голова из Орвието также, очевидно, значительно раньше керченской — она относится еще к VI в. Но тем не менее сравнение этих двух памятников поучительно не только потому, что в том и в другом случае перед нами скульптуры из известняка, но также и потому, что оба памятника возникли не в чисто греческой среде. Если сопоставить голову из Орвието с памятниками современной ей архаической греческой скульптуры, то обращает на себя внимание значительно большая суммарность и резкость трактовки деталей, которая должна быть отнесена отчасти за счет материала, но главным образом за счет стилистических особенностей этрусского искусства, отличающих его от греческого.

В связи с этим закономерно поставить вопрос о том, не сказываются ли в керченской голове, сделанной, несомненно, в Пантикапее, как об этом свидетельствует местный материал, черты своеобразного местного боспорского стиля, тем более, что плоскостность, линейность и известный схематизм трактовки деталей действительно являются характерными стилистическими особенностями местной боспорской скульптуры. Эти стилисти-

²² Aegine, табл. 73—74.

²³ Aegine, стр. 259 сл.

²⁴ W. Hausenstein. Die Bildnerei der Etrusker, T. II, табл. 37, München, 1922.

ческие особенности могут быть прослежены в памятниках боспорской скульптуры различных периодов, вплоть до надгробных стел I—II вв. н. э. В этот позднейший период отмеченные нами черты никак не могут быть объяснены только за счет материала и техники — они являются характерными чертами местного боспорского стиля, органически связанными со всем художественным мировоззрением боспорских мастеров.

Керченская голова является, безусловно, произведением значительно более греческим, чем все эти поздние боспорские памятники. Об этом говорит прекрасно понятая и абсолютно точно переданная форма коринфского шлема. Так мог сделать ее только мастер, хорошо знакомый не только с памятниками греческой скульптуры, но и с греческим бытом, с деталями греческого воинского доспеха, скорее всего это был греческий мастер, работавший в Пантикапее. Пользуясь местным материалом, этот мастер вырабатывает свои технические и стилистические приемы, соответствующие особенностям материала и отличающиеся от приемов современного ему греческого искусства, хотя образ, который он передавал, оставался чисто греческим. Это был один из первых этапов формирования местного боспорского стиля.

Новая скульптурная находка в Керчи свидетельствует о том, что уже в эпоху Археанктидов в Пантикапее делались монументальные скульптуры, что там работали высококвалифицированные греческие мастера, умевшие использовать местные материалы и вырабатывавшие ряд своеобразных художественных приемов, которые с течением времени стали органическими элементами местного боспорского стиля.

А. Н. БЕРНШТАМ

ОБРАЗ САСАНИДСКОГО ЦАРЯ В СУКУЛУКСКОЙ
ТЕРРАКОТЕ

В согдийском слое Сукулукского городища, древнего гончарного центра Чуйской долины,¹ была найдена небольшая (8 × 5,5 см) форма-штамп для оттиска изображения человеческого лица. Штамп сделан из прекрасно выделанной глины, обожженной докрасна. Глубина изображения в штампе до 1,5 см, толщина стенок штампа до 1 см. Штампом, вероятно, оттискивались изображения на крупных сосудах² или украшались фризы стен домов,³ хотя для этого изображение чрезвычайно мало, ибо высота самого лица изображения только 5 см (без тульи головного убора). Можно было полагать, что такие изображения украшали фасадные стены оссуариев,⁴ но как раз для Семиречья это не характерно, более того, оссуарии с лепными лицевыми изображениями просто неизвестны. Несомненно, что наша форма-штамп служила для изготовления налипного орнамента, широко известного в Средней Азии (Согд),⁵ в Сыньцзяне (главным образом Хотан)⁶, отчасти в индоиранском мире.⁷

В Семиречье, где уже не единичны находки такого типа вещей, в отличие от Самарканда, лица в коропластике, терракоте и аппликационном орнаменте всегда отображают не тюркский, а, в основном, иранский этнический тип, иногда индийский. Особенно это ярко сказывается в статуэтках. Терракота Самарканда обладает большим этническим разнообразием, чем терракота Чуйской долины (основное место находок в Семиречье), к этому же типу близко и изображение нашего штампа. На нем явно прорисовано лицо иранского владыки. При первом же взгляде не остается сомнений в том, что перед нами портрет одного из сасанидских царей, хотя и с нарушением ряда канонических и иконографических черт (если исходить из сопоставлений с монетами, глиптикой и торевтикой сасанидского круга). Предлагаемое вниманию изображение в достаточной степени индивидуально и не имеет прямых аналогий, поэтому представляет трудность для научного определения.

¹ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Чуйской долины по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943.

² Аналогичного типа изображения широко известны не только в Согде (см., например, Г. Григорьев. Тали-Барзу, ТОВ, II), но и в Чуйской долине (см. А. Бернштам. Ук. соч.).

³ Например, в Хатре. Ср. F. Sarre. Die Kunst des alten Persien, Berlin, 1923.

⁴ Типа каттакурганских. См. А. Борисов. К истолкованию изображений на Биянамайских оссуариях, ТОВ, II.

⁵ C. Trever. Terracottas from Afrosiab, M.—A., 1934.

⁶ A. Stein. Ancient Khotan.

⁷ F. Sarre. Die Kunst des alten Persien, Berlin, 1925, табл. 126—127.

Штамп дает оттиск мужской головы анфас с весьма правильными чертами лица, несколько опущенными внутренними углами глаз и высоко расходящимися бровями. Над верхней губой большие усы, нижняя часть лица тщательно закрыта отделанной короткой бородой, причем волнистые линии явно пытаются передать вьющиеся волосы. Щеки гладкие. На голове сферический головной убор с высокой тульей в виде высокого острия, перевитого жгутом. На головном уборе два рельефных круга с вдавленными пятиконечными звездами. Головной убор окаймляют две пары украшений в виде концентрических кругов, по две с каждой стороны. Из-под головного убора выбиваются на лоб четыре пряди волос, показанные завитками. Трактовка вьющихся волос особенно характерна для ирано-индийской пластики, восходящей к античным моделям. На лбу невысоким рельефом изображено эллипсовидное украшение с кружком посредине, типа буддийской урны (?). Уши покрыты развернутыми в анфас украшениями, спускающимися от нижней кромки головного убора и состоящими из проволочного кольца с округлыми утолщениями внизу. С одной стороны украшение покрыто жгутовым орнаментом (рис. 13). В описанном изображении много черт, позволяющих приурочить его к определенному времени и стилистическому кругу.

Рис. 13. Сукулукская терракота. Оттиск штампа

Технические приемы явно родственны приемам изготовления терракот Афрасиаба. Из Афрасиаба происходят головки с такой же трактовкой вьющихся волос на голове, и неоднократны аналогии в изображении усов и бороды,⁸ в свою очередь повторяющие те же формы, которые нам известны в сасанидской иконографии, в частности в изображении на монетах или на сасанидских блюдах.⁹

В отличие от самаркандской терракоты, где часто встречается условное изображение, как и на сасанидских монетах, особенно второго периода развития сасанидского искусства (по Зарре), в изучаемом изображении преобладает портретная точность, а не стилизованная передача лица.

Наряду с упомянутыми общими физиономическими особенностями близок к сасанидскому и головной убор, в котором, однако, имеются основ-

⁸ С. Trever. Terracotas, табл. XI, XIV, рис. 83, 210 и др.

⁹ И. Орбели и К. Тревер. Сасанидский металл, М.—Л., 1938, табл. 5 и 7. Характерно, что и у Кавада тоже короткая борода и большие усы. См. F. D. J. Rauck. Sasanian Coins, Bombay, 1924, табл.—прорисовки; табл. XIX, особенно рис. 15.

ные расхождения с каноническими изображениями. Звезда, особенно шести- и пятиконечная, часто встречается на монетах рядом с изображениями сасанидского царя (например, Ковад I, Хосров I, Гормазд IV).¹⁰

На одной из монет, воспроизведенных И. Орбели и К. Тревер, звезды украшают корону Арташира I.¹¹ Высокая тулья, подобная разобранный, напоминает навершие на шлеме, она поддерживает в коронах сасанидских царей крупный шар — эмблему солнца в коронах Бахрам Гура и многих других.¹²

В нашем изображении тулья венчает головной убор и ничем не завершается. Тем самым головной убор более напоминает шлем, чем корону. В таком случае изображение на лбу возможно воспринимать не как своеобразную «урну» буддийского изображения, а как стрелу шлема, защищающую переносье;¹³ с другой стороны, мы не можем не отметить такие стрелы на лбу, но не как часть шлема, а как ритуальный аксессуар (для нас еще неясного происхождения) на айртамском фризе и на терракоте, обнаруженной нами во время раскопок Тараза в 1938 г.

Отмечаемая деталь отличает это изображение от сасанидских изображений. Можно отметить и иконографическое отличие: упомянутая постановка бровей и глаз более близка, как показал Комба (G. Combaz), индоиранскому типу,¹⁴ чем собственно-иранскому (точнее, сасанидскому) или среднеазиатскому (точнее, согдийскому). Эти физиономические особенности складываются как характерные черты портрета в дальнейшей буддийской большой и малой пластике.

Итак, наряду с ярко выраженными чертами сасанидской иконографии, ее лучшего, классического первого периода, где типические индивидуальные черты изображаемого восходят к традициям античного портрета (в отличие от последующих периодов, где довлела статика и монументальность), имеется и несомненное влияние индийского (гандарского) типа, также идущее от скульптурного мастерства греков. Не случайно, что характерные черты изучаемого штампа напоминают мужские головы античных герм.

Представляет ли наше изображение портрет исторической личности? Видимо, да. Рисунок лица и детали костюма позволяют искать в этом изображении один из портретов сасанидского царя и скорей всего царя Ковада. На это указывают физиономические особенности — усы, короткая борода, «греческий профиль», совпадающие с изображением Ковада на монетах, детали головного убора, украшенного звездами. Если последние на изображении Арташира I известны только в одном упомянутом у Зарре случае и на головном уборе, отличном от нашего по форме, то у Ковада корона ближе к головному убору нашего объекта и звезды, именно пятиконечные, всегда сопутствуют портрету.¹⁵

Учитывая также и то обстоятельство, что Ковад в своей государственной деятельности был неоднократно связан с кочевниками, например с эфталитами, можно полагать, что его изображение более всего было из-

¹⁰ F. D. J. Rauck. Sasanian Coins. Bombay, 1924, табл. XVIII, XIX, XX

¹¹ И. Орбели и К. Тревер. Сасанидский металл, М.—Л., 1938, табл. 1.

¹² А. Борисов. К истолкованию изображений на тяньшанских оссуариях, ТОВ, II, стр. 33 сл.

¹³ Урну типа стрелы см. на буддийской статуе III в. из Индии, RAO, Bahadur K. N. Dikshit, Excavations at Paharpur, Benhol, MAS, I, № 55, 1938, табл. XXXIII.

¹⁴ G. Combaz. L'Inde et l'Orient Classique, Paris, 1937, табл. 49.

¹⁵ На монетах, начиная с Пероза, звезды (пятиконечные) наличествуют на реверсах монет над аташданами (см. Рагуск. Ук. соч., прорисовки монет, табл. XV и XVI) и только начиная с Ковада пятиконечная звезда появляется и у головы царя (табл. XVII). Наряду с ней появляется и шестиконечная звезда (табл. XIX—XXI) — второе правление Ковада.

вестно кочевникам. Форма-штамп сделана опытной рукой, вероятно, согдийского мастера; она попала в далекое Семиречье, уже будучи изготовленной в Согде, ибо все вещи местного семиреченского изготовления более низкого качества, чем согдийские. По техническому уровню штамп «согдийского» происхождения наиболее близок к находкам в Тали-Барзу и Кафыр-Кала. Однако это не умаляет значения находки для характеристики Сукулукского центра, где ремесленник в угоду потребителю пытался обзавестись высококачественным инструментарием. Значение этого предмета важно и для истории искусства Востока.

Каким временем можно датировать этот штамп? Античные (гондарские) элементы в изображении не основа для датировки. Стилистически родственная часть еще не датирует целого. Если верны высказанные предположения, что перед нами портрет Ковада, то штамп следует датировать не раньше конца V в. (Ковад царствовал в 488—531 гг. н. э.). Работа этим штампом падает на время согдийской колонизации. Это определяется и слоем Сукулукского городища, в котором он найден, датируемым VI—VIII вв. как стратиграфически, так и монетными данными (брактеаты с подражаний византийским монетам VII в., тюркешские монеты VIII в.). Политическая связь тюрок Семиречья с иранским миром, которая могла вызвать интерес к подобным сюжетам, относится к этим же датам. Учитывая что последующая короластика идет по пути терраковой карриатуры и не воспроизводит аналогичных тем с конца VIII в. и позднее (т. е. в карлукский период), всего вероятнее отнести нашу находку ко времени не позже VII в. Нижняя хронологическая граница датировки не может быть раньше конца V в.

В ряду немногочисленных находок подобного типа из Семиречья образ сасанидского царя на сукулукском штампе представляет, несомненно, большой интерес, а учитывая редкость изображений сасанидских царей в глине,¹⁶ значение находки еще более увеличивается.

¹⁶ Собственно, нам известно из опубликованных материалов изображение сасанидского царя, изданное вначале Зарре («Die Kunst des alten Persien», Berlin, 1923, табл. 152, рис. 2), впоследствии переизданное в «A Survey of the Persian Art», т. IV, рис. 169 А.

Л. А. ЕВТЮХОВА

СТРЕМЯ ТАНСКОЙ ЭПОХИ ИЗ УЙБАТСКОГО ЧААТАСА

(Доклад в Секторе первобытной археологии 10 апреля 1947 г.)

Уйбатский чаатас¹ содержит большое количество могил и курганов, относящихся к различным эпохам: здесь имеются тагарские курганы, таштыкские рядовые могилы и большие родовые усыпальницы; в восточной его части с севера на юг протянулись цепочки кыргызских каменных курганов. Эти курганы окружены вертикально врытыми в землю большими каменными плитами и столбами.

Особенностью погребений кыргызских и алтайских каменных курганов VII—VIII вв. являются тайнички в виде ямок, вырытых в материке возле могильных ям или среди камней насыпи. В них при погребении складывались наиболее ценные личные вещи умершего и принадлежности конского убранства.

При раскопках Саяно-Алтайской экспедиции в 1938 г. в западной части кургана № 5 под насыпью, посередине между двумя могильными ямами были найдены сложенные кучкой принадлежности конского убора (возможно, что в свое время они были завернуты в матерiu, кошму или кожу). Здесь были прекрасной сохранности железные витые удила с эсвидными псалиями, украшенные головками баранов на концах и покрытые растительным орнаментом с сохранившейся кое-где золотой насечкой, и три железных стремени разных форм. Одно — с овальным плоским и широким прорезным подножием, другое — с плоским овальным подножием и массивной остроугольной петлей. Третье стремя, которому посвящена эта работа, представляет совершенно исключительный образец китайского искусства (рис. 14 и 16).

Верхняя петля этого стремени в виде высокой плоской лопатки заканчивается сверху треугольным срезом. Отверстие для ремня путлища узкое, четырехугольное, расположено в нижней части лопатки. Трехгранные дужки стремени переходят в овальное подножие. Вся поверхность стремени заполнена узорной насечкой из серебра и меди (бронзы?). На дужках с каждой стороны среди растительных завитков разбросаны по шесть порхающих птичек, летящих вверх, в направлении к цветку, являющемуся центральной частью композиции и расположенному в нижней части петли. Каждая птичка сделана по-разному, в их позах нет повторе-

¹ Уйбатский чаатас расположен в 8 км к северу от улуса Чиркова и в 10 км от сг. Уйбат Ачинско-Абаканской ветки, в Хакасской автономной области.

ний. Часть из них изображена со спины, часть — со стороны брюшка. Все они отличаются необыкновенной легкостью, изяществом и реализмом. Внутренний край дужки окаймлен серебряной полоской, переходящей на краю подножия в двойную волнистую линию. На внутренней стороне подножия овал из бронзовой полоски. Среди серебряных растительных завитков в центре помещены два бронзовых перекрещенных цветка с ли-

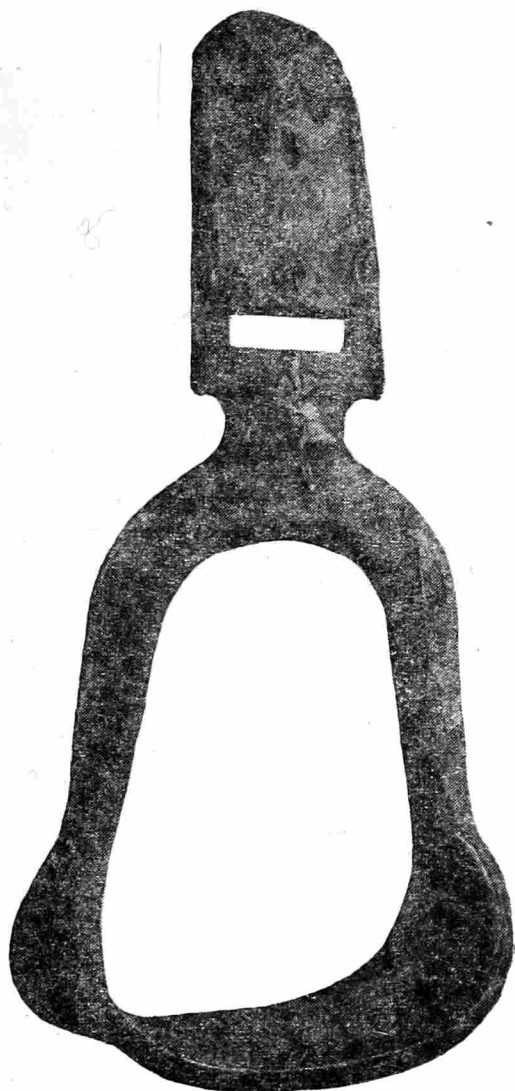

Рис. 14. Китайское стремя танского времени из Уйбатского чаатаса

Рис. 15. Детали орнамента стремени из Уйбатского чаатаса

етиками. Справа и слева расположено по бронзовой летящей птичке, головы которых обращены к цветам.

На оборотной стороне подножия проходят два продольных ребра. По краям расположены растительные виньетки из серебра, а в середине разбросаны в три ряда серебряные трехлепестковые пальметки и две волнистые полосы. По наружному ребру дужек проложена серебряная полоска, заканчивающаяся у виньеток тремя лепестками. Вдоль бортика верхней петли нанесены три серебряные волюты.

Для выполнения орнамента на поверхности стремени сначала двумя параллельными желобчатыми линиями наносился контур рисунка, проби-

тый плоским чеканом с наклоном щели к внешней стороне. В проделанные таким способом пазы зачеканивалась серебряная или бронзовая пластинка узора. Разработка дополнительных деталей на поверхности цветов и птичек нанесена при помощи пунктирного чекана (рис. 15), сильно напоминая своей техникой разработку деталей рисунка на рельефах сцен охоты из тайников кургана № 6 Копенского чаатаса; с другой стороны, технические приемы напоминают приемы чеканки рисунка сложной композиции на золотой тарелке из второго тайника кургана № 2 того же могильника.²

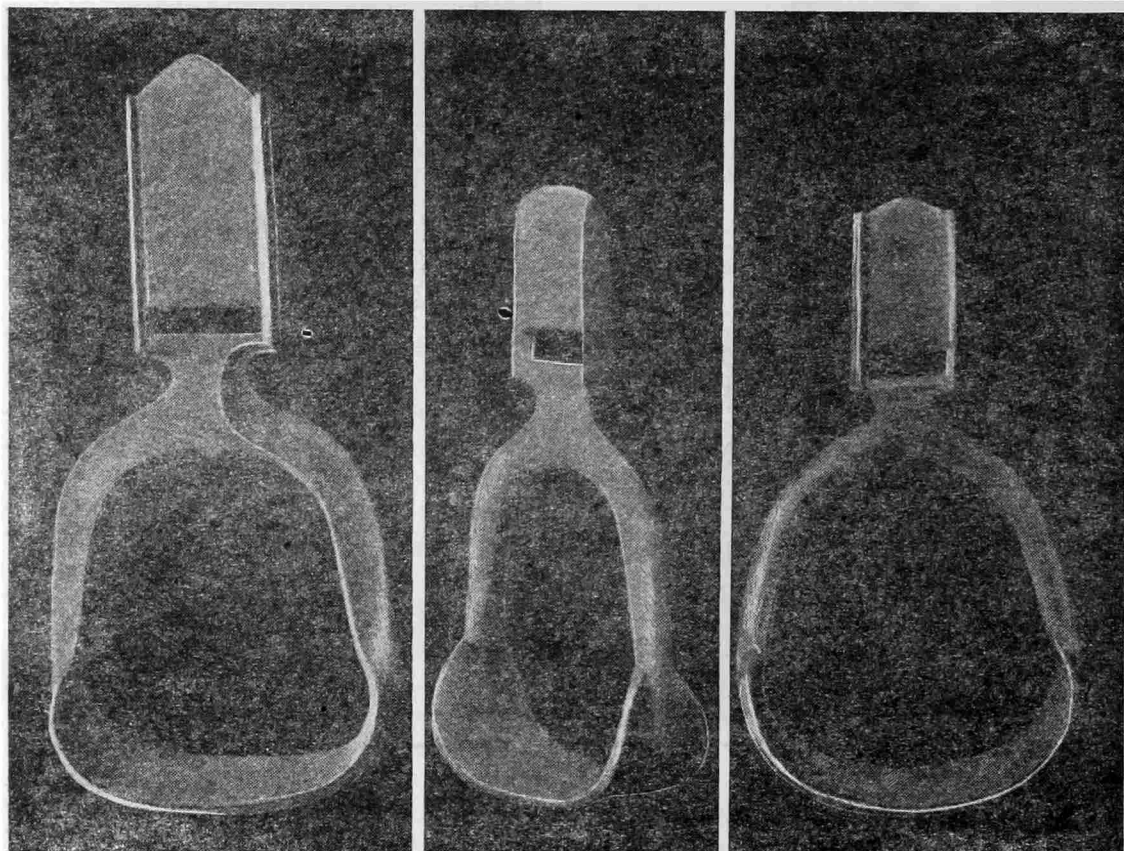

Рис. 17. Бронзовые стремена из Северного Китая (Музей Фильда, Чикаго)

Стремя побывало в огне при обряде трупосожжения, вследствие чего все серебряные насечки сплавилась в капли, а медные части узора сильно попорчены, но желобки для орнамента хорошо сохранились, благодаря чему художницей Э. П. Сиговой сделана полная реконструкция орнамента этого стремени.

Несомненно, что художественное оформление описываемого нами стремени таково, что оно могло выйти из рук только первоклассного специалиста, одаренного тонким художественным вкусом и высоким мастерством.

Три бронзовых гладких стремени совершенно аналогичной формы мы находим среди северокитайских бронз, хранящихся в музее Фильда в Чикаго (рис. 17). Они отнесены там к ханьскому времени, в чем издав-

² Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Чаатас у с. Копёны. Труды ГИМ, вып. XI, 1939, рис. № 53 и 54.

Рис. 16. Реконструкция орнамента стремени из Уйбатского чаатаса

ший их Ростовцев³ справедливо сомневается, правильно считая их более поздними. Если перейти к рассмотрению орнаментики нашего стремени, то это сомнение вполне оправдывается. Прежде всего обратимся к цветам, украшающим нижнюю часть петли и являющимся центральным местом композиции.

Просматривая публикации китайских памятников танского времени, мы встречаем именно такие же цветы в совершенно такой же композиции. В коллекции Гутмана⁴ имеется золотое блюдо, на поверхности которого

Рис. 18. Бронзовое зеркало танского времени

в центральной части изображены две фигуры птиц-фениксов, обращенных друг к другу головами; сверху и снизу помещены два цветка, исполненные в той же манере, что и цветы на нашем стремени.⁵

Ближайшие аналогии нашим птичкам мы опять же находим в танских древностях. Так, на бронзовом зеркале из коллекции Лу, украшенном рельефным растительным орнаментом и фигурками зверей и птиц, мы видим совершенно таких же птичек, как наши, в различных позах полета.⁶ На другом бронзовом зеркале танской же династии одна из пти-

³ M. Rostovtzeff. *The Animal Styl*, Oxford, 1929, табл. XXIII, рис. 4 (левое стремя особенно тождественно с нашим).

⁴ F. Gutmann. *Helmstede*, Holland.

⁵ Y. Ashton and B. Gray. *Chinese art*, London, 1936, стр. 150, 47a T'ang Dynasty.

⁶ M. Toh'on Tō-yi. *Bronze antiques de la Chine avec une preface et de notes de M. P. Pelliot. Appartenant à C. J. Loo et C-e.* Paris et Bruxelles, 1924, табл. XXVI, верх.

чек изображена в совершенно той же позе полета, как нижние птички уйбатского стремени (рис. 18).⁷

В более раннюю эпоху, в ханьское время, в китайской орнаментике постоянно встречаются птицы, но они не такие, как на нашем стремени. Больше всего уйбатские птички напоминают воробьев, изображения которых появляются в китайской орнаментике в танскую эпоху, встречаясь и в более позднее время. Так, на бронзовом зеркале циньской династии из коллекции Лу есть птички, очень похожие на наших.⁸

Подводя итоги всем приведенным выше аналогиям, можно с уверенностью прийти к выводу, что стремя Уйбатского чаатаса не является производением местного кыргызского искусства. Это видно из того, что его форма резко отличается от стремян, сделанных кыргызскими мастерами, но целиком совпадает с формой стремян из Северного Китая. Анализ орнамента, украшающего его поверхность, также приводит нас к произведениям искусства Танского Китая.

Ряд находок, сделанных С. В. Киселевым в каменных курганах Уйбатского чаатаса, а также серебряный кувшинчик с орхоно-енисейской надписью на дне, найденный там же С. А. Теплоуховым, позволяют датировать весь могильник VII—VIII вв. н. э. В то время на среднем Енисее создались благоприятные условия для широкого обмена как внутреннего, так и внешнего. Особенно широкие связи у енисейских кыргызов были с Танским Китаем. В обмен на пушнину и металл получались ювелирные и художественные вещи, ткани и пр. В коллекциях Минусинского музея хранится около 80 китайских зеркал танской эпохи, причем на многих из них имеются орхоно-енисейские надписи. Кроме того, на широко развитую торговлю кыргызов с Танским Китаем (особенно после того, как кыргызы разбили уйгур) указывает большое количество находок китайских монет танской династии, сделанных на территории Минусинской котловины (237 монет, особенно чеканки 841—846 гг.)⁹ из общего количества в 345 китайских монет домонгольской эпохи.

Помимо вещей непосредственно китайского происхождения, употреблявшихся кыргызской знатью, в это время кыргызскими мастерами-ювелирами на среднем Енисее было создано свое степное искусство, отчасти развившееся на основе более ранних традиций скифо-сибирского звериного стиля, отчасти под влиянием художественных образцов иранского и китайского искусства. В связи с этим достаточно вспомнить находки золотой посуды, бронзовых рельефов сцены охоты, а также золотые и бронзовые принадлежности конского убора из тайников Копёнского чаатаса.¹⁰

⁷ R. Fry, B. Rackham, L. Binyon, A. F. Kendrick, O. Sirén, W. Winkworth. *Chinese Art*, London, 1935, табл. 65, левый рис.

⁸ Там же, табл. XXXVII.

⁹ Хранятся в Минусинском музее, № 5340—5558, 5279—90, 5816, 5884—5886.

¹⁰ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Чаатас у с. Копёны. Труды ГИМ, вып. XI, 1939.

Н. Д. МЕЦ

К ВОПРОСУ О ТОРКАХ

Вопрос о кочевнических курганах (печенежских, половецких, торчских) один из сложнейших для изучения. Трудность заключается в определении принадлежности той или иной группы отдельным племенам, что является результатом одинакового образа их жизни (кочевой) и последовательного обитания в сравнительно небольшой промежуток времени (X—XIII вв.) на одной территории.

Впервые летопись упоминает о торках в 985 г. в связи с походом Владимира на болгар. К X же веку относятся и упоминания о торках арабских писателей,¹ которые сообщают, что торки в это время жили на левом берегу Волги. Место пребывания торков — между Яиком и Волгой — отмечает и Константин Багрянородный: «Печенеги сначала жили возле реки Волги и Яика и соседями их были народы, которые назывались мазари и узы (как известно, узы византийских источников, гуззы арабских тождественны торкам наших летописей). Пятьдесят лет назад так называемые узы, согласившись с хазарами и напавши на печенегов, одолели их и выгнали из собственной страны».² В X в., как сообщает Массуди,³ торки появляются на правом берегу Дона. Местом жительства торков в бассейне р. Дона, по мнению ряда исследователей (Н. Е. Бранденбург, В. А. Городцов и др.), был город Славянск, который в древности носил имя этого племени и назывался Тором. На пребывание здесь торков указывает и название двух рек — Тор и Торец, кроме того, имеются деревня Торская и Торское городище.⁴

Первое упоминание летописи о нападении торков на Русь относится к 1055 г., когда они вторглись в пределы Переяславского княжества. Всеволод Ярославич идет на его защиту и отгоняет кочевников, но в 1060 г. торки нападают снова. На этот раз князь идет на них совместным походом. «Изяслав и Святослав, и Всеволод, и Всеслав, совокупивше вой безчислены, пойдоша на коних и в лодях, безчислено множество, на торкы. Се слышавше торци, убояшася, пробегоша и до сего дне, и помроша бегаючи, Божьим гневом гоними, ови от зимы, друзии же голодом, ини же мором и судом Божьим. Тако Бог избави хрестьяны от поганых».⁵ Действительно, на некоторое время имя торков сходит со страниц

¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских авторов о русах и славянах, СПб., 1870, стр. 192, 218, 275.

² П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев, 1884, стр. 36.

³ А. Я. Гаркави. Ук. соч., стр. 130.

⁴ Н. Аристов. О земле Половецкой, Киев, 1877, стр. 3.

⁵ ПСРА, т. I, стр. 70.

летописи. Куда они исчезли из поля зрения летописца, разъясняется византийскими источниками, которые сообщают нам, что в 1064 г. узы (торки) «всем племенем, в количестве 600 000 человек, вторглись в Византию, предав разорению ее балканские провинции. Жители сплотились, и Византия совместно с печенегами (которые пришли сюда раньше торков.— Н. М.) их разгромили, поселив остатки в Македонии». ⁶ Часть же племени, как сообщает Атталейот, потерпев сильно от зимы, изнуренная болезнями и голодом, ушла обратно за Дунай и была «рассеяна князем Мирмидонов около его городов». ⁷ Д. А. Расовский предполагает в нем Изяслава Ярославича. ⁸

Приход торков из Византии на Русь является началом торских поселений в Приднепровье. Их возникновение было вызвано тем бедственным положением, в которое попала Русь из-за набегов половцев. Князья для защиты своих земель от половцев ставят городки по Роси и сажают в них гарнизоны торков с приставшими к ним печенегами. Центром поселения была р. Россавы с ее левыми притоками. Здесь же находился город Торческ, центральный город Поросья.

Как раз в месте, где, по летописным известиям, жили торки, расположены основной своей массой кочевнические курганы: на р. Донце у Славянска и в Среднем Приднепровье в бассейне р. Россавы. Отличительной чертой их является захоронение человека вместе с конем. Обряд погребения следующий: покойник ориентирован головой на запад, в вытянутом положении; с левой стороны его лошадиный остов, ориентированный также на запад. Захоронения коня неоднородны — иногда это целый остов, иногда часть его (голова, передние и задние конечности, расположенные в строгом порядке: голова коня у головы покойника, с ориентировкой на запад; передняя пара ног у головы коня, копытами на запад же, а задняя пара ног — у ног покойника, копытами на восток.

Рядом исследователей (Н. Е. Бранденбург, В. А. Городцов, А. А. Спицын и др.) установлено, что рассматриваемая группа курганов относится к X—XIII вв. ⁹ Как кочевнические первым определил эти курганы Бранденбург, который, анализируя материалы своих раскопок и сопоставляя их с историко-географическими и антропологическими данными, заключил, что главное значение в вопросе, кому принадлежат эти курганы, «должно быть отведено кочевникам происхождения тюркского, именно — печенегам и половцам». ¹⁰ Окончательное мнение Бранденбурга склоняется в пользу печенегов.

Городцов высказывает другое предположение. Исследуя кочевнические курганы у гор. Славянска, он приходит к выводу, что они могут быть отнесены к половцам или родственным им торкам. В курсе лекций, читанных в Московском археологическом институте, Городцов более определенно высказывается по этому вопросу, относя предположительно погребения с конем, ориентированные на запад, к торкам, а ориентированные на восток — к половцам. ¹¹

⁶ Д. А. Расовский. Печенеги, торки и беренды на Руси и Угрии, 1933, стр. 9.

⁷ П. Голубовский. Ук. соч., стр. 47.

⁸ Д. А. Расовский. Ук. соч., стр. 9.

⁹ Н. Е. Бранденбург. Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойниками погребены остовы убитых лошадей. Труды X Археол. съезда, т. I, Харьков, 1899; А. А. Спицын. Курганы киевских торков и берендеев. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, стр. 156—160, СПб.; В. А. Городцов. Результаты исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии. Труды XII Археол. съезда, т. I, М., 1905.

¹⁰ Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 8.

¹¹ В. А. Городцов. Бытовая археология. Изд. Моск. археол. ин-та, М., 1910.

Спицын¹² придерживается в этом вопросе точки зрения, предлагающей в Приднепровских курганах (подобных курганам Изюмского уезда, названных Городцовым торческими) видеть также погребения торков. Но Спицын обращает особое внимание на факт положения в могилу, вместо целого остова коня, его частей и, основываясь на этом, считает возможным разделить общую массу захоронений с конем на две группы: на захоронение с целым остовом коня и на захоронение с частями коня, а не считает это явление, как Городцов, результатом замены целого коня его частями, как деградацию обряда погребения. На основании изучения кочевнических погребений автору удалось подтвердить и доказать это спицынское предположение. Установленные различия в обряде погребений дают возможность провести черту между погребениями с целым остовом коня и погребениями с частями коня. Эти различия, в основном, сводятся к следующему.

Погребения с целым остовом коня в подавляющем большинстве находятся в материке. Из 46 рассмотренных мною погребений с целым остовом коня 26 погребений оказались в материке, 12 в насыпи и 8 неопределенных. Из 73 погребений с частями коня — 50 в насыпи и 23 в материке. Оружие в курганах первой группы (с целым остовом) представлено саблями с тупыми концами и рукоятями без дужек, копьями, наконечниками стрел. В курганах

второй группы имеются и копья, и наконечники стрел, но сабель Бранденбург не встретил совсем. Есть упоминание о них в отчетах о раскопках Городцова. Бранденбургом же описан другой вид оружия, отсутствующий в погребениях с целым остовом. Это оружие представляет собой железную полосу в виде прямого клинка более метра длины. Отсутствие крестовины и тупой наконечник напоминают азиатские образцы. Бранденбург склонен видеть в этом оружии кончар.¹³

Удила обязательны при конских скелетах в обоих видах погребений. Форма удил первой группы погребений резко отличается от формы удил второй группы. Так, в погребениях с целым остовом коня они представлены удилами с перегибом посередине (рис. 19 — 2), удила в погребениях с частями коня представляют собой четырехгранный, слегка изогнутый прут длиной 14—15 см, с концами, согнутыми в петли, в которые вдеты кольца диаметром 5—6 см (рис. 19 — 1) — это так называемые удила без перегиба. Ни одних удил такой формы не было встречено в курганах с целым остовом коня, но они постоянно сопутствуют погребениям с частями коня. Так, в 20 погребениях второй группы, где удалось установить форму удил, 17 оказались без перегиба. В раскопках

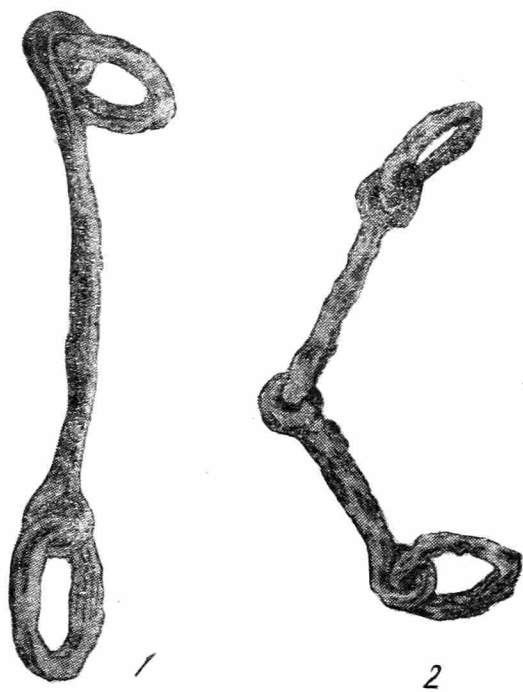

Рис. 19. 1 — удила без перегиба; 2 — удила с перегибом (коленчатые)

¹² А. А. Спицын. Ук. соч.

¹³ Н. Е. Бранденбург. О раскопках в Киевской губернии в 1894 г. Археол. изв., 1894, стр. 220.

Бранденбурга удила без перегиба были обнаружены в курганах № 218, 219, 221, 238, 239, 241, 266, 275, 276, 322, 400, 409.¹⁴ В раскопках Городцова: слобода Ямполь — курган № 1, погребение № 6; хутор Ковалевка — курган № 2, погребение № 2; р. Бахмут — Рассыпной лес, курган № 7, погребение № 1,¹⁵ в Чкаловской области у пос. Нежинского (по Граковой) была раскопана группа курганов, обряд захоронения был аналогичен нашему второму виду погребений. В одном из курганов были также найдены удила без перегибов.¹⁶ Таким образом, где бы ни находились курганы с данным обрядом погребения — в Киевской, Харьковской или Чкаловской областях, всюду они сопровождаются удилами без перегиба. Что же касается удил с перегибом в погребениях с частями коня, то их встречено только три экземпляра: двое в раскопках Трефилева¹⁷ и один в раскопках Бранденбурга в кургане № 217.

Можно также отметить и неодинаковость распределения курганов обеих групп по территории. В расположении курганов с частями коня наблюдается некоторая закономерность. Например, у р. Россавы оки расположены только на левом берегу и нигде больше в этом районе не встречены; что же касается курганов с целым остовом, то они были найдены и на левом, и на правом берегах р. Россавы, и на р. Роси, и на левом берегу р. Днестра. Приблизительно такая же картина и на Дону, где курганы с частями коня расположены компактной массой на р. Бахмут. Может быть это объясняется незначительным количеством раскопанных курганов.

Основываясь на перечисленных различиях в обряде погребений, можно с уверенностью сказать, что мы имеем две самостоятельные группы погребений. Различие между ними не социального характера, так как и в той и в другой группе встречаются погребения богатые (с золотыми и серебряными украшениями) и довольно бедные по инвентарю. Следовательно, различие это этническое. Каким же племенам принадлежит каждая из этих групп? Относительно группы с целым остовом коня в настоящее время мне затруднительно что-либо сказать из-за отсутствия прямых доказательств, могущих подтвердить то или иное мнение. Что же касается группы с частичным захоронением коня, то ее, мне кажется, безошибочно можно определить как принадлежащую торкам, основываясь на следующем свидетельстве современника.

В новой Мешхедской рукописи Ибн-Фадлана мы находим крайне любопытный рассказ о племени гуззов (торков). Описывая нравы и обычаи этого народа, Ибн-Фадлан касается и обряда погребения гуззов. Вот полный текст этого описания:

«А если умер человек из их (числа), то для него роют большую могилу на подобие дома, берут его, одевают на него куртку и его пояс, его лук, кладут в его руку чашу из дерева с набидом, оставляют перед ним сосуд с набидом, приносят все его имущество и кладут с ним в этом доме. Потом сажают его в нем и покрывают настилом дом над ним, накладывают над ним подобие юрты из глины, берут его лошадей в зависимости от их численности и убивают из них сто голов или двести голов или одну

¹⁴ Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга, 1888—1902 гг., СПб., 1908.

¹⁵ В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах реки Дона, Изюмского уезда, Харьковской губернии. Труды XII Археол. съезда, т. I, М., 1905; его же. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии. Труды XIII Археол. съезда, т. I, М., 1907.

¹⁶ О. А. Гракова. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде, 1927 г., РАНИОН, т. IV, 1928.

¹⁷ Е. П. Трефилев. Курганы с каменными бабами Купянского уезда Харьковской губернии. Труды XII Археол. съезда, т. I, М., 1905, стр. 141.

голову и съедают их мясо, кроме головы, ног, и кожи, и хвоста. И действительно, они растягивают это (все) на деревяжках и говорят: «Это его лошади, на которых он поедет верхом в рай». Если же он убил человека и был храбр, то вырезают изображение из дерева по числу тех, кого он убил, и помещают их на его могиле и говорят: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю». Иногда же они упускают (не заботятся) убивать лошадей день или два. Тогда приходит к ним какой-нибудь старик из старейшин и говорит: «Я видел такого-то, то-есть умершего, во сне и он сказал мне: «Вот ты видишь, меня уже перегнали мои товарищи и потрескались мои ноги от следования за ними, и я не могу их догнать и остался один». При этих обстоятельствах они берут его лошадей и убивают их и растягивают их на его могиле. И когда пройдет день или два, приходит к ним этот старик и говорит: «Сообщи моим домочадцам и моим, что я уже догнал тех, которые ушли раньше меня, и что я нашел успокоение от усталости».¹⁸

Анализ этого отрывка дает интересный материал для объяснения ряда явлений в погребальном обряде с точки зрения тех, кто их совершал. Так раскрывается объяснение захоронения лошади; нельзя ли здесь найти и объяснение причины установки на курганах многочисленных каменных баб по аналогии с деревянными торкскими?

Для нас же особенно важно сообщение Ибн-Фадлана о том, что у торков (гуззов арабских источников) существовал обычай оставлять несъеденными лошадиные «голову, ноги, кожу и хвост» и эти остатки «растягивать». Вопрос о том, где они «растягивались», является спорным. Из текста скорей можно заключить, что это делалось после насыпки кургана. Но сам факт существования обряда оставлять несъеденными именно голову, ноги и хвост лошади у определенного племени не теряет значения для погребения с захоронением конских головы и ног. Что касается хвоста, то в своем журнале раскопок Бранденбург не упоминает о наличии остатков такового; в курганах, раскопанных Городцовым, при голове и ногах всегда находились еще и кости хвоста. В одном из раскопанных курганов Городцов отметил любопытное расположение обрубленных частей коня, которое теперь, после опубликования новой рукописи Ибн-Фадлана, неизвестной Городцову, может как бы иллюстрировать нам ибн-фадлановское растягивание «коня». «Севернее погребения человека,— записывает Городцов в журнал раскопок,— лежали расположенные в следующем порядке голова, ноги и хвост лошади: голова с удилами и костяными псалиями, за ней к востоку стояла передняя пара ног, в расстоянии около одного аршина стояла, опять-таки в вертикальном положении, вторая пара задних ног лошади, отрезанных с копытами в коленном сочленении; за последними спускался сверху вниз ряд позвонков конского хвоста. Судя по расположению остатков ног и хвоста, можно догадываться, что первоначально они были приставлены к какому-то возвышающемуся предмету, вероятнее всего к седлу, от которого сохранились прослойки бересты и соломы, или что-то в этом роде».¹⁹ Возможно, что эти остатки и есть те самые «деревяжки», на которых гуззы растягивали части коня.

Таким образом, одна из выделенных по археологическим признакам группа курганных погребений связана с торками, поскольку обряд, описанный Ибн-Фадланом, совпадает с обрядом, наблюдаемым упомянутыми выше археологами.

¹⁸ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 63.

¹⁹ В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии. Труды XII Археол. съезда, т. I, стр. 321.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. А. ЧЕРНОВ

СТОЯНКИ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА В БАССЕЙНЕ РЕКИ ПЕЧОРЫ

Летом 1940 г. в окрестностях гор. Нарьян-Мара мне удалось найти несколько стоянок доисторического человека и собрать кремневые орудия, черепки глиняной посуды с орнаментом, а также и некоторые железные вещи.

Первая стоянка была обнаружена в с. Тельвиска (рис. 20), на берегу реки, в верхней части селения. Село Тельвиска расположено на надпойменной террасе Печоры, достигающей 10 м высоты и сложенной вверху желтыми песками, образующими огромные развеваемые площади.

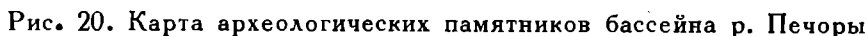
Около небольшого останца были найдены 25 кремневых отщепов. Среди них оказались два кремневых орудия, напоминающих скребки (рис. 21 — 1 и 2). Первый из них несет мелкую ретушь на трех сторонах, второй — на двух. Кроме этих двух орудий, имеются еще пять обломков глиняной посуды, из которых два (с орнаментом) принадлежали двум сосудам. Один черепок с ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 22—20). Толщина стенок сосудов 8—9 мм. Венчики их слегка скошены и несут косые засечки, сделанные гребенчатым штампом. Один сосуд имел выпуклые стенки и достигал 30 см в диаметре. Другой сосуд с гребенчатым орнаментом имел несколько более тонкие стенки и был, повидимому, меньшего диаметра. Здесь же среди кремневых отщепов найден маленький кусочек бурого кварца с тремя отшлифованными поверхностями.

Вторая стоянка, на которой было найдено всего лишь три кремневых наконечника, расположена в 3—5 км от дер. Устье (рис. 25). Здесь, несколько в стороне от дороги, идущей от с. Тельвиска, в дер. Устье имеется один довольно крупный ярей,¹ до 0.5 км в поперечнике и глубиной около 7 м. В западной части его, почти в самом низком месте лежали три кремневых наконечника на расстоянии 5—7 м друг от друга. Они, повидимому, были потеряны охотником, так как место находки вряд ли являлось местом стоянки, ибо оно расположено в значительном удалении от реки. Все три наконечника (рис. 21—3, 4, 5) имеют почти одинаковые размеры и форму с двумя слабо выраженными жальцами.

Третья стоянка находится на восточном берегу озера против с. Пустозерска. Здесь вдоль всего берега, в особенности вблизи дер. Устье, расположены огромные площади развеваемых песков. Черепки глиняной посуды и кремневые орудия были найдены лишь на самом берегу озера,

¹ Ярей — местное название.

На всем протяжении берега было собрано пять черепков глиняной посуды, из которых два были с орнаментом и принадлежали двум различным сосудам. Оба сосуда имели выпуклые стенки — один с ямочно-гребенчатым орнаментом, другой — с гребенчатым.

Более значительный подъемный материал удалось собрать на западном берегу озера, где располагалось древнее городище Пустозерска (оис. 25, стоянка 4).

К западу от узкого протока находятся значительные яреи, на которых в нескольких местах среди большого количества кремневых отщепов (200 шт.) найдено 19 кремневых наконечников стрел; из них три цельные заготовки

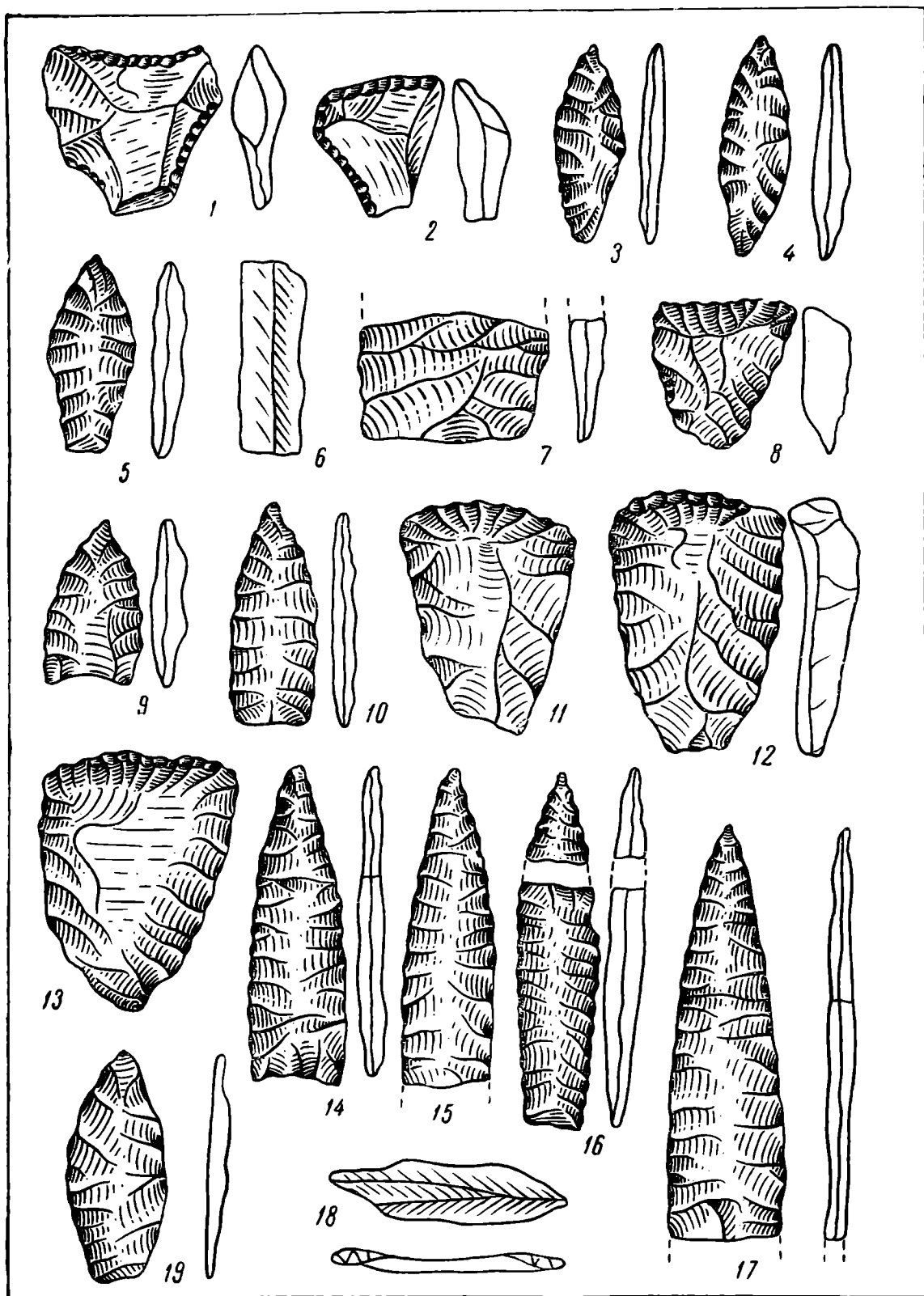

Рис. 21 Кремневые изделия со стоянок бассейна реки Печора

1, 2 — скребки из серого камня (1);¹ 3 — наконечник стрелы из молочного халцедона (2); 4 — наконечник стрелы из светлосерого кремня (2); 5 — наконечник стрелы из серого халцедона (2); 6 — ножевидная пластинка из белого кремня (3); 7 — тыловая часть от копья из серого кремня (3); 8 — скребок из светлосерого кремня (4); 9 — наконечник стрелы из молочного кремня (4); 10 — наконечник стрелы из молочносерого кремня (4); 11 — скребок из коричневатосерого кремня (4); 12 — скребок из светлосерого кремня (4); 13 — скребок из желтосерого кремня (4); 14 — наконечник стрелы из коричневатого кремня (4); 15 — наконечник стрелы из желтосерого кремня (4); 16 — наконечник стрелы из серого кремня (4); 17 — наконечник стрелы из светложелтого кремня (4); 18 — наконечник стрелы из ножевидной пластинки молочного кремня (8); 19 — наконечник стрелы из молочного халцедона (11)

¹ В скобках номер стоянки

(рис. 21—9, 10, 14) и 12 обломков (рис. 21—15, 16, 17), семь различных скребков (рис. 21—8, 11, 12, 13) и одно орудие, повидимому, недоделанное. Восемь наконечников имеют листовидную форму с прямым тупым тыльем (рис. 21—10). Один наконечник короткий, с глубокой выемкой в тыловой части (рис. 21—9). Шесть обломков, принадлежащих к наконечникам с пильчатыми краями и с тупым тыльем (рис. 21—16). Два скребка мелких (рис. 21—8) и пять более крупных (рис. 21—11, 12, 13), из которых только один имеет пологую ретушь на рабочем краю, а остальные — с крутой ретушью. Орудия сделаны в большинстве случаев из серого и светлосерого кремня и только некоторые — из розоватого.

Кроме кремня, собрано 40 черепков глиняной посуды, принадлежащих восьми сосудам, из которых 14 (рис. 22—22, 23) имеют выпуклые стенки и характеризуются ямочно-гребенчатым орнаментом; лишь один отличается от остальных гребенчатым орнаментом. Орнамент нанесен только в верхней части сосуда, причем на некоторых сосудах выполнен небрежно. Два сосуда имеют утолщенный венчик (рис. 22—21). На венчике иногда нанесены наискось (рис. 22—22, 23).

У самого с. Пустозерска (рис. 25, стоянка 5), на дороге у кладбища найдены черепки глиняной посуды без орнамента, с выпуклыми стенками, отогнутым венчиком и плоским дном (рис. 24—39, 40, 41). Черепки принадлежат двум подобным сосудам. Здесь же среди небольшого количества кремня найден один обломок кремневого наконечника листовидной формы, с тупым тыльем, а также один железный наконечник (рис. 24—35).

Шестая стоянка находится к югу от с. Пустозерска, на противоположном берегу. Здесь, как и на третьей стоянке, черепки глиняной посуды были собраны на бичевнике (разрез ВГ на рис. 25). Данные находки свидетельствуют, что места самых стоянок размыты. Черепки были разбросаны на значительном протяжении вдоль берега. Всего было собрано 32 обломка, из них 13 имеют ямочно-гребенчатый орнамент, нанесенный в верхней части выпуклого сосуда (рис. 22—25, 26, 27; рис. 23—28, 29). Некоторые сосуды (рис. 22—26) имели лишь ямочный орнамент, другие (рис. 23—30) — только гребенчатый. Все обломки принадлежат различным сосудам. Некоторые из них имели довольно толстые стенки, как, например, сосуд № 27 (рис. 22), и достигали не менее 30 см в диаметре (в горле). Здесь же на берегу встречались и кремневые отщепы, но орудий не попадалось.

Следующие находки кремневых орудий были сделаны в нескольких местах вблизи дороги, идущей из Нарьян-Мара к дер. Харитоново, расположенной на берегу р. Куи (рис. 26).

На стоянке седьмой (рис. 26), которая находится в юго-западной части болота, были собраны лишь кремневые отщепы. От этого пункта дорога на Харитоново идет через болото, причем в средней части его находится небольшая песчаная возвышенность (рис. 26, стоянка 8) с яреями, на которой был найден наконечник стрелы, сделанный из ножевидной пластинки белого кремня (рис. 21—18).

Далее дорога идет вдоль восточной стороны болота. К востоку от дороги расположены крупные яреи, на которых удалось найти обломок кремневого наконечника стрелы (рис. 26, стоянка 9). Еще далее к северу, против небольшого озера (рис. 26, стоянка 10) на яреях собрано восемь черепков, принадлежащих одному глиняному сосуду с гребенчатым орнаментом. Здесь же собрано и 40 кремневых отщепов.

Последняя стоянка была обнаружена на противоположном берегу озера, которое находится против дер. Харитоново (стоянка 11).

Несмотря на огромные яреи, которые окружают озеро с трех сторон, удалось найти всего лишь 50 кремневых отщепов, один кремневый наконеч-

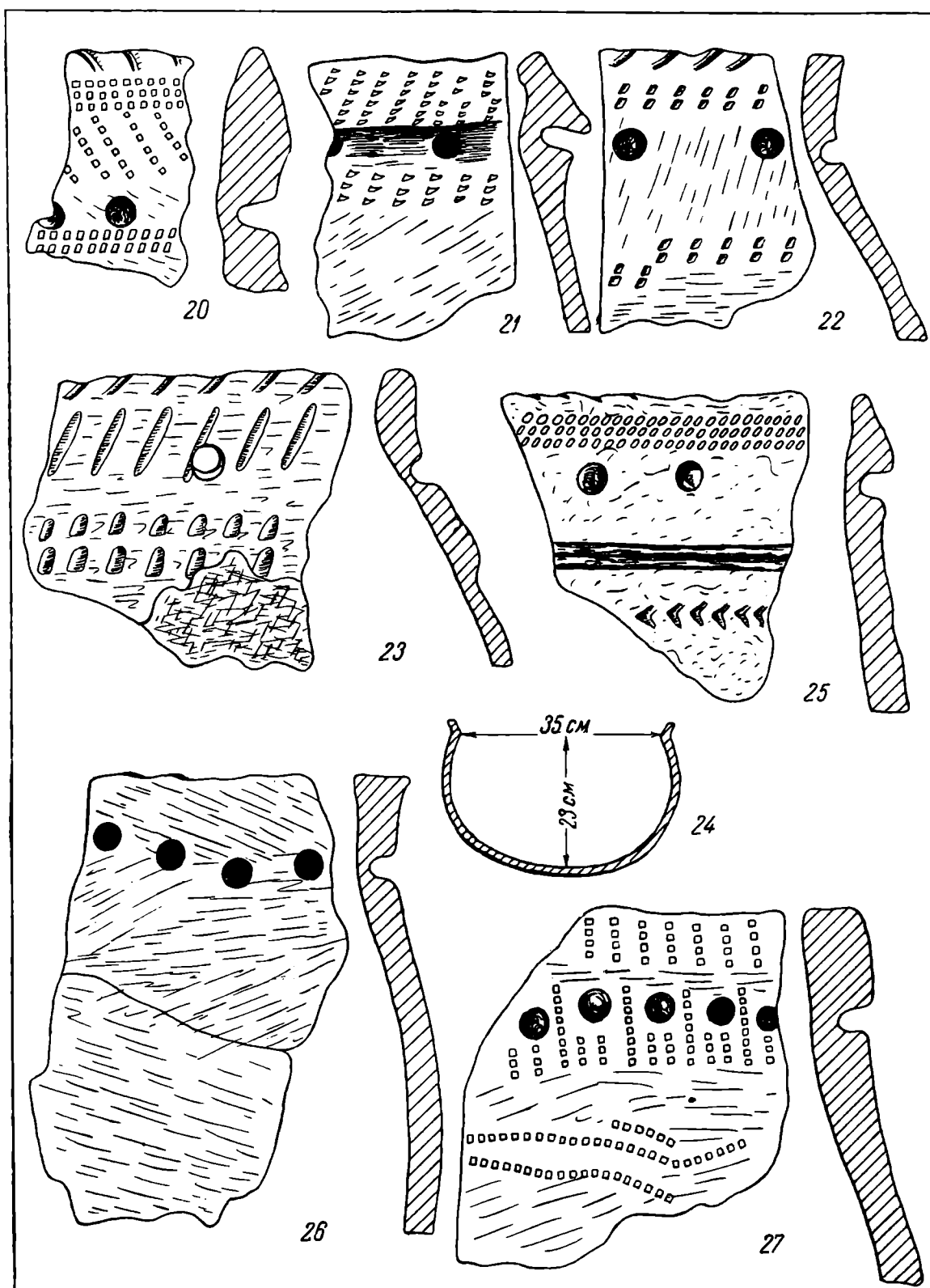

Рис. 22. Керамика со стоянок бассейна р. Печоры

20, 21, 23 — черепки глиняной посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом (4); 22 — черепок глиняной посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом (1); 24 — форма сосуда № 23 (4); 25 — черепок глиняной посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом (8); 26 — черепок глиняной посуды с ямочным орнаментом (6); 27 — черепок глиняной посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом (6)

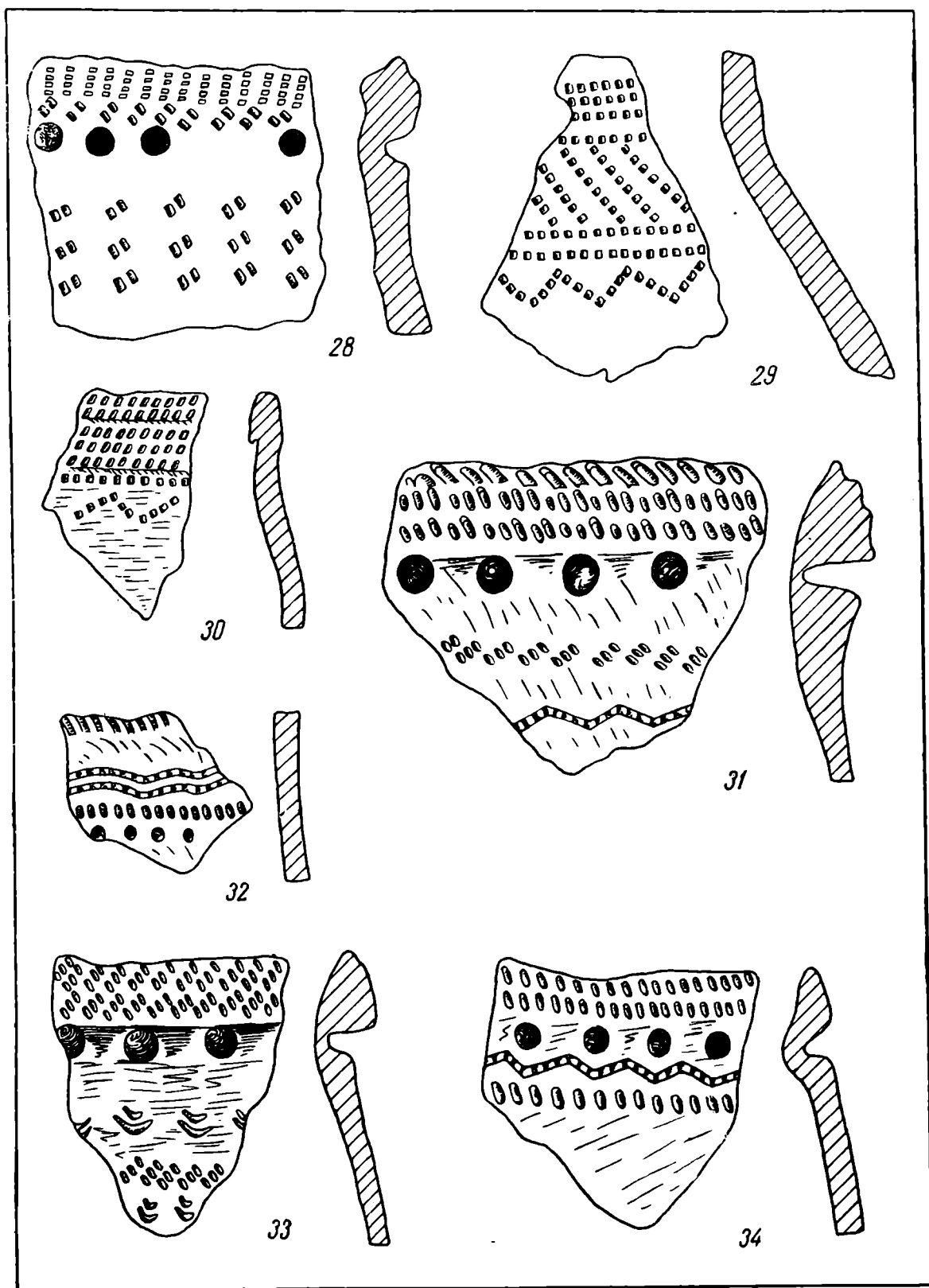

Рис. 23. Керамика со стоянок бассейна р. Печоры

28 — черепок глиняной посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом (3); 29, 30 — черепки глиняной посуды с гребенчатым орнаментом (30); 31, 32, 33, 34 — черепки глиняной посуды с ямочно-гребенчатым орнаментом (15)

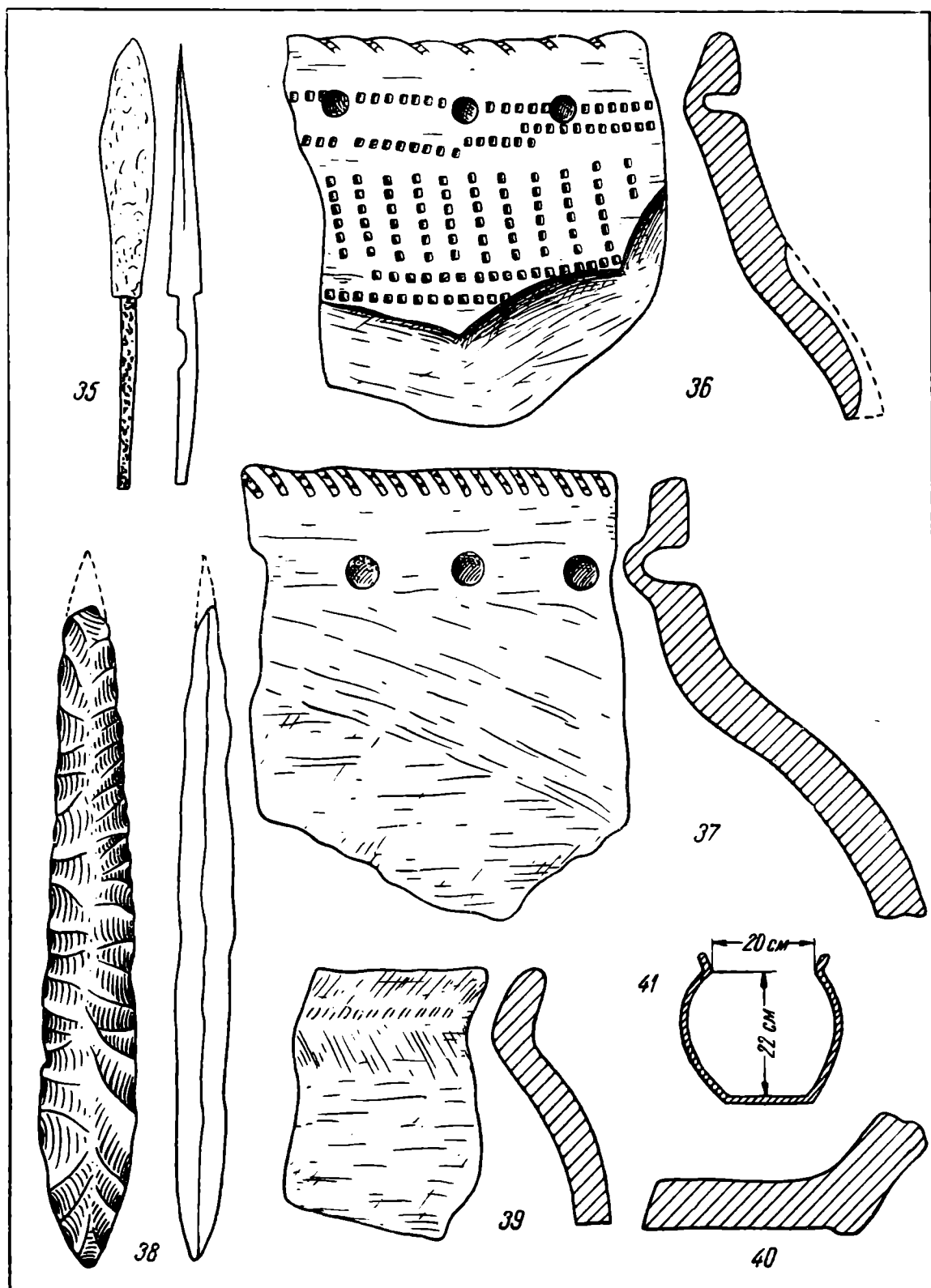

Рис. 24. Керамика и поделки стоянок бассейна р. Печоры

35 — железный наконечник стрелы (5); 36 — черепок глиняной посуды с ямочно-ребристым орнаментом (12); 37 — черепок глиняной посуды с ямочно-ребристым орнаментом (13); 38 — наконечник стрелы из серого камня (14); 39 — черепок глиняной посуды без орнамента (5); 40 — черепок глиняной посуды без орнамента (донная часть сосуда) (5); 41 — форма сосудов № 39 и 40 (5)

ник стрелы асимметричной формы (рис. 21—19) и один глиняный черепок без орнамента, принадлежащий нижней части сосуда.

Кроме этих одиннадцати стоянок, И. П. Поповым, заведующим Нарьян-Марским окружным музеем, были найдены два черепка глиняной посуды. Один из них, с орнаментом (рис. 24—36), был им найден на северо-восточном берегу Казенного озера, в 3 км южнее гор. Нарьян-Мара (рис. 26, стоянка 12). Другой (рис. 24—37) — на берегу р. Печоры, против гор. Нарьян-Мара (рис. 26, стоянка 13). Оба черепка имеют сильно выпуклые стенки и несут в верхней части ямочно-гребенчатый орнамент. Они хранятся в музее Нарьян-Мара, так же как кремневый наконечник стрелы (рис. 24—38), доставленный из дер. Коктино, расположенной на р. Суле, левом притоке Печоры (рис. 20).

Кроме этого, мною была обнаружена стоянка на побережье в Хайпудырской губе, в 3 км к востоку от Синькина Носа, вблизи устья р. Талаты. Здесь на небольших яреях в трех местах было собрано 100 черепков глиняной посуды, из которых 22, принадлежащих 12 сосудам, покрыты орнаментом. Часть черепков была вынута из темнокоричневого культурного слоя, примерно в 10 см толщиной, залегающего на 10—15 см ниже дерна; кроме черепков, в нем встречались небольшие кусочки угля.

Все сосуды имели выпуклые стенки (рис. 23—31, 33, 34) и, может быть, только один (рис. 23—32) отличался плоскими стенками. Орнамент почти на всех сосудах выполнен тщательно. Ни кремневые орудия, ни отщепы здесь обнаружены не были.

Сравнивая описанные археологические находки с археологическими памятниками центральной части Большеземельской тундры, мы видим большое сходство не только в отдельных орудиях, но и во всем комплексе находок и в характере мест их нахождения.²

Все типы наконечников стрел, которые были обнаружены на этих стоянках, встречались уже и на стоянках, найденных в 1939 г. Так, наконечники стрел № 3, 4 и 5 (рис. 21) сходны с № 71 стоянки 9-й Большеземельской тундры, а наконечник № 9 (рис. 21) почти тождествен с № 75 стоянки 11-й; наконечники № 14, 15 и 17 (рис. 21) того же типа, что и наконечник № 73 стоянки 11-й; наконечник № 16 (рис. 21) с пильчатыми краями отвечает по своей обработке наконечнику № 56, найденному на стоянке 8-й в Большеземельской тундре. Наконечник асимметричной формы (рис. 21—19) также неоднократно встречался в Большеземельской тундре и сходен с № 89 и № 100.

То же самое можно отметить и в отношении форм скребков. Найденные черепки глиняной посуды имеют тот же ямочно-гребенчатый орнамент, и некоторые черепки очень сходны с черепками, найденными на стоянках в Большеземельской тундре, где ямки наносились в один ряд и обычно под венчиком. Гребенчатый штамп употребляется чаще, и только редкие сосуды орнаментировались двумя различными штампами (рис. 22—23, 25). Черепки с ногтевым орнаментом, которые были найдены на стоянках в центральной части тундры, на наших стоянках не встречались.

Форма сосудов также круглодонная, и почти все они были с выпуклыми стенками, как и у большинства сосудов из центральной части тундры. Можно лишь отметить, что некоторые сосуды на стоянках в низовье Печоры имели очень выпуклые стенки, как и у сосуда № 37 (рис. 24). Все найденные черепки сосудов были обожжены, и на некоторых из них на внутрен-

² Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека на р. Колве, Колва-вис и Сандибей-ю в Большеземельской тундре. КС ИИМК АН СССР, вып. IX, 1941, стр. 101—111; Г. А. Чернов. Труды комиссии по изучению четвертичного периода, т. VII. 1948, стр. 55—122.

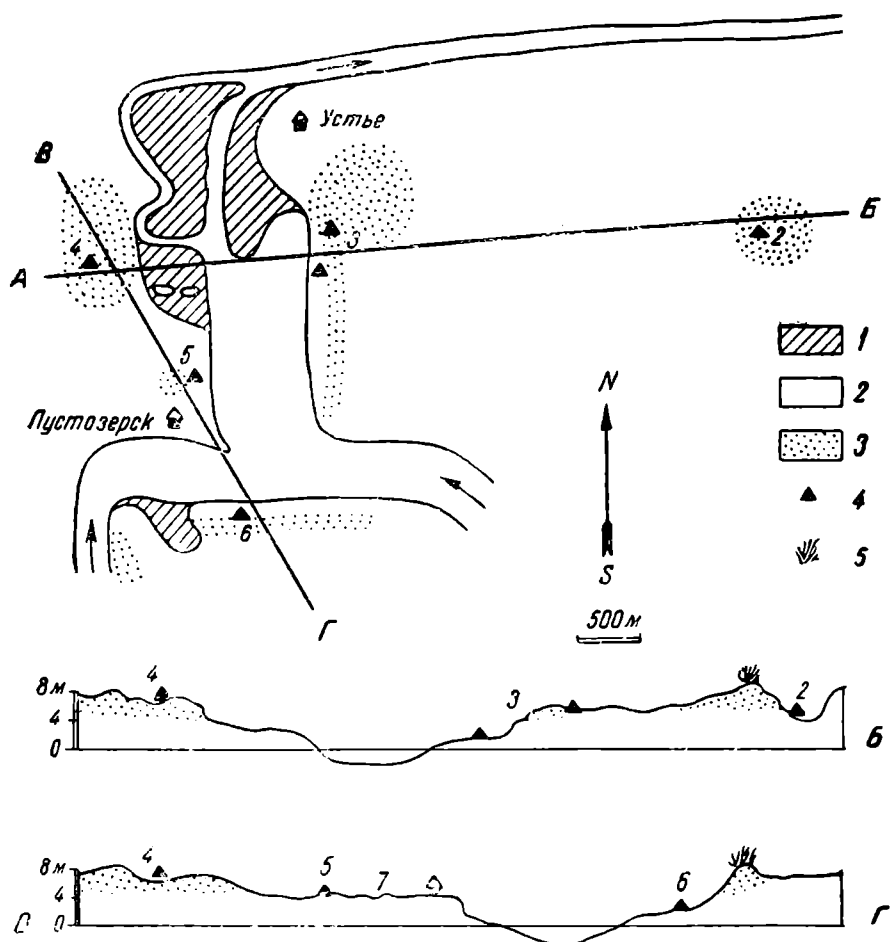

Рис. 25. Схематический план расположения стоянок у с. Пустозерска

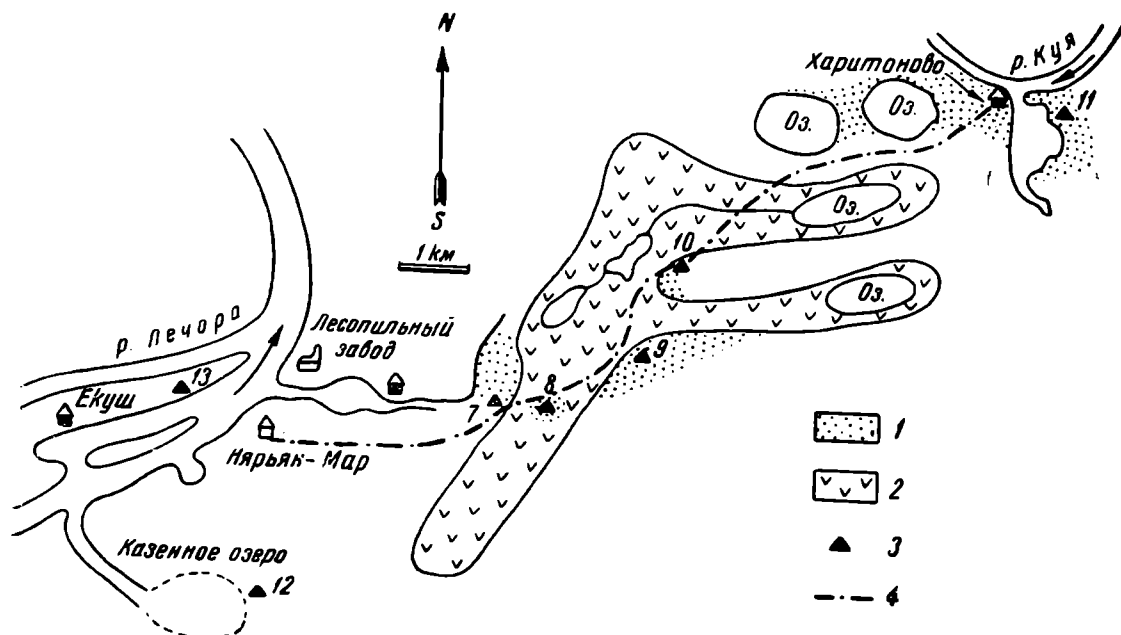

Рис. 26. Схематический план расположения стоянок около гор. Нарьян-Мара
1 — развезаемые пески; 2 — болота; 3 — стоянки; 4 — дорога в дер. Харитоново

ней стороне уцелел черный нагар, указывающий, что в данном сосуде варилась пища.

По характеру орнаментировки и по форме сосудов наши стоянки, за исключением 5-й, должны быть отнесены к третьей стадии развития северного неолита, которые были установлены В. И. Смирновым³ для беломорских стоянок. Археологические находки 5-й стоянки (железный наконечник и черепки глиняной посуды без орнамента и с плоским дном, сделанные на ручном гончарном круге) безусловно поздние остатки и относятся, по всей вероятности, к тому времени, когда в данном месте существовало городище Пустозерск, т. е. 300—350 лет назад.

Расположение стоянок главным образом у рек и озер говорит за то, что первобытный человек здесь занимался также рыболовством и охотой. Последнее подтверждается большим количеством кремневых орудий, представленных главным образом кремневыми наконечниками стрел.

Обнаруженные стоянки в низовье р. Печоры еще раз подтверждают данные о широком расселении первобытного человека на крайнем северо-востоке Европы.

³ В. И. Смирнов. Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области. Советская археология, № 4.

В. П. ЛЕВЕНОК

НЕОЛИТ ВЕРХНЕГО УЧАСТКА БАСЕЙНА СРЕДНЕЙ ДЕСНЫ

В сравнении с памятниками верхнего палеолита, получившими уже достаточно широкую известность, неолитические памятники верхнего участка бассейна среднего течения р. Десны до последнего времени недостаточно изучены и не освещены в печати. Настоящая работа является предварительной попыткой дать краткую сводку материалов по неолиту этого района.

Тарденуазская стадия, в своем позднем проявлении послужившая исходным материалом для культуры раннего неолита, представлена стоянками на песках первой надпойменной террасы и в других геологических условиях. Так, наиболее значительные находки этих памятников были сделаны автором в 1946 г. на верхней Судости. В раскопках известной палеолитической стоянки в Елисеевичах кремль тарденуазского возраста залегал в верхних горизонтах лёсса, под почвой, на широкой площади вокруг более глубоко залегающих раннемадленских остатков.

Наиболее значительным пунктом этой культуры явилась открытая автором и еще ждущая более углубленного исследования стоянка у дер. Комягина, близ районного центра Жирятино. По геологическим условиям (верхние горизонты лёсса коренного берега) и по находкам этот пункт явился аналогом вышеупомянутого местонахождения в Елисеевичах. Здесь, у кромки второй надпойменной террасы, на площади 50 × 50 м, по плотной глинисто-лессовой поверхности поля густо рассеяны кремни в виде отщепов и осколков всех величин — от целых и расколотых желваков и крупных нуклеусов до самых мелких отщепов — чешуи.

Из памятников мезолита на всей верхней Судости это место наиболее обильно кремнем. На песках нижней надпойменной террасы, на левом берегу долины верхней Судости располагается еще несколько пунктов¹ с кремневым инвентарем поздне-тарденуазского облика, вместе с кремнем вышеупомянутых памятников, могущим быть охарактеризованным как производственный инвентарь переходной ступени от старых форм хозяйства к новым, при которой усиливается значение рыболовства и усложняется собирательство и пр. Этот переход к новым формам отражен в искании новых форм орудий, продиктованных вновь складывающимися условиями производства, при недостаточности старого ассортимента орудий. Здесь отмечается обилие отходов кремневой индустрии и относительно незначительное число орудий. На первый план выступает преобладание крупных нук-

¹ Уроч. «Буречки» у дер. Елисеевичи, уроч. «Евдохино» и «Грини» у с. Синьково, местонахождение у пос. Шамадрановского на верхней Судости и др.

леусов и нуклеовидных орудий. Многие из этих кремней имеют следы сработанности на своих острых концевых гранях. Эти нуклеообразные поделки, полученные путем оббивки крупных кремневых желваков, расколотые вдоль, повидимому, служили не только как ядрища, но и как орудия (рис. 27—1, 3). В этом убеждают формы этих архаизированных изделий, заостренные рядом параллельных фасеток на клин (рис. 27—2).

Кроме этих орудий, в поздних стоянках данной категории памятников встречаются и другие, менее замечательные — ножевидные пластинки, скребки и пр. Переход этой культуры в собственно-неолитическую определяется несомненным восхождением рыболовства в круг занятий первобытного человека, имеющих значение основного общественного производства.

Рис. 27. Кремневые орудия

1, 2 — со стоянки у дер. Комягина на верхней Судости; 3 — стоянка в дер. Грини у с. Синькова на верхней Судости

Некоторые орудия из позднейших памятников позднеатарденуазской культуры уже имеют вполне неолитический облик: так, нож из поселка Шамадрановского на верхней Судости является ранним проявлением форм листовидных копий, отделанных плоской отжимной ретушью, получивших широкое распространение в развитом неолите (рис. 28—5).

Ранний неолит

Стоянки раннего неолита в бассейне средней Десны имеют много сходства с памятниками кампинийской стадии в Западной Европе. Ранне-неолитические кремневые орудия довольно архаичного облика встречаются на стоянках «Новая речка — Нилки», «Брянск рог 2», ² «Холм» на р. Нерусе, а также в небольшом числе на стоянках «Колесные бугры», у пос. Хурначевка (на границе УССР) и др. Эти орудия представляют собой грубо оббитые кремневые топоры с наточенным лезвием, что является древнейшим примером шлифовки каменных орудий (рис. 28—11); крупные скребла на массивных пластинах; ³ дисковидные скребки (рис. 28—16) и другие,

² В первом пункте с ничтожным количеством керамики, во втором — без керамики.

³ КС ИИМК, вып. X, М.—Л., 1941, стр. 96, рис. 34-е.

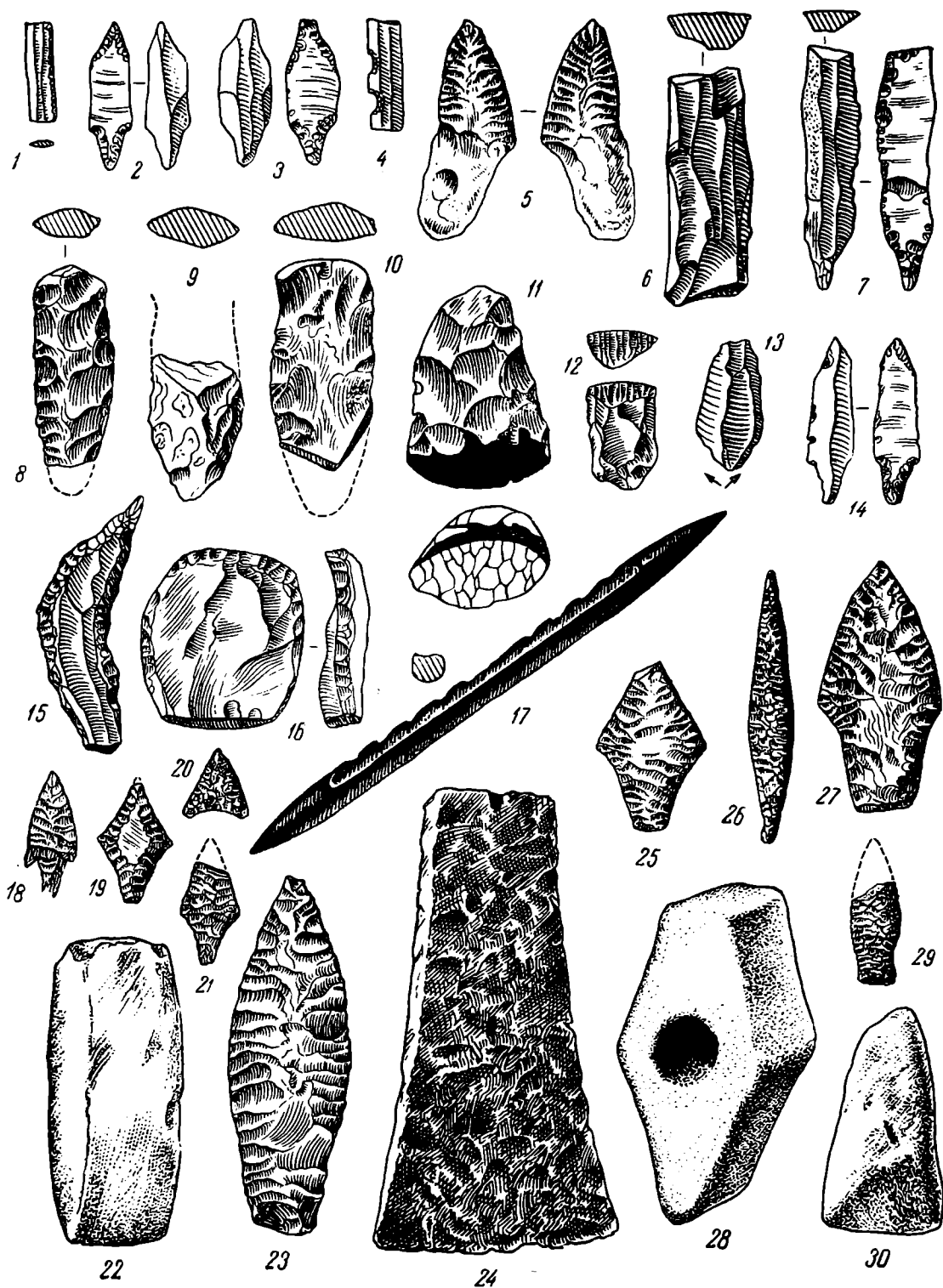

Рис. 28. Каменные орудия со стоянок бассейна средней Десны

1, 3, 18, 20 — стоянка „Холм“ на р. Нерусе; 2, 4, 13, 14, 19 — стоянка „Селеские дюны“ (дюна IV); 5 — стоянка у пос. Шамадрановского на верхней Судости; 6, 7, 9, 10, 11, 12 — стоянка „Новая речка — Нилки“ на Десне; 8, 16 — стоянка на дюне у пос. Хуркачевка на Десне; 15, 29 — стоянка „Городцы пойменные“ на Десне; 17, 23 — находки у дер. Сагутьево на Десне; 21 — стоянка на дюне у бывш. Спасо-Челнского монастыря; 22 — у дер. Чуркино Трубчевского района; 24 — из коллекции А. М. Романова, из бассейна р. Ревны, Навлинского района; 28 — из р. Десны в урочище „Кветунский перевоз“; 30 — из коллекции М. Герасименко, из бассейна р. Нерусы, Суземский район

менее характерные формы, как: ножевидные пластинки, иногда очень массивные (рис. 28—6), острия-проколки (рис. 28—7), концевые скребки (рис. 28—12) и др.

На изучаемой территории число стоянок раннего неолита невелико.⁴ Чаще более поздние неолитические местонахождения содержат в основании своих слоев ранне-неолитические материалы.⁵

В отношении общей характеристики инвентаря этой культурной стадии обращает на себя внимание стабилизация формы топора древнейшего неолитического типа, приобретающего в условиях днепровско-деснинского Полесья теслообразную форму.⁶ Возникшие из позднетарденуазских нуклео-видных клиньев (в эпоху обогащения микролитического ассортимента орудий макролитическими формами) треугольные, округлые и трапециевидные рубящие орудия в местных условиях приобретают форму, прямо зависящую от их основного функционального назначения. Как показывают известные материалы, этот процесс, в основном, оформляется в ранне-неолитическую эпоху.

Керамика древнейших ранне-неолитических форм типа кьеккенмеддингов и др. здесь не встречалась вплоть до появления древнейших типов с ямочно-гребенчатым орнаментом.

Развитой и поздний неолит

Стоянки развитого неолита в бассейне средней Десны, характеризующиеся древнейшей группой ямочно-гребенчатой керамики, в чистом виде встречаются крайне редко. Обычно эти материалы совмещаются с более обильными культурными остатками позднего неолита и бронзы.

Из нескольких десятков известных в бассейне средней Десны памятников этого рода большинство расположено на участках поймы — на останцах и дюнах,⁷ меньшее число — в толщах поймы, и еще меньше — в иных топографических условиях.⁸ Из числа многих памятников почти невозможно выделить пункты, имеющие только материалы развитого неолита. Гораздо легче разделить памятники на группы с наличием древнейших типов ямочно-гребенчатой керамики и без нее, лишь с поздними формами керамики.

В стоянках, расположенных на повышенных участках поймы, толщина культурного слоя обычно небольшая и археологические материалы разного возраста, по причине нестойкости песчаного субстрата грунта, перемешаны и иногда (как в стоянке «Холм» на р. Нерусе) встречались на глубине до двух метров под поверхностью почвы, где никаких признаков культурного слоя нет. Это явление можно объяснить лишь известным перемещением («блужданием») предметов под воздействием внешних сил (роющая фауна, рост корней растений, просачивание атмосферной воды и пр.).

Кремневый материал развитого неолита характеризуется главным образом группой орудий, получающих широкое распространение плоских листовидных форм: копий, дротиков и стрел, изготовленных приемами плоской отжимной ретуши. Причем в этих орудиях еще не выделяются углы, раз-

⁴ В уроч. «Новая речка — Нилки», «Брянск рог 2» и др.

⁵ В уроч. «Холм» на р. Нерусе и др.

⁶ См. работы К. М. Поликарповича в бассейнах рек восточной Белоруссии («Праць». Секции археол. АН БССР, 1928, стр. 30—32).

⁷ В уроч. «Пильня» у дер. Монастырище, у устья р. Навли; в уроч. «Борок» дер. В. Новоселок, «Холм» на р. Нерусе; на дюне у б. Спасо-Челнского монастыря; в уроч. «Девичер», «Борок-Званы» у с. Муравьев (УССР) и др.

⁸ В уроч. «Жаденова гора» у дер. Кветунь на Десне у с. Витемля (УССР), у пов. Глажево на р. Навле и др.

витие которых впоследствии приводит к появлению группы ромбических наконечников.

Копья и другие орудия указанных листовидных типов были найдены у дер. Сагутьево (рис. 28—23), на стоянках: «Холм» на р. Нерусе⁹ и «Городцы пойменные»¹⁰ (рис. 28—29) на стоянках рек Навли и Ревны и др. Некоторые из этих изделий отличаются мастерством ретуши (рис. 28—26).

К другим кремневым орудиям развитого неолита относятся сравнительно редко встречающиеся резцы; находимые часто ножевидные пластинки как мелкие, так и достигающие 15—18 см,¹¹ скребки (мельче скребков предыдущей, макролитической стадии, но более разнообразные, специализированные по форме) — остроугольные острия, скребки с рукоятками, ножи для раскройки шкур, вероятно, для чистки рыбы и т. п. (рис. 28—15). Встречаются более или менее правильные нуклеусы призматической и бочонкообразной формы.¹² Известны случаи находок чечевицеобразных крупных нуклеусов с противоположным направлением ударов скалывания массивных широких пластин. Есть некоторые основания для отнесения этих форм нуклеусов к раннему неолиту.

Труднее датировать костяные гарпуны, в двух случаях (у дер. Сагутьево и у дер. Темной) извлеченные сетями со дна Десны (рис. 28—17).

Описанный ранненеолитический топор-тесло получает дальнейшее развитие, выражающееся в выпрямлении лезвия и в большей зашлифованности поверхности. Такие топоры-клинья, зашлифованные почти по всей поверхности, еще носящей на себе несглаженные выемки раковистых изъязнов первичной обработки, известны как со стоянок средней Десны, так и из бассейнов рек Ревны, Навли¹³ и Нерусы, с территории Суземского района¹⁴ (рис. 28—30). Не менее десятка таких клиньев найдено на плато правого берега Десны, на расстоянии нескольких километров от реки, что позволяет отнести их к инструментам начальных форм примитивного земледелия. Более поздние из них уже сплошь зашлифованы (рис. 28—22).

Керамика ранних стадий развитого неолита на среднесеннинских стоянках характеризуется типами, известными и в бассейне Оки;¹⁵ они представлены крупными остродонными сосудами (рис. 22—7, 8), сплошь покрытыми орнаментом из поясов круглоямочных вдавлений острым концом белемнита, попеременно с поясами орнамента, нанесенного гребенчатым штампом (рис. 29—1, 2). Керамика этого типа, встреченная в значительном количестве на стоянке «Холм» на р. Нерусе, в уроч. «Городцы пойменные», на стоянке у дер. Горица на верхней Судости и др., имеет толщину стенок до 1 см. Изнутри многие черепки имеют отпечатки тонких растительных волокон, а также изнутри и по наружной поверхности — следы штриховки гребенчатым штампом. Венчик этих сосудов прямой и на нем почти всегда снаружи и изнутри наштампованы пояски вдавлений гребенки.¹⁶

Повидимому, близкой по времени к этой древнейшей группе ямочно-гребенчатой керамики стоит группа с ромбично-ямочным орнаментом

⁹ КС ИИМК, вып. X, М.—Л., 1941, стр. 96, рис. 34-з.

¹⁰ В 1946 г. при обследовании этого местонахождения археол. экспедицией под руководством М. В. Воеводского.

¹¹ Находки на стоянке «Холм» на р. Нерусе и др.

¹² Следует отметить особенно правильный бочонковидный нуклеус из бассейна Навли (из коллекции А. М. Романова), поступивший в 1936 г. в Смоленский исторический музей.

¹³ Из коллекции А. М. Романова.

¹⁴ Из коллекции М. Герасименко.

¹⁵ М. В. Воеводский. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистич. общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. Советская археология, т. I, М.—Л., 1936.

¹⁶ КС ИИМК, вып. X, М.—Л., 1941, стр. 96, рис. 34-к, л, м.

(рис. 29—3), имеющая ряд признаков древнейшей керамики, встречающейся также во всех древнейших слоях памятников развитого неолита в бассейне средней Десны. Вся эта керамика еще не имеет ни одного текстильного отпечатка, и только следующая группа керамики, относящаяся примерно к концу эпохи развитого неолита, дает первые отпечатки ткани.

Листовидные наконечники стадии развитого неолита получают законченные, вполне совершенные ромбические формы. Наряду с ними появляются мелкие стрелы с жалами и черешком (рис. 28—18); в самом конце периода, в эпоху проникновения металла, — треугольные стрелы без черешков (рис. 28—20). Знакомство с металлом приводит к упадку кремневой техники, и известные на Десне памятники эпохи бронзы имеют кремневый инвентарь, значительно хуже обработанный.¹⁷

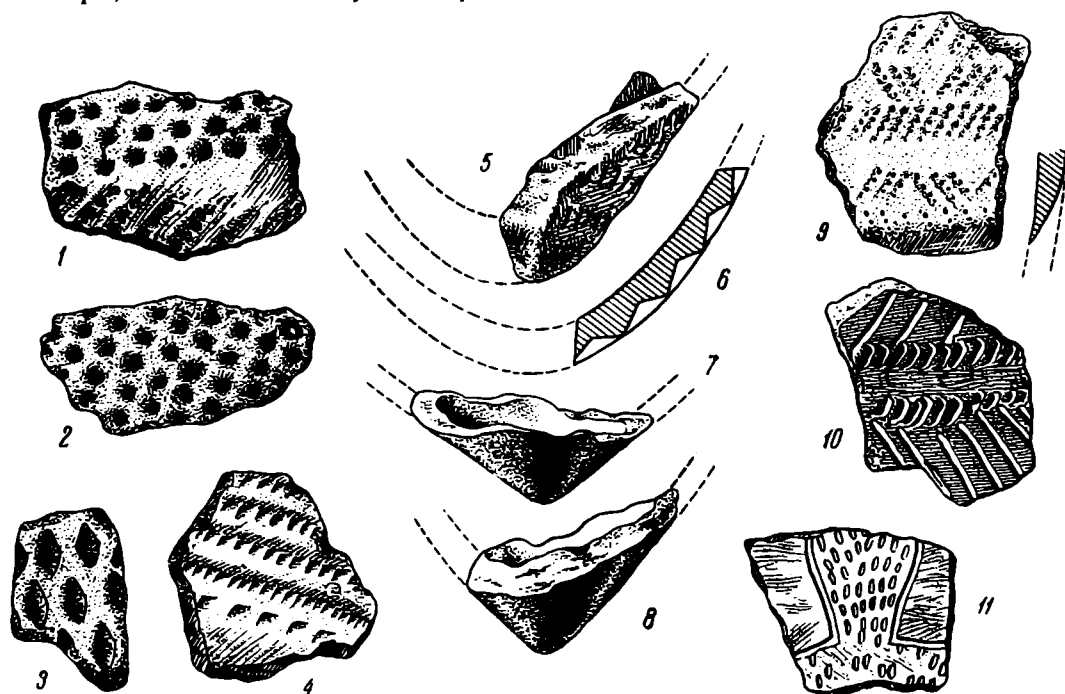

Рис. 29. Керамика развитого неолита со стоянок бассейна средней Десны

1, 2, 4, 7—11 — стоянка „Холм“ на р. Нерусе; 3, 5, 6 — стоянка в урочище „Пасека“ у дер. Горица на верхней Судости

Развитие форм керамики идет по линии изменения как самих форм сосудов, так и их орнаментики.

Формы сосудов от крупных, остродонных (рис. 29—7, 8) и яйцевидных (рис. 29—5, 6) постепенно переходят к меньшим по величине, округлодонным, бомбовидным и другим типам сосудов. Вначале ямочный орнамент обогащается новыми формами ямок — треугольными, квадратными, подковообразными, лапчатыми, крупными удлиненными ямками, нанесенными все тем же белемнитом, но уже обернутым грубой тканью, и пр. Ямки орнамента располагаются не только в шахматном порядке, но и в строчку. Отсюда развивается характерный для позднего неолита строчечный орнамент, состоящий из линий, полученных путем ряда как бы цепочек, вдавлений определенного штампа. Из сочетаний таких строчек получается композиция рисунка чередующихся плоскостей поверхности сосуда, заполненных ямками с участками чистого поля (рис. 29—4). В сосудах, приближающихся к бомбовидным формам, у обреза венчика часто наносится очень

¹⁷ Например, стоянка в уроч. «Борок-Званы» у с. Муравьев, отчасти — стоянка «Селецкие дюны», стоянка в уроч. «Алешанский Борок» и др.

типичный для среднелеснинской поздне-неолитической керамики орнамент, состоящий из чередований глубоких круглоямочных вдавлений, нанесенных попеременно изнутри и снаружи сосуда так глубоко, что лишь выпершая бугорками глина составляет дно этих вдавлений. Часто отвалившаяся глина этих бугорков оставляет сквозные отверстия на месте ямок (рис. 30).

Нет возможности в краткой статье описать все разновидности поздне-неолитической орнаментики керамики. В заключение можно лишь указать на общий характер этого процесса, выражающегося во все большем разнообразии как самих форм штампа, так и порядка композиции отпечатков. Так, прежний гребенчатый штамп, вместо древних, достаточно однообразных отпечатков, получает елочные и другие самые разнообразные комбинации (рис. 29—9). Наряду с отпечатками штампов появляются нарезные и рисованные линии орнамента как в сочетании с ямками, так, позднее, и без них (рис. 29—10, 11).

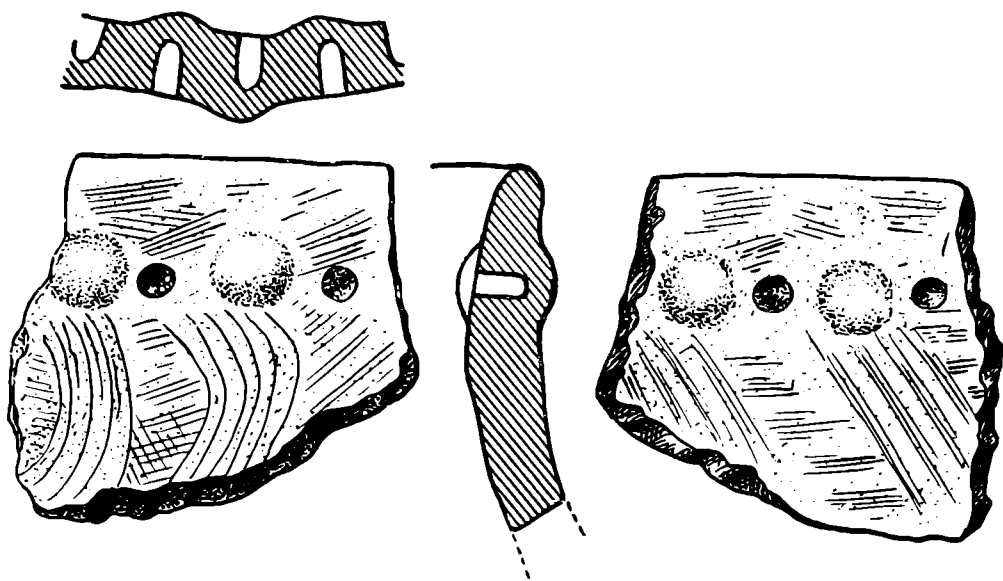

Рис. 30. Керамика со стоянки „Холм“ на р. Нерусе

На территории описываемого края было найдено несколько десятков каменных просверленных топоров-молотков, восходящих к поздне-неолитическому времени, многие из которых по условиям находки уже не были связаны с рекой или поймой.¹⁸ Однако в двух случаях¹⁹ нам известны находки этих орудий в леснинской пойме и на реке Десне (рис. 28—28). В этих случаях топоры-молоты отличались своими формами от фатьяновских (округлых) форм орудий.

В заключение следует упомянуть о расположении неолитических памятников в бассейне Десны и об условиях их геологического залегания в пойме. Неолитические местонахождения обычно группируются у устьев рек Ревны, Навли, Нерусы и Судости, а на пространствах между ними — в виде более рассеянных пунктов. Известны неолитические находки и на Десне, и в долинах ее притоков.

¹⁸ Эти находки известны из деревень: Темной, Власово, Чуркино, Хотьяновка, уроч. «Высотенская дача», из Трубчевского городища у пос. Глажево на р. Навле, у дер. Сагутьево и мн. др.

¹⁹ В уроч. «Кветунский перевоз» у дер. Сагутьево.

Я. И. ГУММЕЛЬ

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ I НА ЗАПАД ОТ ХАНЛАРА
(1939—1941 гг.)

Дополнительные раскопки поселения I на запад от Ханлара Азерб. АССР,¹ связанные с изучением так называемых «длинных» домов, дали важные материалы по древнейшей истории Азербайджана. Раскопки производились между сооружением № 58 и ограждающей виноградники стеной на ровном, слегка покатом к реке участке, через который проходила грунтовая дорога (рис. 31). Поселение, в том числе и указанный участок, не дает никакого подъемного материала, а скрытые под землей памятники древности не имеют обычных внешних признаков. Изученный небольшой участок содержал описываемые ниже культурные наслоения четырех различных эпох, охватывающих период от первых веков нашей эры до неолита.²

ВПУСКНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ НАЧАЛА НАШЕЙ ЭРЫ

В верхних слоях изученной площади на глубине 1—1.6 м найдены 42 одиночных впускных погребения без каменных перекрытий, из них 26 детских и 16 взрослых. Могильные ямы имеют направление с востока на запад с незначительными отклонениями. Все костяки лежали в вытянутом на спине положении и были ориентированы с запада (голова) на восток (ноги). Все рытые погребения могут быть разбиты на четыре типа: 1) у 8 костяков лицо было обращено к югу, а левая рука лежала на тазовой кости; 2) 9 — имели такое же положение, но без поворота лица на юг; 3) 12 — лежали со скрещенными на груди руками; 4) у 13 — левая рука покоилась на груди. Из могил извлечено три целых черепа взрослых людей: первый из могилы I типа — с лобной костью, состоящей из двух соединенных зубчатым швом половинок; второй — из могилы III типа с ранением в правой теменной кости; третий — из могилы IV типа. Черепные индексы соответственно равны:

$$X_1 = \frac{150.100}{174} = 86.21; X_2 = \frac{145.100}{184} = 78.80; X_3 = \frac{136.100}{178} = 76.40.$$

¹ Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Изд. АзФАН, Баку, 1940, стр. 80—127.

² Находки, добытые при раскопках, хранятся в Ханларском музее, но некоторые дублеты кремневых вкладышей серпов, нуклеусов, ножевидных пластинок и скребков, образцы керамики и пр. сданы в Азгосмузей (Баку).

Три могилы IV типа содержали погребальный инвентарь (рис. 32). Одно мужское погребение дало серебряный перстень, украшенный камнем овальной формы (№ 1), бронзовую иголку без ушка (№ 2) и маленькое бронзовое колечко с заходящими концами (№ 3). В двух женских погребениях возле шеи костяков лежало множество мелких бус формы шарика

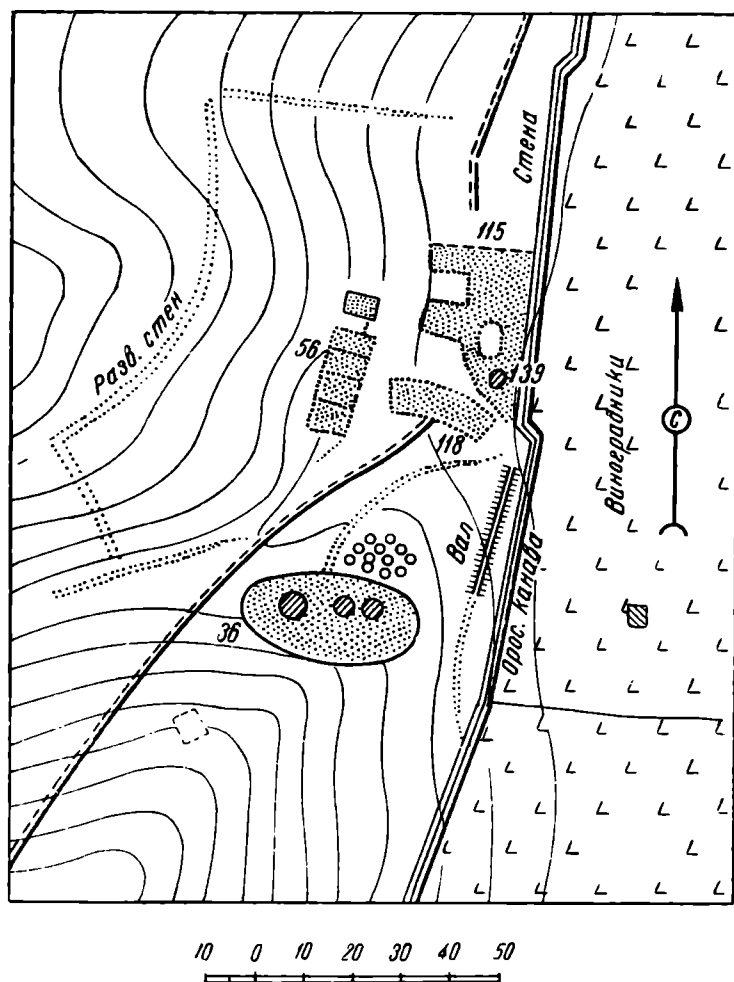

Рис. 31. План поселения I в долине Ганджа-Чая

и колечка, изготовленных из белой и желтой пасты и из легко рассыпающейся блестящей массы. В одном из этих погребений найдено также стеклянное колечко овальной формы (№ 4) и один черепок от горлышка кувшина с носиком, украшенным с обеих сторон кругообразными налпами (№ 5). Керамика, а равно и другие предметы могильного инвентаря близки таковым из кувшинных погребений и сырцовых гробниц,³ что дает основание датировать часть впускных погребений первыми веками нашей эры; прочие могилы, видимо, более поздние. При сооружении впускных могил в семи случаях были задеты и частично разрушены каменные стены «длинных» родовых домов.

РОДОВЫЕ ДОМА ЭПОХИ БРОНЗЫ

Непосредственно под 30—40-сантиметровым слоем наноса были обнаружены стены двух больших сооружений в виде полуземлянок типа родо-

³ Указ. соч., стр. 145—160 и Я. И. Гуммель. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка, Советская археология, т. VI, 1940, стр. 293—297.

вого дома № 58, раскопанного в 1937 г. Грунтовые стены их облицованы крайне примитивным способом совершенно необработанными речными валунами на глиняном растворе. Камни без всякой системы наложены друг на друга, причем на более крупных нижних камнях лежат более мелкие (рис. 33 и 36). Крыши и верхняя часть стен с течением времени

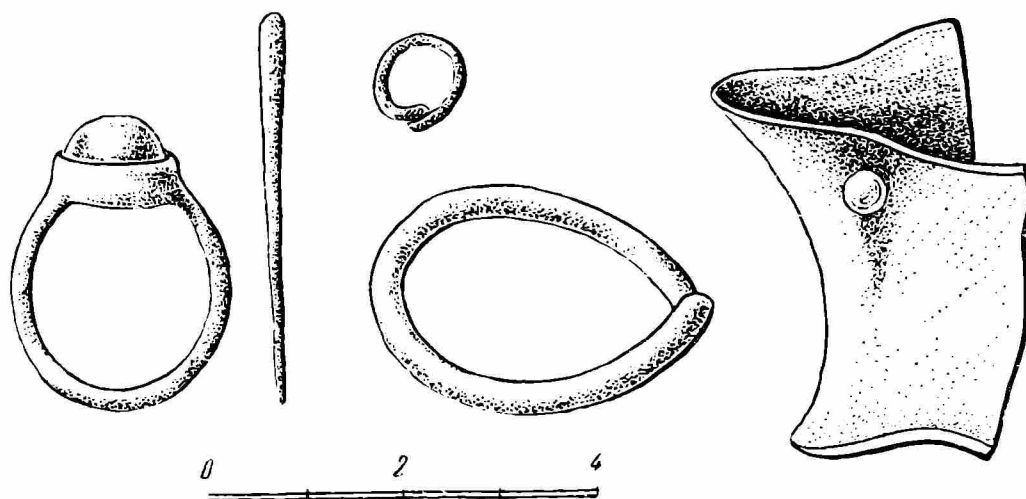

Рис. 32. Находки из впускных могил

обвалились, и помещения были завалены землей и камнями. Большое количество угля и золы, встреченное при очистке домов, свидетельствует о том, что деревянные части были уничтожены пожаром.

Рис. 33. Западная половина сооружения № 118

Сооружение № 115. Раскопки этого громоздкого по размерам и весьма своеобразного по плану сооружения не могли быть доведены до конца, так как оно заходит с восточной стороны в виноградники колхоза им. Тельмана; не найдена пока и северная граница его. Ввиду этого при-

ходится пока воздержаться от характеристики этого интересного во многих отношениях «длинного» дома, давшего в общем находки, аналогичные обнаруженным в сооружении № 118.

Сооружение № 118 имеет форму вытянутого неправильного четырехугольника (рис. 34), главная ось которого ориентирована с СЗ на ЮВ (130°). Средние внутренние размеры его: длина 15.35 м, ширина 5.45 м; глубина варьирует между 0.65 м на востоке и 1.92 м на западе. В отличие от сооружения № 58 жилая площадь этого дома не разбита поперечными перегородками на отдельные комнаты. В западной части южной стены имеется вход шириною в 1.5 м. Помещение имело глиняный пол, на стенах заметны остатки глиняной обмазки. Почти в центре сооружения лежит огромный камень, который не удалось сдвинуть с места и который лежал, вероятно, на этом же месте еще до постройки дома.

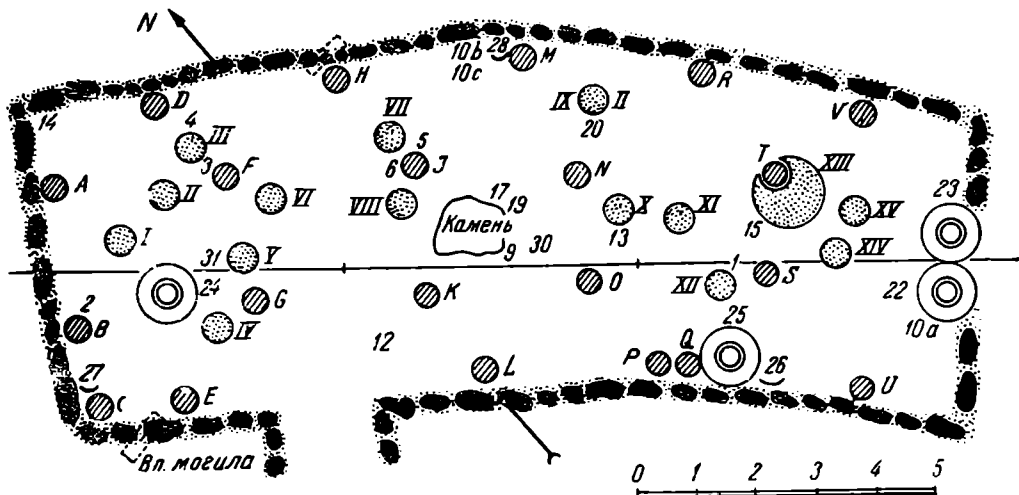

Рис. 34. План сооружения № 118

Вдоль обеих длинных стен и в два ряда параллельно средней линии сооружения имеются грунтовые ямки в количестве 21 для столбов-подпорок, на которых покоилось перекрытие дома. Глубина их 0.15—0.85 м при диаметре 0.25—0.34 м. В некоторых ямках торчали еще остатки столбов, укрепленных в земле речными голышами. Одна из извлеченных подпорок длиной 1.56 м и толщиной 0.11 м оказалась из можжевельника — *Juniperus polycarpus*.⁴

Наряду с этими ямками в помещении имеется 15 ямок от очагов (I—XV). Возможно, что не все очаги действовали одновременно. Интересна большая очажная яма XIII, диаметром 1.1 м и глубиной 0.57 м, которая была, видимо, в употреблении еще до сооружения родового дома. При постройке дома на ее месте нужно было поставить столб-подпорку. Его укрепили в яме очага камнями, а оставшуюся часть ямы затрамбовали мусором, вместе с которым попало в нее свыше 50 черепков черной и желтоватой керамики весьма древнего типа. Прочие очаги, заполненные золой, углем, костями животных и черепками глиняной посуды, имели в диаметре 0.20—0.70 м и глубину 0.20—0.77 м. Грунтовые стенки большинства очажных ям были облицованы речными камнями.

Культурный слой сооружения, насыщенный множеством костей животных и обломками керамических изделий, содержал значительное количество вещей различного назначения (рис. 35 и 38).

⁴ Я. И. Гуммель. К проблеме археоботаники Закавказья, сообщ. I. Сообщ. Груз. ФАН, т. I, № 10, 1940, стр. 750.

1. На полу возле очага XII найден наконечник стрелы с выемкой, довольно грубо изготовленный из темного обсидиана (№ 1).

2. К востоку от подпорки «В» лежал небольшой плоский кованый медный кинжал с язычком и овальным отверстием вблизи округленного конца (№ 2). Кончик его разъеден патиной; наибольшая толщина клинка 0.15 см. Такой же своеобразной формы кинжал, более крупной величины найден в сооружении № 58.

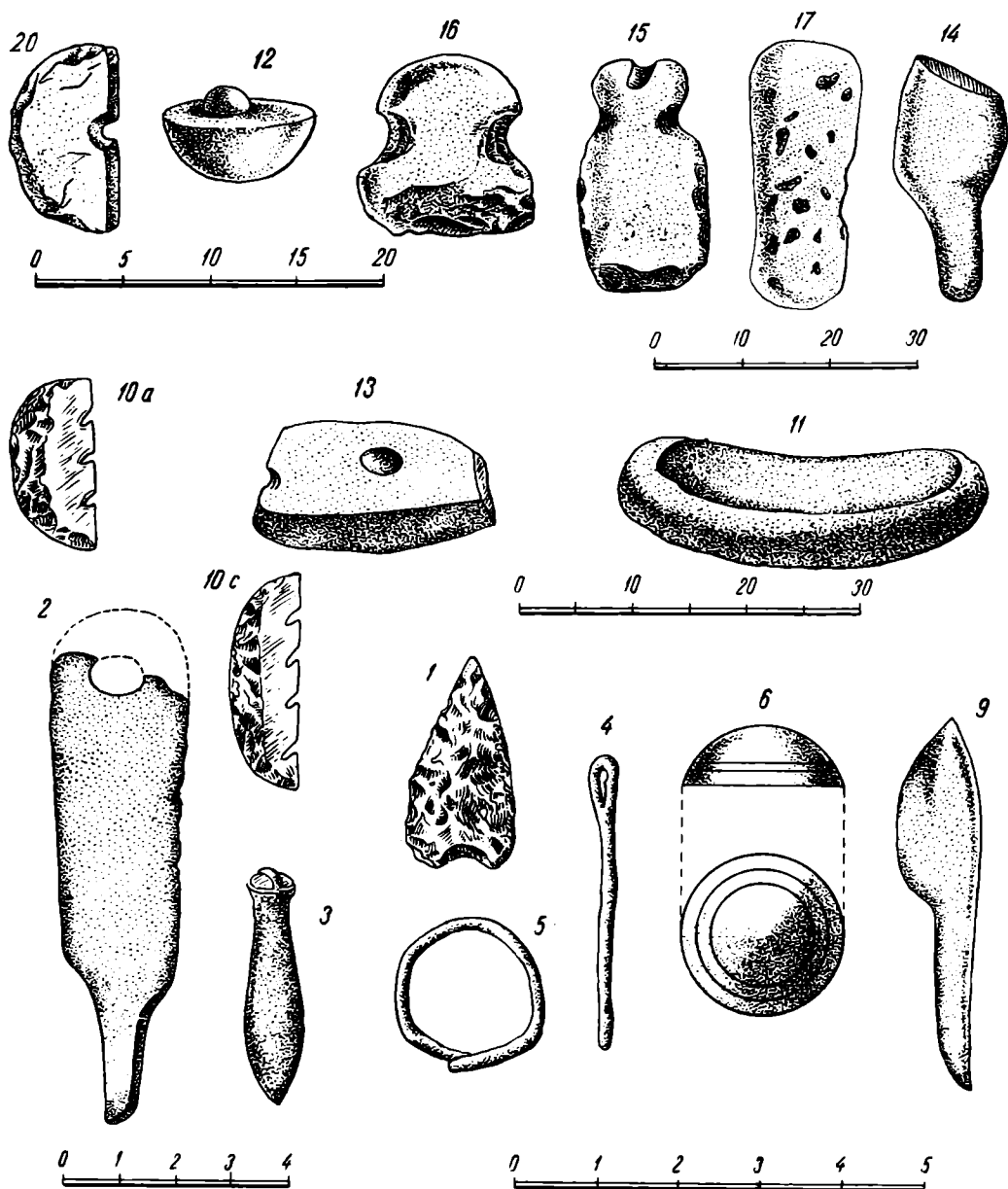

Рис. 35. Находки из сооружения № 118

3. Между очагом III и подпоркой V найден бронзовый бубенчик-подвеска (№ 3).

4. Возле очага III лежала бронзовая иголка с ушком и отломленным концом (№ 4).

5. Около подпорки V извлечено бронзовое колесчко с расходящимися концами (№ 5).

6. Там же найдены две большие бронзовые пуговицы, из коих одна украшена двумя желобками и залита сзади цементом (№ 6).

В разных местах помещения найдено:

7. Малых бронзовых пуговиц с прямым стерженьком 36 экз., диаметром 0,6—0,8 см.

8. Бус 28, из коих 9 бронзовых формы колечка с ребрышком, 9 сурьмовых овальной формы, 7 сердоликовых формы цилиндрика и колечка и 3 экз. цилиндрической формы, изготовленных из белой и голубой пасты.

9. Около большого камня в центре помещения найдены обломки от двух костяных орудий (№ 9).

10. Найдено 3 экз. вкладышей серпов (№ 10) из киликдагского, красного и темного кремня; первый — в южной части сооружения, другие — около восточной стены. Подобные вкладыши серпов даю и сооружение № 115 в количестве 8 экз.

11. Две каменные зернотерки типа, изображенного на рис. 35 (№ 11), обломки 9 таких же терок и 2 песта к ним. Одна из терок лежала в очаге IX, другие в разных местах помещения. Подобные терки найдены в большом количестве и в сооружении № 115.

12. Недалеко от входа лежала маленькая зернотерка с сильно изношенным пестиком (№ 12).

13. Из очага X извлечен теркообразный камень с круглым углублением с верхней стороны (№ 13). Такое же изделие нами найдено в литейной мастерской эпохи бронзы в районе Шамхор-Чая.

14. Оригинальный топор из речного голыша с выточенной ручкой и отломанным концом (№ 14) лежал в северном углу помещения. Такой же формы топор нами найден в поселении эпохи бронзы возле сел. Сейфали Шамхорского района.

15. Рядом с большим очагом XIII лежал большой топор из речной гальки с оббитыми в верхней половине краями (№ 15).

16. На разной глубине и в различных местах помещения найдено 15 экз. каменных топоров формы двойной секиры (№ 16) весом 560—2340 г., в том числе один в ямке Q. Таких же 27 топоров найдено в сооружении № 115. Они были в изучаемую эпоху каким-то важным орудием. Весьма вероятно, что некоторые из них с более или менее острым лезвием служили в качестве мотыг для обработки почвы.

17. Около большого центрального камня лежал плоский речной голыш четырехугольной формы с выбоинами на одной поверхности (№ 17).

18. По всему помещению собрана коллекция речных камней различного назначения: 8 плоских кругообразных камней диаметром 4,0—17,5 см с отбитыми краями у некоторых из них; 2 экз. таких же камней, но овальной формы; 4 шарообразных камня диаметром 9—11,2 см (пращные камни, камень для точки орудий и т. д.).

19. Коллекция обсидиановых и кремневых изделий, собранная также по всему помещению: большой кусок темного обсидиана весом 1620 г., лежавший возле центрального большого камня (№ 19); 70 обсидиановых отщепов формы ножей и скребков; обломок нуклеуса из киликдагского кремня, 48 отщепов из того же кремня, среди которых имеется 10 ножевидных пластинок.

20. Одна половина грубооббитого плоского круга из белого известняка с аккуратно просверленным в середине сквозным отверстием (№ 20). Изделие, служившее, быть может, грузилом для ткацкого станка, лежало возле очага IX.

21. Найденные три окаменелости семейства брюхоногих *Nerineae* мезозойской эры служили, вероятно, в качестве инструментов.

В помещении найдено много керамических изделий, большинство в обломках. Замечательны большие толстостенные карасы для хранения припасов, изготовленные из серо-черной глины с большой примесью дресвы.

Они были представлены в количестве 4 экз. формы, изображенной на рис. 36 и 37. Два из них стояло друг возле друга в юго-восточном конце сооружения: № 22 был врыт в землю на 95 см, № 23 стоял на полу помещения и был раздавлен в верхней своей части. Стены за кувшинами в сооружении не было, что вызывает предположение, что кувшинами пользовались и живущие в соседнем доме (№ 115), который вплотную прилегает в этом месте к описываемому сооружению.

22. Карас (кувшин) № 22 имеет яйцевидную форму с вытянутым основанием, заканчивающимся почти исчезающим из поля зрения крайне маленьким плоским доньшком (рис. 37 — 1). Его размеры: высота 1.65 м, диаметры — верхний 0.50 м, наибольший 1.10 м., дна 0.17 м., толщина стенок 2 см. Широкий плоский венчик его (ширина 8 см) слегка скошен

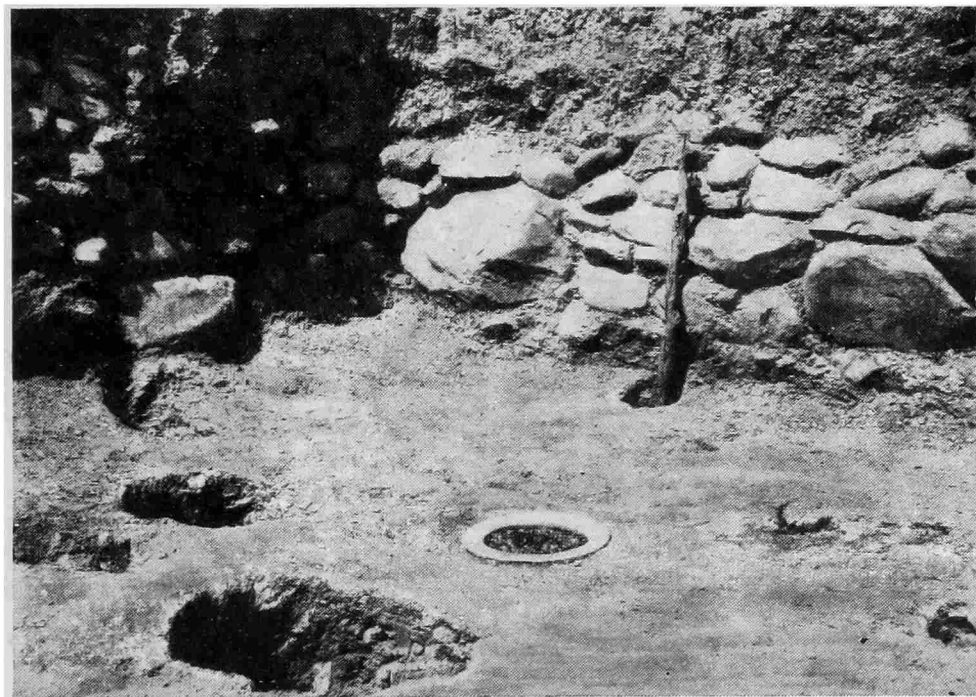

Рис. 36. Карас № 24 в сооружении № 118

внутри. Ниже горла имеется выступающий поясok 3.5 см ширины, украшенный врезанным орнаментом. Под кувшином лежала толстая подстилка из золы с углем. В кувшине найдено значительное количество виноградных зернышек (*Vitis vinifera*).

23. Сосуд № 23 с раздавленной верхней частью имеет такую же форму и величину. Для устойчивости он был замурован в нижней части глиняным раствором. На дне его найдено множество семян диких растений, из коих удалось определить семена лебеды — *Atriplex* и несколько видов семян мари — *Chenopodium album*, *Chenopodium Sosnowskyi* и др., указывающие на собирательство.⁵

24. Недалеко от западной стены здания такой же карас был закопан в землю до самого горла и был прикрыт сверху известковой плитой (рис. 36). Один бок его имел пробоину, тщательно заложенную черепком от другого такого же сосуда. Совершенно полный к моменту раскопок, сосуд содержал на дне 25-сантиметровый слой тех же семян лебеды и мари,

⁵ Я. И. Гуммель. Ук. соч.

что и сосуд № 23. Внутренние размеры караса таковы: высота 1.32 м., диаметры — отверстия 0.35 м., наибольший 0.93 м., дна 0.14 м; ширина плоского венчика 8 см.

25. Подобный же карас для припасов стоял на полу возле подпорки Q. Верхняя часть его была раздавлена, и обломки лежали в уцелевшей нижней части вместе с большим количеством плодиков (*Lithospermum*), служивших, вероятно, для крашения.

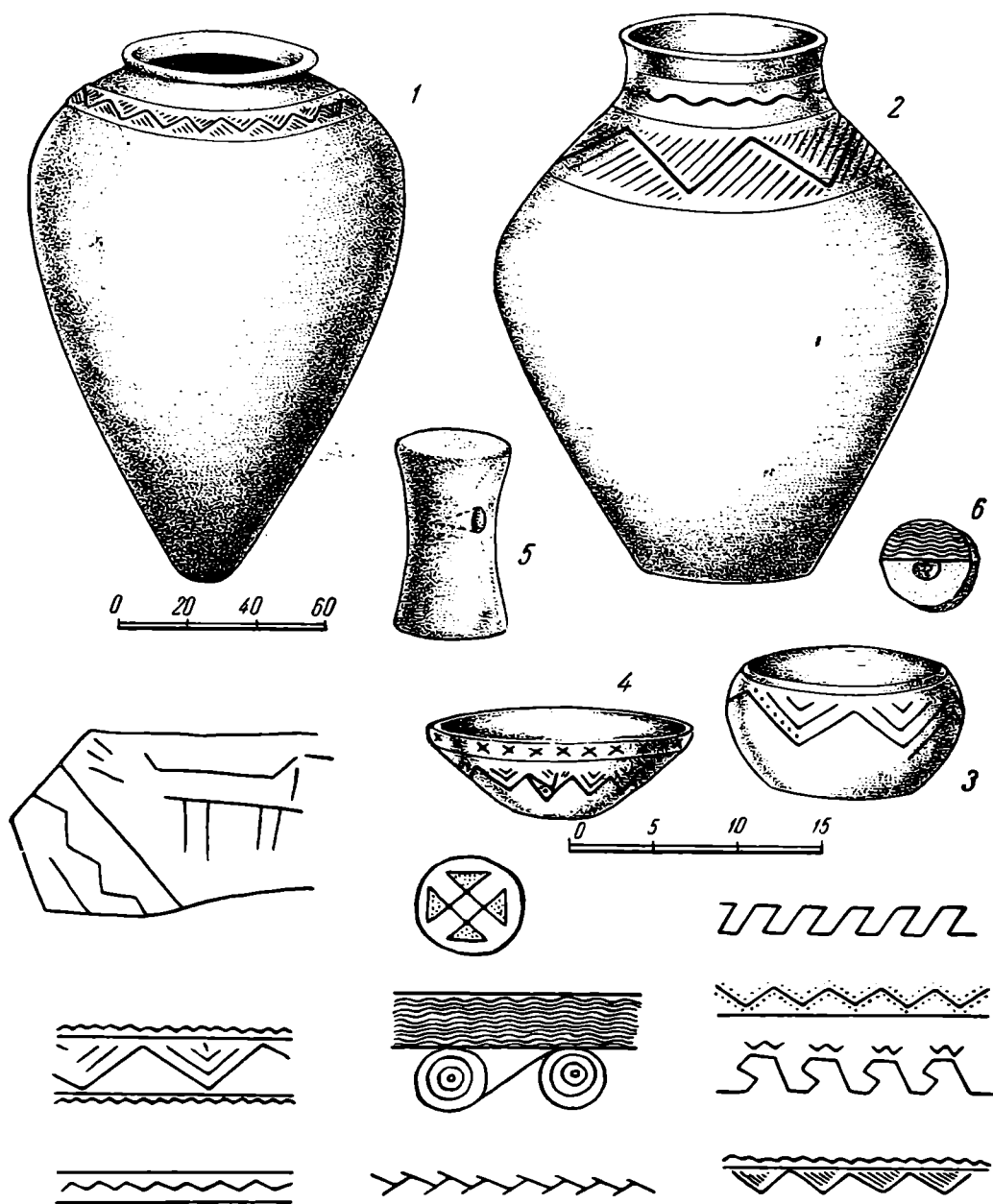

Рис. 37. Керамика и ее орнамент (сооружение № 118)

26. Возле караса № 25 найден раздавленный черноглиняный кувшин грубой ручной выделки с врезанным геометрическим орнаментом. Склеенный сосуд дан на рис. 37 — 2.

27. В юго-западном углу помещения стояла небольшая миска из черной глины ручной выделки, без выраженного венчика и с врезанным геометрическим орнаментом (рис. 37 — 3).

28. К подпорке *М* была прислонена тарелкообразная миска из желтой глины ручной выделки, со сглаженной наружной и внутренней поверхностью; миска украшена врезанным геометрическим орнаментом (рис. 37 — 4).

29. На всей площади помещения подобрано большое количество обломков глиняной посуды черного, серо-черного, бурого и желтого цвета. Многие черепки носят врезанный орнамент (на двух он заполнен белой массой), орнаментировано и два доньшка, а также некоторые плоские ручки (см. орнаменты на рис. 37). Часть сосудов украшена сосочкообразными выступами и рельефными налепами. Ручки встречены плоские и дугообразные, а также в виде проткнутых ушков. Среди сосудов имеются тарелки, чашки, миски и кувшины. Венчик у большинства не выражен, но встречаются, в редких случаях, и явно выраженные валикообразные края сосудов. Керамика последнего типа попадает преимущественно в верхних, более молодых слоях.

30. Из найденных керамических изделий интересны три обломка желтоглиняного светильника (форма и размер такие же, как и в сооружении № 58),⁶ лежавшие в центре помещения.

31. Глиняный столбик, напоминающий указанные светильники, но с плоскими основаниями и боковым отверстием (рис. 37 — 5). Он изготовлен из желтой глины грубого состава и лежал возле очага V.

32. Четыре кружочка, сделанные из черепков черноглиняных сосудов, диаметром 3.7—9.0 см, типа найденных в сооружении № 58;⁷ служили они, вероятно, в качестве крышек для сосудов. Два из них просверленные (рис. 37 — 6), имеют отношение к ткацкому делу (грузила или маховички для веретен).

В числе костей домашних и диких животных, собранных при очистке сооружения, имеются зубы, целые челюсти, рога, копыта, разбитые трубчатые и черепные кости быка, козы, барана, лошади, свиньи и птицы. Большинство костей домашнего мелкого и крупного рогатого скота.

Богатые материалы, добытые раскопками сооружения № 118, полностью подтверждают наши выводы, сделанные при описании родового дома № 58, о социально-экономическом развитии общества того времени.⁸ Прежде всего обращает на себя внимание само сооружение, требовавшее для своего возведения большого количества исполнителей и определенную организацию их работы. Такого рода сооружения, являющиеся прототипами «длинных» домов американских индейцев, изученных в свое время известным этнологом Льюис Г. Морганом, свидетельствуют о первобытно-общинном строе.⁹ В одном обширном помещении ютилась большая группа людей, связанных общностью повседневной хозяйственной жизни. Показательным в этом отношении является значительное количество очагов и больших карасов для хранения припасов, большое число зернотерок и каменных топоров, найденных в этом доме.

Наличие в помещении огромного количества костей домашних и диких животных свидетельствует, с одной стороны, об охоте, игравшей подсобную роль, с другой стороны — о скотоводстве, являвшемся, видимо, основой экономики. Разводился главным образом крупный и мелкий рогатый скот. Производилась переработка продуктов животноводства — молока и шерсти (пряжение и ткачество). Однако наряду со скотоводством община занималась и мотыжным земледелием, игравшим довольно видную роль в

⁶ Я. И. Гуммель. Ук. соч., стр. 93, рис. 14.

⁷ Там же, стр. 99, рис. 10.

⁸ Там же, стр. 80—127.

⁹ Льюис Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Л., 1927.

хозяйстве, как об этом свидетельствуют найденные кремневые вкладыши серпов, большое число зернотерок и каменных мотыг. Этот экономический фактор не мог быть прослежен в должной мере при раскопке сооружения № 58, имевшего частично культовое назначение. Найденные в карасах семена диких растений (лебеда, мари и пр.) говорят о продолжавшемся одновременно собирательстве. Вспомним, наконец, о виноградных зернах в карасе № 22, о найденных в сооружении № 58 косточках персика, остатках плодов миндаля и каркаса, а также о насаждениях граната, миндаля, инжира, винограда и каркаса, указывающих на занятие в столь древнюю эпоху садоводством.¹⁰ Все это, а равно и солидные каменные постройки говорят о довольно прочном оседлом образе жизни членов общины.

Длинные родовые дома поселения I можно, в общем, датировать первой половиной II тысячелетия до нашей эры. Но они были обитаемы и в эпоху развитой бронзы, о чем свидетельствует керамика верхних горизонтов культурного слоя с явно выраженными венчиками, а равно и некоторые орнаменты на сосудах.

Раскопки, произведенные параллельно на курганном поле, расположенном на плато левобережной террасы Ганджа-Чая, лишний раз подтвердили связь родовых домов поселения I с некоторыми типами курганов. Дополнительно было раскопано там: 1) пять курганов с каменной насыпью № 67—70; 2) родовой курган № 71 с пятью могилами и одной культовой ямой, ориентированными по двум эпицентрам; 3) семейный курган № 72 с четырьмя могилами и одной культовой ямой, лежащими в лучевой системе одного эпицентра; 4) курганы с одиночными погребениями № 73, 83 и 132, имевшими глиняную насыпь. Находки из курганов с каменной насыпью, а также из родового и семейного курганов, в особенности керамика, вполне аналогичны таковым из родовых домов. В кургане № 71, давшем исключительно интересную по форме керамику (небольшой кувшинчик с крышкой, сосуд-двойник с одной ручкой и пр.), в одной из могил найдена оригинальная маслобойка, указывающая на переработку молочных продуктов животноводства, жившими в родовых домах; а на каменном перекрытии одной из могил под насыпью кургана № 72 лежала каменная мотыга типа найденных в поселении I.

ПОГРЕБЕНИЕ № 139 ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

Следующим культурным слоем, обнаруженным при раскопках родовых домов, является слой эпохи энеолита, представленный на исследованном участке грунтовой могилой № 139, сооруженной в южной части родового дома № 115 (рис. 31). Культурный слой эпохи бронзы, перекрывавший это погребение, является доказательством того, что могила была сооружена до постройки родовых домов в этом поселении. Могила имела овальную форму и была замурована речными голышами на глиняном растворе (рис. 38 — 1); ее диаметры: 1.9 и 1.35 м; глубина могилы 1.6 м, считая от пола родового дома. Главная ось могилы ориентирована с С на Ю. В могиле был погребен старик, положенный скорченным на правом боку, с сильно согнутыми ногами, головой на восток, ногами на юг. В южной части могилы найдены кости двух коз и древесные угольки. Перед костяком лежали каменный молот-ударник, два нуклеуса из киликдагского кремня (рис. 38 — 2), 19 ножей и скребков из кремня, яшмы и обсидиана (рис. 38 — 3). У изголовья и за костяком было 13 желтоглиняных сосудов, большинство в обломках. Они имеют гладкую наружную и сглаженную внутреннюю

¹⁰ Я. И. Гуммель. Ук. соч., т. II, № 1—2, 1941, стр. 129—132.

поверхность, плоские (за исключением одного) доньшки и простые венчики.

Девять склеенных сосудов следующих форм: 1) три однородных кувшинчика формы и размера, изображенного на рис. 38 — 4, с точечным орнаментом, состоящим из двух прямых и двух зигзагообразных параллельных линий, охватывающих верхнюю часть сосуда; 2) шесть мисок формы и размера миски, помещенной на рис. 38 — 5. Одна из них имеет выпуклое, почти округлое доньшко и не орнаментирована; прочие носят тот же точечный орнамент, что и кувшинчики.

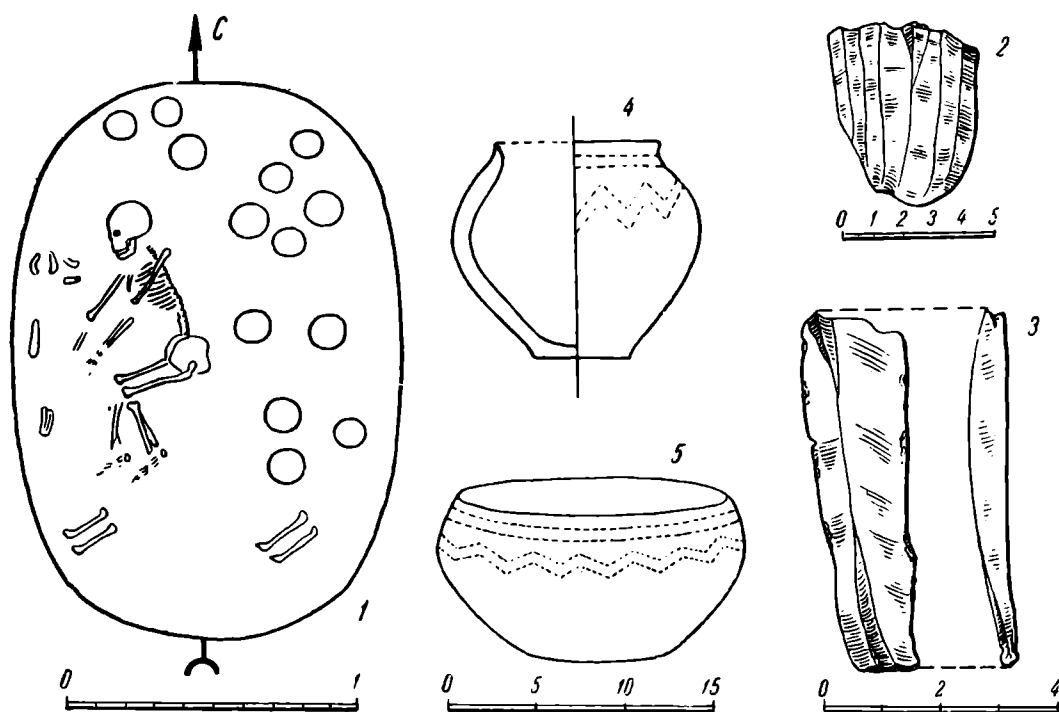

Рис. 38. План и инвентарь могилы № 139

Описанная могила синхронична трем кругообразным замурованным грунтовым могилам под культовым курганом (№ 36) и может быть датирована рубежом III и II тысячелетий до нашей эры.¹¹

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА № 133

При сношении глиняных полов в родовых домах № 115 и № 118 под полами и стенами был вскрыт еще более древний культурный слой стоянки эпохи неолита. Слой этот был снесен на месте сооружения вышеописанной могилы, а также на местах устройства более глубоких ямок для очагов и столбов-подпорок родовых домов. Он различной толщины (от 1 до 20 см), что вызвано неровностью поверхности стоянки. Культурный слой стоянки внешне сильно отличается от слоя эпохи бронзы: земля здесь жирная, темнокоричневого цвета, и все извлеченные из нее предметы покрыты своеобразными темнобурыми пятнами. В отличие от слоя эпохи бронзы, обсидиан в нем попадает редко, но зато много киликдагского кремня. Найдено свыше 50 прекрасных нуклеусов (рис. 39 — 1), часть которых заострена в одном конце отжимной техникой; использовались как

¹¹ Я. И. Гуммель. Археологические очерки, Баку, 1940, стр. 108—110.

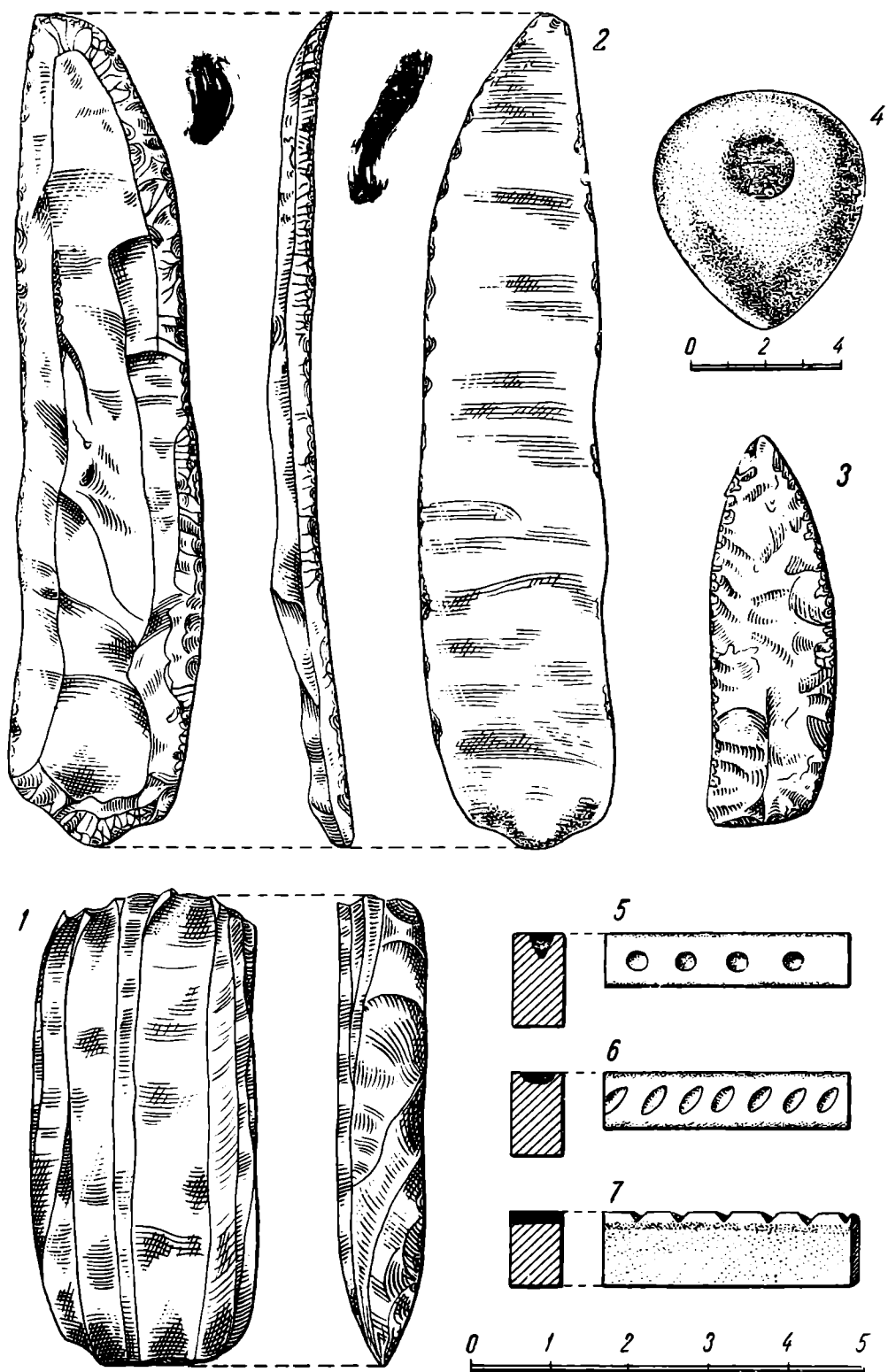

Рис. 39. Находки из неолитической стоянки № 133

орудия (долота). Многие из них носят явные следы работы ими. Из этого слоя извлечено огромное количество кремневых отщепов в виде ножевидных пластинок, скребков и других орудий. Некоторые из них имеют тщательно выработанную форму. Замечателен большой нож из киликдагского кремня, с обработанными отжимной техникой краями (рис. 39 — 2). Столь же интересно кремневое изделие, служившее, быть может, в качестве стрелы (рис. 39 — 3). В этом же слое под домом № 115 найден оригинальный по форме шлифованный молоточек с недоделанным отверстием, начатым с двух противоположных сторон (рис. 39 — 4). Характерно, что отверстие не сверленное, а долбленое. Из культурного слоя извлечено бесчисленное множество мелких осколков кремня, указывающих на то, что каменные орудия изготовлялись частью тут же на стоянке из добытого на Килик-Даге кремня.

Керамика, найденная в неолитическом слое, характеризуется красно-желтым цветом, толщиной стенок 0.6—0.8 см, совершенно не выраженным (не утолщенным и не загнутым) венчиком и круглыми или овальными углублениями, или же зарубками на верхнем краю сосудов. Один из черепков носит ямочный орнамент, нанесенный, вероятно, тут же найденным белемнитом. На наружной поверхности некоторых черепков видны, кроме того, следы какой-то устойчивой плетеной основы, применявшейся при лепке сосудов,—если это не особый способ отделки наружной поверхности их. Среди довольно большого количества собранных черепков не имеется ни одной части плоского доньшка. По всей вероятности, они и не будут найдены, ибо керамике данного типа свойственно или округленное или заостренное основание.

Кости животных в этом слое почти совершенно истлели; найденные небольшие кусочки костей пока не позволяют установить, за какими животными охотились обитатели этой стоянки.

Описанную неолитическую стоянку следует датировать, по меньшей мере, IV—III тысячелетиями до нашей эры. Помимо стратиграфических данных и типичных находок, при датировке следует учесть также мощный нанос до 1.6 м толщины, образовавшийся в этом месте к моменту сооружения родовых домов, в то время когда сами родовые дома, имеющие возраст свыше 3¹/₂ тыс. лет, перекрыты нетолстым слоем наноса в 30—40 см.

Неолитическая стоянка № 133 и нижний слой киликдагских мастерских, имеющих своих аналогов в Египте, являются пока единственными памятниками эпохи неолита, изученными на территории Азербайджана.

В заключение следует заметить, что исключительно богатые и важные для датировок стратиграфические данные, а равно и вновь открытые памятники материальной культуры эпохи энеолита и неолита, являющиеся пока древнейшими в истории Азербайджана, настойчиво требуют продолжения раскопок на территории поселения I в долине Ганджа-Чая.

И. Б. ЗЕЕСТ

ЗЕМЛЯНЫЕ ЗЕРНОХРАНИЛИЩА ПАНТИКАПЕЯ

(По материалам раскопок 1945—1946 гг.)

Раскопки на Боспоре за последние два десятилетия значительно расширили наши сведения о хозяйстве боспорских городов, главным образом в области виноделия и рыбного промысла. Гораздо хуже исследовано зерновое хозяйство, значение которого на Боспоре было чрезвычайно велико.

Раскопки В. Д. Блаватского в Керчи в 1945—1946 гг. дали новый материал, существенный для изучения этой отрасли хозяйства Пантика-

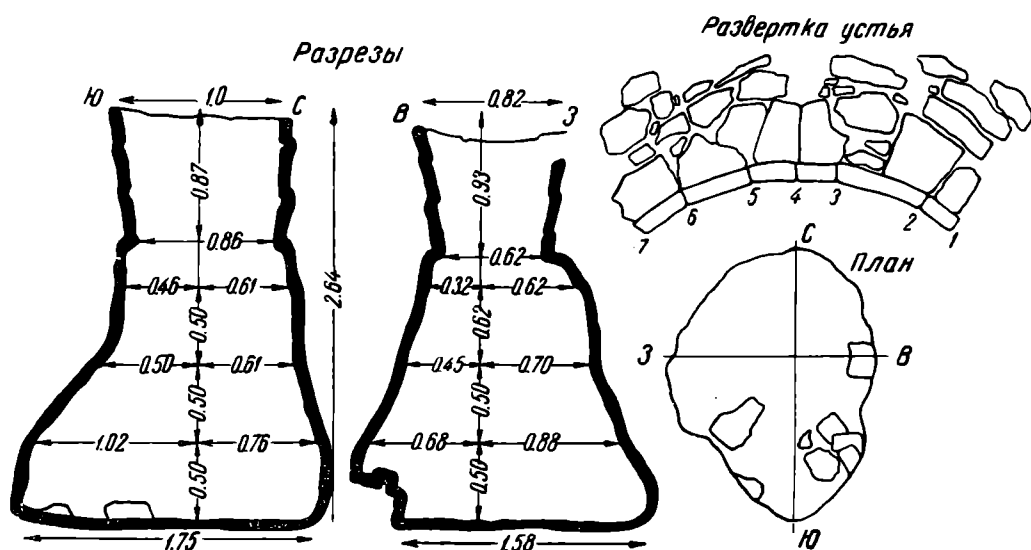

Рис. 40. Зерновая яма № 11 (план и разрезы)

пея. На северном склоне Митридата, в юго-западном направлении от Старого кладбища был открыт комплекс обширного зернохранилища.¹ На участке вскрытой площади (224 м²) обнаружены 10 зерновых ям, расположенных в непосредственной близости одна от другой.

Старые отчеты содержат ряд упоминаний о встреченных случайно при раскопках некрополя так называемых «пашенных ям». Однако подробных сведений об архитектуре этих сооружений в отчетах не содержится, за исключением описания одной ямы, использованной в качестве погребаль-

¹ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г. Советский Крым, № 2, стр. 125, Крымиздат, Симферополь, 1946.

ной камеры. Яма, описанная Шкорпиллом, имела 2.28 м высоты и 2.35 м в диаметре. «Это — огромная яма, напоминающая своей формой пифос с усеченным дном; нижняя часть ее высечена в материке, а верхняя — в древней насыпи, которая состоит из земли, смешанной с мелкими камнями, черепками посуды, амфорными ручками, обломками больших черепиц, разными костями и пр. Вверху ямы видно круглое отверстие, закрытое гладкой плитой».²

В результате раскопок на Митридате мы располагаем более точными данными об архитектуре подобных зернохранилищ и о времени их сооружения. Ямы, обнаруженные на Митридате, принадлежат к одному типу (рис. 40), к которому, несомненно, относится и яма, описанная Шкорпиллом. Корпус ямы грушевидной формы, стенки не облицованы, и, так как они вырезаны в мусорном грунте, срез насыщен керамическими обломками

Рис. 41. Зерновая яма № 11 после расчистки

и другими культурными остатками. Дно плоское или полусферическое. Горловина выложена из камней неправильной формы (рис. 41), наподобие круглого колодца. Каменная выкладка покоится на выступающих внутрь горловины плоских плитах, служащих опорой для закладной плиты, лежащей на этом выступе. Закладная плита обычно приближается к квадратной форме, но всегда со скругленными углами. Только в одном случае закладная плита оказалась совершенно круглой.

Размеры ям различны, в среднем глубина их 2—2.5 м, наибольшая ширина 1.70—1.80 м, а диаметр каменного венца обычно 0.8—1.0 м. Но встречаются ямы значительно больших размеров. Так, одна из наиболее поздних ям, дошедшая в разрушенном виде, имела глубину около 4 м, а диаметр ее нижней части достигал 2.5 м. Таким образом, средняя емкость ям составляет 3.5—4 м³, а наиболее крупных ям — до 12 м³.

Ямы несколько различны в деталях и по своему устройству. Наиболее

² В. В. Шкорпилл. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. ИАК, вып. 25 за 1904 г., стр. 26.

глубокие из них врезаны в материк, благодаря чему дно приобретает естественную гладкую поверхность. Иногда дно ямы покрывалось толстым слоем камки, подобно земляным зернохранилищам, описанным Варроном, дно которых выстилалось соломой.³ Обычны случаи использования встретившихся в нижнем горизонте ямы древних вымосток или других архитектурных остатков. Так, яма № 8 III в. н. э. перерезала вымостку эллинистического времени и лежащую над ней кладку I в. н. э., которые образовали прочное основание ее дна.

Хранение зерна в земляных хранилищах было обычным в городах Боспора. Близкие по конструкции ямы обнаружены в Дии-Тиритаке и в Нимфее. Литературные источники свидетельствуют о распространенности этого типа хранилищ во многих странах Средиземноморского бассейна — от Ближней Испании до Фракии и Каппадокии. Они применялись также в Италии, однако, вследствие влажности климата, там преимущественно сооружались высокие надземные хранилища. Варрон указывает, что при способе хранения зерна под землей необходимо, «...чтобы зерно было защищено от соприкосновения с влагой или воздухом, за исключением тех случаев, когда его достают для пользования им. Ведь там, куда не достигает ток воздуха, не заводится хлебного червя. Хранимая таким образом пшеница может пролежать даже 50 лет, а просо — более ста».⁴

Зерновые ямы Пантикапея отличаются полной герметичностью своей конструкции благодаря тому, что закладная плита помещалась в горловине на глубине 50—60 см, а затем засыпалась землей в уровень с венцом.

Зернохранилище, обнаруженное на Митридате, относится к поздне-римскому времени (III—IV в. н. э.), что соответствует на данном участке трем верхним культурным напластованиям. Датированным материалом в этих слоях являются фрагменты поздне-римских боспорских амфор с массивной профилированной ручкой (амфоры этого типа опубликованы О. Э. Ланговой⁵) и фрагменты стенок реберчатых сосудов, большая часть которых относится к различным типам остроносовых амфор III в. н. э. и более поздних.

Позднейшие средневековые слои на этом участке отсутствуют, и наиболее поздние ямы находятся непосредственно под современным слоем с дерновой поверхностью, что свидетельствует о прекращении жизни на данном участке уже в поздне-римское время. Этот район города, очевидно, был заброшен внезапно, возможно, в связи с военной катастрофой, судя по тому, что большая часть сохранившихся ям оказалась плотно закрытой закладными плитами, а венцы некоторых ям перекрыты утрамбованным грунтом, что, возможно, производилось с целью предохранения зернохранилищ от грызунов, а может быть, и с целью их маскировки. В слоях, современных ямам, не было встречено никаких остатков городского строительства, что позволяет судить о том, что данный хозяйственный комплекс находился вне городской черты или, может быть, на окраине города. К ямам примыкают многочисленные остатки вымосток очень примитивного устройства, напоминающие утрамбованный грунт дворов с мусорным образованием на поверхности. Только в нижнем горизонте, соответствующем наиболее ранним ямам III в. н. э., обнаружена мощная каменная вымостка (№ 17) на подсыпке из щебня и обломков керамики.

Степень сохранности зерновых ям требует различной техники их раскопок.

³ В. Л. Зубов и Ф. А. Петровский. Архитектура античного мира. Изд. Акад. археол. СССР, М., 1940, стр. 522; Варрон. О сельском хозяйстве, 1, 57, 1—3.

⁴ Варрон. Ук. соч., § 588—595.

⁵ О. Э. Ланговая. Поздне-римская амфора из Мирмекии. Советская археология, т. VII, стр. 290.

Наиболее простой случай представляют ямы, дошедшие в полной сохранности. При обнаружении такой ямы, на подошве штыка зачищается каменный круглый венец, диаметр которого, как было сказано выше, обычно не превышает одного метра. Земля выбирается внутри венца до закладной плиты. Эта земля насыпная, плотная и мало чем отличается от грунта современной поверхности ямы. После удаления плиты расчищается дно ямы, которое на 50—60 см покрыто рыхлым грунтом, напоминающим могильную землю.

В другом случае может быть обнаружена яма, полностью разрушенная, у которой каменная горловина отсутствует. Грунтовое пятно такой ямы легче уловить в вертикальном обресе, чем в подошве штыка. Грунт, заполняющий разрушенные ямы, обычно насыщен зольными остатками, так как эти ямы нередко служили местом выкида золы или мусора. Этот сыпучий грунт легко отделяется от плотных земляных стен ямы.

Третий случай наиболее сложный: это ямы, разрушавшиеся постепенно, с обвалившимся внутрь венцом. Обнаружить такую яму можно по небольшим группам камней, лежащих на мусорном грунте, которые встречаются неизменно на одном и том же участке площади, иногда на значительной глубине одна под другой. О наличии разрушенной ямы в этом месте свидетельствует и смешанный характер находок в районе камней, среди которых всегда присутствует позднееримский материал. После удаления постепенно всех камней, лежащих на грунте, зачищается большая группа камней конусовидной формы, представляющая собой рухнувшую на дно ямы горловину. Круглое основание этой кучи камней точно совпадает с габаритом дна ямы, что позволяет зачистить стенки, а после удаления камней — и дно самой ямы.

Зерновые ямы Митридата являются первым крупным комплексом зернохранилища, открытого на Боспоре. Он представляет поэтому особый интерес для изучения вопроса о зерновом хозяйстве, подобно рыбозасолочным ваннам Дии-Тиритаки и винодельням Мирмекия, давшим новый материал о рыбном промысле и виноделии Боспора.

Исследование этого комплекса позволяет установить ряд особенностей в способе хранения зерна и дает материал для суждения о размерах зернового хозяйства Пантикапея в позднееримскую эпоху. Анализы остатков зерен, обнаруженных в ямах, могут дать в дальнейшем ценные сведения о зерновых культурах Боспора. Вместе с тем изучение этого комплекса, в связи с общей стратиграфией гэродища, предоставляет ряд новых данных о жизни этого участка древнего Пантикапея и его исторических судьбах.

И. И. НИКИШИН

НАХОДКА ЗЕРЕН В КЕРЧИ

Керченской археологической экспедицией под руководством В. Д. Блаватского летом 1946 г. при раскопках на горе Митридате (в Керчи) найдены на дне зерновой ямы обугленные зерна. Зерна были переданы в лабораторию ИИМК АН СССР, где и были мною определены. Все они принадлежали к семейству злаковых. Самой многочисленной оказалась группа зерен (в количестве 86 шт.), определенных мною как мягкая пшеница (*Tricum vulgare*). Они были сравнительно короткие, подтреугольные в поперечном сечении, с хорошо выраженной глубокой бороздкой и высоко приподнятой спинкой, слегка спускающейся к концам, с плоским, овальным брюшком. Зародыш (там, где он сохранился) небольшой, овальный. В массе зёрна хорошо выравненные. Длина зерен 4.2—6.0 мм, ширина 2.0—3.5 мм, толщина 2.0—2.3 мм.

Другая, менее многочисленная группа (в количестве 31 шт.) состояла из ячменя (*Hordeum sativum*). Форма зерен удлинённо-эллиптическая, заостренная к обоим концам, слегка сплюснутая; бороздка широкая. Длина зерен 5—6 мм, ширина 2—4 мм, толщина 1.8—2.0 мм.

Находки зерен мягкой пшеницы и ячменя на Керченском полуострове встречены не впервые. В частности, они зафиксированы в раскопках В. Ф. Гайдукевича в Мирмекии (в слоях V в. до н. э.) и в Тиритаке (в слоях V в. до н. э. и в слоях IV в. н. э.).

Находки Керченской археологической экспедиции, датируемые III—IV вв. н. э., лишние раз указывают на очень устойчивое положение этих двух с.-х. культур, давно и прочно завоевавших себе место на Крымском полуострове.

Однако особое место среди этих находок принадлежит третьей, самой малочисленной группе зерен (всего в количестве 4 шт.). Зерна этой группы очень мелкие, удлинённые, со слабо намеченной бороздкой. Ниже приводятся их размеры (в мм):

	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	Среднее
Толщина . . .	1.1	1.2	1.6	1.4	1.4
Ширина . . .	1.2	1.5	1.7	1.5	1.5
Длина . . .	4.5	5.0	5.0	6.0	5.1

Эти зерна должны быть отнесены к роду *Secale cereale*, к форме сорнополевой ржи.

К такому же заключению пришли академики П. М. Жуковский и И. В. Якушкин, к которым автор обратился с просьбой проверить его наблюдения.

Русскими ботаниками первыми была обоснована гипотеза о вхождении ржи в культуру вместе с пшеницей и ячменем, среди которых она являлась сорняком. Эта гипотеза была обоснована на современном ботаническом материале.

Находка Керченской археологической экспедиции является первым свидетельством, доказывающим справедливость этой теории на археологическом материале. Косвенно ее находка имеет также отношение и к вопросу о вероятности вхождения сорнополевой ржи в культуру именно на территории Восточной Европы.

Наконец, эта находка проливает некоторый свет и на происхождение сорнополевой ржи, положившей начало ее культуре. Как известно, одни ботаники (Н. И. Вавилов) вели ее из Афганистана, другие (П. М. Жуковский) — из Малой Азии. Упомянутая находка дает материал сторонникам второй точки зрения, так как население Керченского полуострова с очень давних пор находилось в весьма тесных и оживленных культурных связях с населением Малоазиатского полуострова, являющегося родиной многих форм сорнополевой ржи.

В. А. ПАДИН

ПОСЕЛЕНИЯ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ В РАЙОНЕ ТРУБЧЕВСКА

Древнерусский город Трубчевск расположен на р. Десне. Дата его основания неизвестна, а первые летописные известия о нем относятся к концу XII в. Он впервые упоминается под 1186 г. в связи с походом северских князей на половцев в 1185 г. Следовательно, в это время Трубчевск был уже сложившимся городом и имел своего князя.

Материалы, полученные Трубчевским музеем в результате археологических наблюдений, позволяют предполагать, что существование поселения на месте Трубчевска может быть отнесено ко времени значительно более раннему. Особый интерес представляют два городища, имеющие прямое отношение к древнему Трубчевску: одно — Кветунское городище — находится в 10 км на ЮЗ от Трубчевска, другое расположено на южной окраине самого Трубчевска.

Кветунское городище и его район очень интересны. Здесь есть, расположенный четырьмя группами, обширный могильник из нескольких сот курганов.

Самая значительная I группа, числом около 360 курганов, находится в урочище «Гай», в 1 км к ЮЗ от городища, рядом с древним Челнским монастырем. Отсюда в коллекциях музея хранятся бронзовые славянские украшения, круглые мелкие и спиральные кольца, пластинчатый, без орнамента, гладкий браслет, утолщающийся к концам; проволочный головной обруч с застежками в виде крючка и петли, бусы (пастовые, сердоликовые, бипирамидальные, стеклянные золоченые). Отсюда же происходит горшок с волнистым орнаментом. Погребения все с трупоположением.

II группа (42 кургана) в урочище «Дуля», в 200 м к ЮЗ от городища, непосредственно на пойме р. Десны. Курганы узкой грчдой тянутся вдоль ее второй надпойменной террасы. Они имеют вид низких опавших холмиков; самый большой из них имеет в диаметре 14 м, а самый высокий 1.20 м высоты. Раскопками одного из курганов этой группы в 1937 г. (В. Левенок, В. Падин) установлено трупосожжение, производившееся на стороне, так как в насыпи на горизонте найден груболепленный горшок, в котором было лишь небольшое количество пепла и кусочек пережженной косточки, следов же кострища не прослежено.

III группа (29 курганов) находится к югу от городища, в урочище «Литовские могилы». Конечно, никакого отношения к Литве курганы не имеют и являются частью того же Кветунского могильника. Размеры насыпей небольшие, они несколько смещены на юг, очевидно, в связи с их

расположением по склону горы. При раскопках одного кургана был найден костяк старого человека без всякого инвентаря.

IV группа (сохранившая лишь 11 курганов, почти сравнявшихся с землей) находится на высокой «Жаденовой» горе. При обследовании музеем в 1946 г. одного разрушенного кургана был найден нарушенный костяк, ориентированный на запад, бронзовый пластинчатый неспаянный перстень, височное малое круглое неспаянное бронзовое кольцо и фрагмент горшка с линейным орнаментом. Величина могильника свидетельствует о значительности связанного с ним поселения.

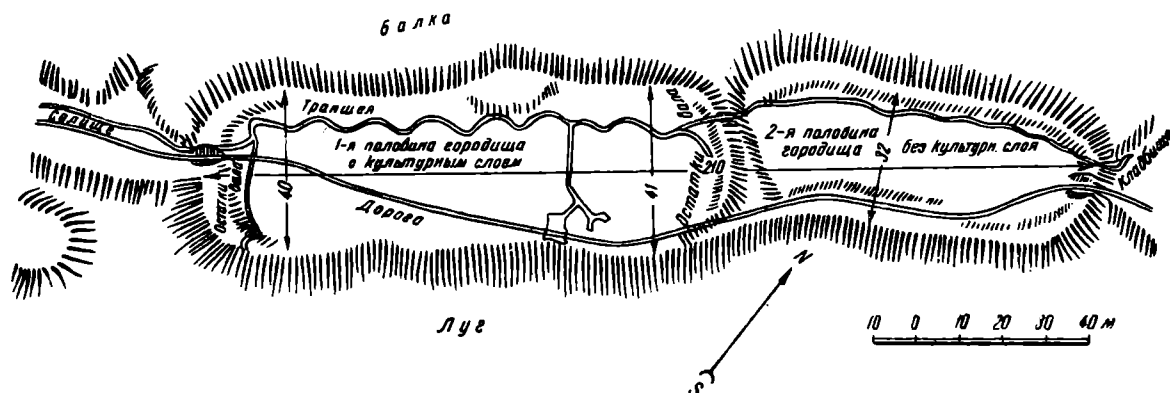

Рис. 42. План Кветунского городища

Кветунское городище (рис. 42) расположено на неприступной площадке правого коренного высокого берега р. Десны. Оно тянется по берегу на 219 м, занимая площадь 8000 м². На юг почти отвесный склон горы, на север широкая и глубокая балка. Юго-западная часть граничит с искусственным полузаплывшим рвом, за которым находится синхронное городищу селище, а северо-восточный конец примыкает к современному кладбищу. Кладбище также имеет культурный слой; среди единичных находок лепные черепки роменского типа и обломки тонкостенной лепной посуды с вертикальной наружной штриховкой. На городище ясно видны остатки земляного вала. Оно все прорезано траншеями, большая идет вдоль его северной стороны, северо-восточная половина городища имеет вид подсыпанной с юга площадки, в то время как по северной ее стороне вдоль балки тянется уже оплывший вал, переходящий на кладбище и перерезанный здесь дорогой; эта половина не имеет никаких следов культурного слоя. Вторая половина городища имеет мощный культурный слой, достигающий 1.5 м. Над рвом к селищу высятся остатки вала. Слой селища достигает 0.80 м.

Траншеями обнажены четкие разрезы ям. Яма I вырыта в лёссе (очевидно, остаток жилища); глубина от современной поверхности 1 м, длина по траншее 5.5 м. На дне найдено днище груболепленного (глина с примесью шамота) толстостенного горшка плохого обжига и венчик тонколепленного горшка. В юго-западной части ямы, на грунте над линией пола куполообразное пятно из глины. Здесь же, в углу жилища, от пола вверх идет (резко отличающийся от заполняющего землянку) культурный слой (шириной 0.7 м), в котором находится большое количество рыболовных грузил. В самом жилище попадает рыба чешуя. Возможно, что глиняное пятно является остатком глинобитной печи, а скопление обломков грузил в одном месте произошло оттого, что грузила тут же обжигались и испорченные выбрасывались в угол, может быть огороженный.

Яма II глубиной 1.70 м, шириной 0.70 м находится по соседству с I; в ней найден венчик лепного горшка с орнаментом, а выше — часть дни-

ща гончарного горшка. Тут же рядом видна яма, очевидно, зерновая, имеющая грушевидную форму, с обмазанным дном и стенками.

В северной части этой половины городища, там, где наблюдается особенно мощный культурный слой, в стенке траншеи просматривается полоса глины, напоминающая пол, но контуров самого жилища проследить невозможно. На глубине 1.30 м от современной поверхности тянется вто-

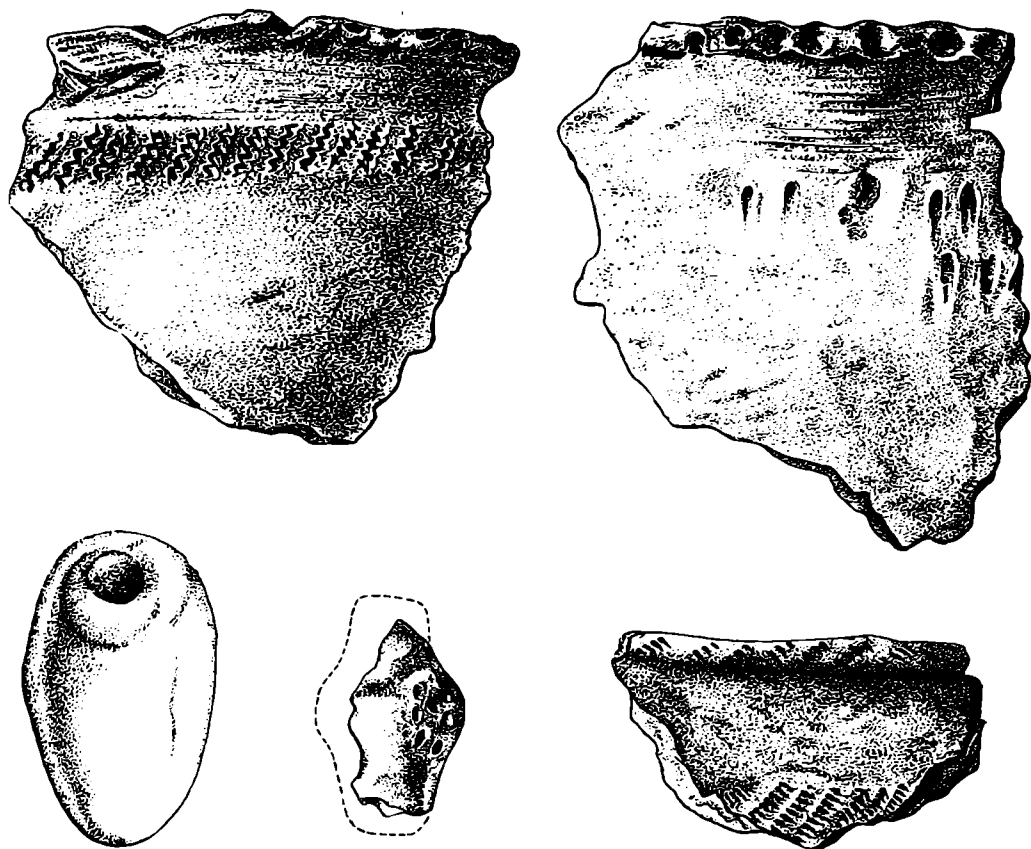

Рис. 43. Керамика Кветунского городища

рой, сильно утопанный слой серой глины толщиной 15 см. Над ним идет непрочный слой обожженной глины. Возможно, что это следы больших жилищ. Здесь, на глубине 0.30 м встречаются куски плинф, идущих в определенном порядке, создающем впечатление помоста (под ним на глубине 1.80 м был найден железный рыболовный большой крючок, длиной около 20 см).¹ Размеры плинф $25.5 \times 21.5 \times 3.5$ см, $22.5 \times 27 \times 3.5$ см. Плинфы несколько пскороблены, обжиг хороший.

Найденная в слоях городища и селища керамика состоит из фрагментов груболепленных горшков с орнаментацией, нанесенной по бокам палочкой, обмотанной шнуром. Больше всего тонкостенных горшков с орнаментацией, нанесенной палочкой или стеблем травы, и гладких. Керамика по своему характеру очень напоминает роменскую. В незначительном количестве встречаются черепки более древних лепных горшков, без шамота, с вертикальной штриховкой с внешней стороны (рис. 43). Круговая керамика курганного типа, найденная на городище и в селище, в количественном отношении заметно уступает лепной (она встречается и в траншее, идущей от селища к монастырю). В яме, вырытой в восточном углу монастырского сада, найден фрагмент корчаги, имеющей орнаментированную

¹ В. Левенок. Археологический отчет 1945 г.

светлоокрасную поверхность. Керамика XIII—XV вв. не встречается вовсе.

В слое в значительном количестве встречаются глиняные рыболовные грузила, преимущественно яйцевидные, без отверстий и реже — с отверстиями сквозными и несквозными. Есть маленькие грузики, один из них с орнаментом из вдавленных палочкой точек. О наличии железной индустрии говорят куски болотной руды и криц, а также найденный железный предмет, служивший, может быть, оковкой.

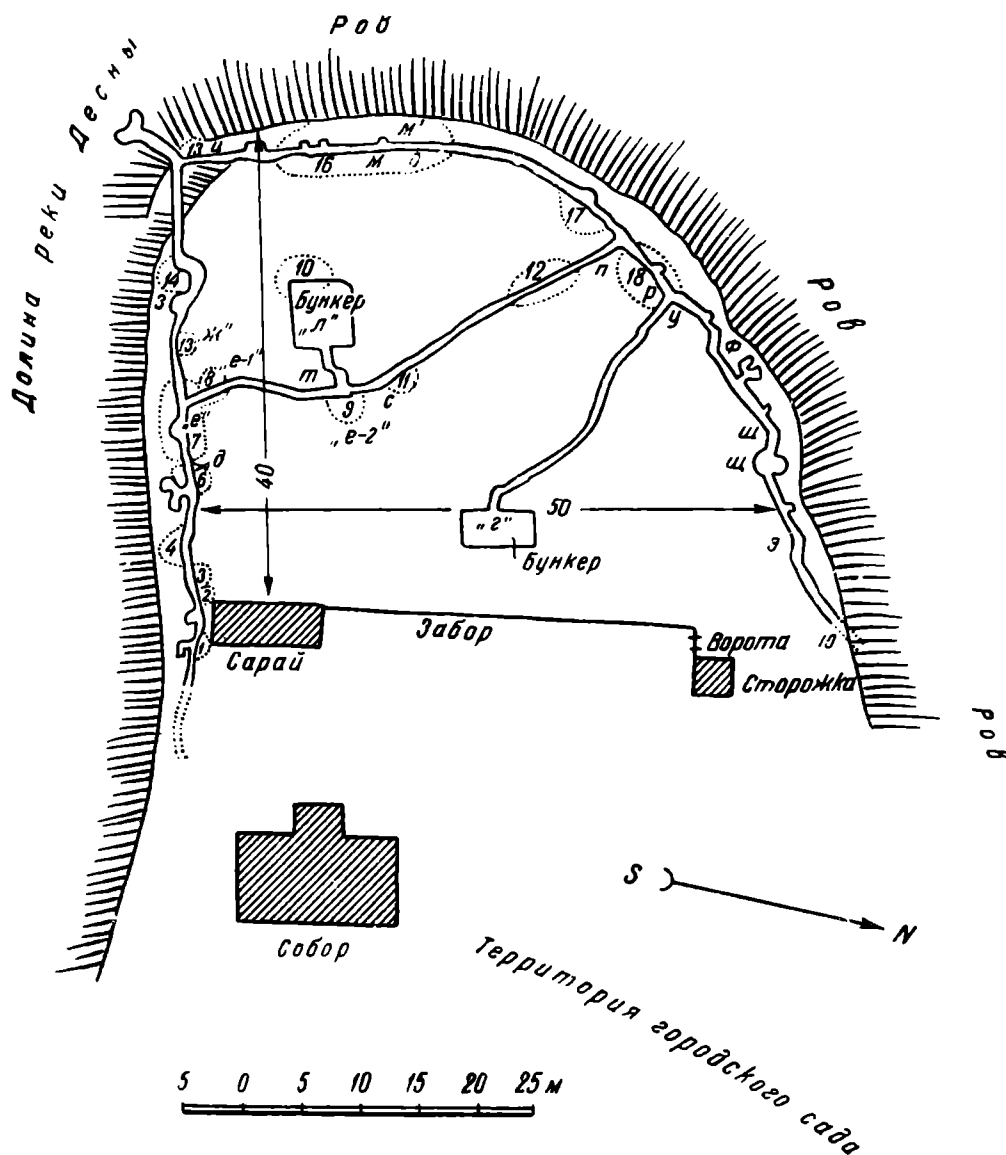

Рис. 44. План поселения в урочище «Соборная гора»

Собранные материалы свидетельствуют о заселении Кветунского городища во второй половине I тысячелетия; преобладание лепной керамики говорит, что ранний период жизни городища был очень интенсивный. Славянское поселение продолжало существовать вплоть до XIII в., после этого жизнь на городище прекращается, — об этом говорит отсутствие находок XIV—XV вв.

Открытое Трубчевским музеем в 1946 г. второе большое поселение домонгольского времени (рис. 44) находится в урочище «Соборная гора», которая является отрогом правого высокого берега р. Десны, протекающей в непосредственной близости к Трубчевску. С ЮЗ поселение граничит с глубоким и широким естественным рвом, который в древние време-

на, несомненно, соединялся с другим рвом, идущим также от реки к нему навстречу, огибая современный городской сад. Точные границы поселения проследить пока не удалось, но оно, несомненно, занимает большую площадь, что подтверждается находками на всей надречной стороне сада фрагментов керамики домонгольского времени, а в 1941 г., во время земляных работ на территории городского сада найден был жернов киевского времени.

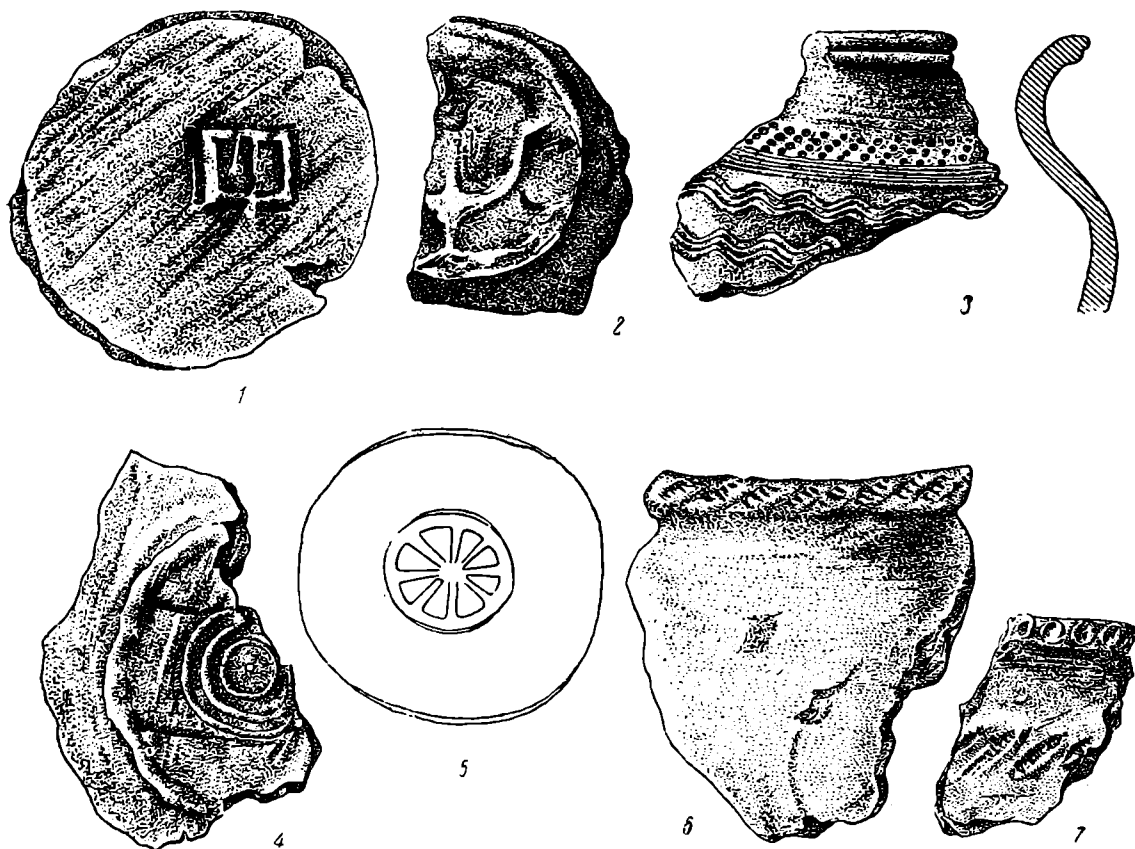

Рис. 45. Керамика поселения в урочище «Соборная гора»

Южная сторона горы носит явные следы подсыпки, что делало ее более неприступной. Лежащее в 200—300 м от «Соборной горы» родовое городище «Городок» могло также являться местом надежной защиты, так как возможно, что оно входило в единую систему оборонительных сооружений; на «Городке» есть в двух местах остатки высокого, в несколько метров, земляного вала. Курганов в окрестностях современного Трубчевска нет.

«Соборная гора», как и Кветунское городище, изрезана немецкими траншеями. Культурный слой местами превышает 2 м и очень насыщен. В обрезах траншей отчетливо прослеживаются очертания множества ям, остатки очагов и подпольные ямы жилищ.

Опишем самые характерные из них.

1. Яма у пункта «С» разрезана траншеей на две части; глубина от современной поверхности 1.30 м, длина вдоль траншеи 2.30 м. Яма вырыта в лёссе на глубину 0.80 м; в ней ясно видна прослойка золы с рыбными костями. В северо-восточной части видно уходящее под дно траншеи углубление подпольной ямы. Керамика преимущественно груболепная (глина с примесью шамога); немного фрагментов круговых горшков, сре-

ди них один с волнистым орнаментом «переходного» типа; встречены обломки рыболовных грузил со сквозными отверстиями приплюснутыми и продолговатыми, в форме молотка. В этом же жилище найдена костяная односторонняя грубо сделанная стрела (дротик), кости свиньи и какого-то крупного животного.

2. У пункта «Е» располагается яма № 7 — также древнее жилище. Глубина от современной поверхности 1.80 м, длина по траншее 4 м. Вырыто жилище в лёссе и имеет прямые углы. На дне под лёссом проходит слой глины в 2 см, он утоптан и напоминает пол. Выше культурный слой смешан с глиной и представляет, может быть, вновь образовавшийся пол жилища толщиной 33 см. На нем подковообразно, концами вверх лежит слой пепла и золы в центре в 7—8 см, а по краям до 1 см; в пепле ясно видны остатки пережатой соломы, — возможно, что это обвалившаяся от пожара крыша жилища. Утолщение зольной прослойки, повидимому, говорит о том, что к середине жилища при обвале съехали с двух краев основные массы материала кровли (ветви, жерди, солома). Найдены фрагменты груболепной керамики и немного круговой (на одном днище — клеймо; рис. 45—1); кусок глиняной обмазки, куски рыболовных грузил, обломок свиной челюсти.

Эти два жилища могут быть отнесены к IX—X вв., что подтверждается сочетанием лепной и круговой керамики.

3. Ямы № 8 и 9 у пунктов «Е» — 1 и «Е» — 2 также являются частями древних жилищ. В центре жилищ видны подпольные ямы глубиной 15 м и 0.70 м, шириной 0.75—0.70 м. В жилище № 8 близ подпольной ямы — зольная прослойка. В жилище № 9 под зольным слоем виден слой глины — может быть, остатки глинобитной печи. В жилище № 9 под очагом найдена более древняя груболепная, тонкая, без шамота керамика, вместе с круговой X—XII вв.

4. Особый интерес представляет яма № 18 у пункта «Д». Длина по траншее 9 м, глубина 2.15—1.95 м. Это большое жилище, вырытое в лёссе. У стен и дна оно имеет правильно закругленные углы. Дно жилища обожжено и имеет оранжевый цвет. Над ним сильно утоптаный слой глины в 20 см, может быть, второй, сделанный позже. Выше, через все жилище тянется еще слой глины в 5 см, утолщающийся в центре до 36 см, под ним тонкая угольная прослойка; это очень похоже на обрушившийся во время пожара потолок с глиняной засыпкой. Вся керамика гончарная, на одном днище клеймо, напоминающее знаки рюриковичей (рис. 45—2); здесь же найдены куски плинф, маленький железный нож, кованый гвоздь, заклепка, несколько десятков фрагментов стеклянных браслетов, две стеклянные бусы, обломки темножелтых стеклянных перстней. Обломков рыболовных грузил всего два, чешуи и костей рыб нет, зато много костей животных, тогда как в описанных выше жилищах их почти не было. Жилище № 18 можно датировать XI—XIII вв.

Из подъемных материалов с «Соборной горы» отметим фрагмент горшка с красивой орнаментацией (рис. 45—3), медную подвеску, бронзовое, с неспаиваемыми концами височное кольцо, стеклянные бусы, днище горшка с клеймом (рис. 45—4), два обломка плинф с бороздками в виде рамки по краям, много лепной и главным образом круговой керамики.

В культурном слое, наряду с костями животных, встречаются, особенно в районе бункера «Г», прослойки рыбьей чешуи и костей. Любопытно, что здесь же находится и много целых рыболовных грузил различных форм (яйцевидных, без отверстий — не имеется), а также много черепков лепной, без шамота, тонкостенной с вертикальной штриховкой керамики, напоминающей роменскую и аналогичной кветунской (рис. 45—6, 7).

Очевидно, участок у бункера «Г» был заселен в самое раннее время истории «Соборной горы».

В 2 км на восток от «Соборной горы» в 1946 г. была обнаружена яма рядом с городищем у дер. Городцы, со слоями обожженной глины и золы и значительным количеством круговой керамики, не бывшей в употреблении; на одном днище — клеймо в виде колесика с восемью спицами (рис. 45—5). Свежий вид горшков, отсутствие следов употребления их, обилие золы, а также слой обожженной глины — позволяют предположить, что это остатки мастерской XI—XII вв., которая снабжала керамикой Трубчевск.²

При всей фрагментарности описанных материалов они дают основание для постановки ряда вопросов и предположений.

Прежде всего интересно взаимоотношение населения древнейшего родового городища «Городок» I тысячелетия до нашей эры с историей заселения Трубчевского городища «Соборная гора». Возможно, что дальнейшие исследования установят связь между ними, на это указывает обилие на «Соборной горе», особенно в районе бункера «Г», лепной керамики с вертикальной штриховкой типа родовых деснинских городищ. Сейчас пока можно предполагать, что поселение на «Соборной горе» уходит своими корнями в антское время. Материал с городища позволяет судить об основных видах хозяйственной деятельности этого поселка — скотоводстве, земледелии (зерна гречи и ржи), рыбной ловле и охоте. В эпоху Киевского государства поселение приобретает городской облик (стеклянные браслеты и перстни, гончарная керамика с клеймами и другие факты), — это летописный Трубчевск. После упоминания о нем в 1232 г. он более чем на столетие исчезает со страниц летописи, возможно, что он был сильно разрушен татарами, о чем свидетельствуют следы сильного пожара в остатках жилищ и в культурном слое.

Интенсивное развитие Кветунского городища падает на вторую половину I тысячелетия нашей эры, что ясно из преобладания лепной керамики этого времени. В эпоху Киевского государства Кветунское поселение также существовало, на что указывают его земляные укрепления, керамика курганного типа и другие материалы, а также большой славянский могильник того времени, находящийся близ городища. Но в какой-то момент развитое и обширное Кветунское поселение начинает хиреть, и жизнь в нем прекращается вовсе. Ответ на вопрос о причинах этого может дать лишь систематическое и серьезное исследование всего комплекса — городища, селища и могильника. Сейчас же можно лишь предположить, что из живших рядом двух крупных поселений, какими были Трубчевск и Кветунь, развитие первого по каким-то причинам шло быстрее второго, и Кветунь начала хиреть. Нечто подобное произошло в истории древнего Смоленска и Гнездова.³ Однако Кветунь продолжала существовать вплоть до XIII в., может быть, в роли сильного оборонительного пункта Трубчевска.

Над описанными памятниками Трубчевский музей ведет систематические наблюдения, но следует пожелать, чтобы в ближайшее время они стали объектом широко поставленных серьезных раскопочных работ.

² В. Левенок. Археологический отчет 1946 г.

³ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, М., 1946, стр. 19.

III. ТЕЗИСЫ ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ В 1947 г.

Т. С. ПАССЕК

ТРИПОЛЬЕ

Опыт периодизации памятников

*(Тезисы докторской диссертации, защищенной в Ученом совете ИИМК АН СССР
24. IV 1947 г.)*

1. В дореволюционный период, несмотря на большое число раскопанных трипольских памятников, основные вопросы по трипольской культуре (ее происхождение, этапы развития, относительная хронология, назначение «глиняных площадок») оставались в значительной мере неразрешенными.

2. В результате систематических раскопок советских археологов по-новому освещена история древнейших земледельческих (трипольских) племен, живших в III—II тысячелетиях до нашей эры на территории Поднепровья, Побужья и Поднестровья, в частности, решена проблема родовых поселений и жилищ.

3. Задачи настоящего исследования следующие: а) установление процесса развития и хронологии трипольской культуры на основе обобщения важнейших результатов Трипольской археологической экспедиции, проводившейся под руководством автора в течение последних десяти лет; б) создание общей периодизации памятников трипольской культуры, начиная с древнейших ее этапов и до эпохи ранней бронзы, на основе изучения различных трипольских археологических комплексов и стратиграфических данных.

4. Стратиграфические наблюдения на энеолитических поселениях в Днестровско-Дунайском бассейне позволяют рассматривать трипольскую культуру на ее раннем этапе как возникающую здесь на основе неолитической раннеземледельческой культуры, известной в археологии под названием «культуры линейно-ленточной керамики». Вместе с тем пути автохтонного возникновения и дальнейшего развития Триполья не могут быть поняты без изучения постоянно существовавших взаимоотношений у трипольских племен Поднепровья, Побужья и Поднестровья с соседними племенами Дунайского бассейна и племенами Восточного Средиземноморья и Малой Азии.

5. К раннему этапу (А) Триполья относятся открытые в настоящее время в районе среднего течения Днестра и Южного Буга поселения типа Извоар I, Унгены, Попов-Город, Лука-Врублевцевская, Саврань, Борисово, Красноставка и др. В это время (начало III тысячелетия до нашей эры) население обитало в землянках и в наземных глинобитных жилищах неолитического типа, однако последние не получали еще повсеместного распро-

странения. Характерным инвентарем являются односторонние выпуклые каменные топоры, кремневые ножи, скребки, мотыги из рога оленя, украшения из кабаньих клыков; единичны — изделия из меди. Среди керамики выделяются: сосуды округлых форм на подставках с углубленным спиральным и геометрическим орнаментом; тонкостенные сосуды с прекрасно полированной поверхностью, украшенные каннелюрами и штамповым орнаментом; ковши-ложки, а также сильно схематизированные женские статуэтки.

6. На среднем этапе (В) Триполья, в период расцвета культуры, трипольские племена занимают обширные территории Поднестровья, Среднего Поднепровья и Побужья. К этому времени (В/І) относятся многочисленные поселения типа Извоар II, Эрозд I, Кукутени А, Руджиноаза и др. — на западе; Кадиевцы, Кудринцы, Незвишка, Фридрицы и др. — в Поднестровье, Сабатиновка — в Побужье, датируемые серединой III тысячелетия до нашей эры. К несколько более позднему времени (В/II) относятся поселения типа Веремье, Щербаневка, Коломийщина II — в Среднем Поднепровье; Пьянишково, Владимировка — в Побужье; Петрены и Щипеницы — в Поднестровье.

Основное занятие — мотыжное земледелие, значительно развито также скотоводство. Характерны большие, по площади, родовые поселки, располагающиеся на лёссово-черноземных плато, типа Коломийщина II, Владимировка и др. Преобладают наземные многосемейные жилища из дерева и обожженной глины; прямоугольные постройки разделены поперечными перегородками на несколько помещений, в каждом из которых находится печь и часто округлые или крестообразные жертвенники. Орудия из кости, рога, кремня и камня остаются прежних типов; изделия из меди редки; кроме четырехгранных шильев, известны находки небольших колечек и плоских медных топоров. Среди керамики характерны сосуды с углубленным спиральным орнаментом, однако основной является керамика с полихромной росписью. Спиральный рисунок покрывает обычно целиком всю поверхность округлых сосудов (сосуды часто на высоких подставках). Типичны глиняные ковши-ложки, печати, женские схематизированные статуэтки, модели жилищ. Тонкостенные сосуды с каннелюрами редки. Появляются сосуды с монохромной (черной) спиральной росписью, заключенной в широком поясе. В росписи характерны изображения людей и животных.

7. Поздний этап Триполья, установленный на основе стратиграфических наблюдений, сделанных над верхним слоем поселений Кукутени В, Эрозд II, Гумельница А и В, Кашиорелли А и В и др., занимает достаточно длительный отрезок времени — от конца III тысячелетия до середины II тысячелетия до нашей эры. Поздний этап в Поднепровье и в Причерноморье, в связи с наметившимися местными особенностями, рассматривается в двух районах и в пределах двух ступеней развития: на севере — С/І и С/II, на юге — γ/І и γ/II.

8. На первой ступени (С/І и γ/І) позднего Триполья у трипольских племен основным занятием остается земледелие, однако все большее и большее развитие получает скотоводство. По-прежнему характерны родовые поселения типа Коломийщина I, на которых большие многосемейные глинобитные жилища располагаются по кругу, создавая замкнутость и своеобразную укрепленность поселка. В Кукутенах поселение, вероятно, в это время имело ограждение рвом.

Характерным инвентарем на поселениях типа Кукутени В, Дракузени, Дарабаны, Китай-Город и др. — в Поднестровье (γ/І); Сушковка, Пспудня, Томашовка и Коломийщина I, Жуковцы, Халепье и др. — в Среднем Поднепровье (С/І) являются резко профилированные сосуды с монохромной (черной) спиральной росписью; наряду с ними получают развитие сосуды, украшенные оттисками веревочки, характерные для эпохи раннего металла.

Количество изделий из меди увеличивается. Наряду с четырехгранными шильями и плоскими медными топорами известны медные плоские кинжалы треугольной формы, медный топор с проушиной (Кукутени В) и т. п. Медные изделия, как и в период расцвета, проникают в Поднепровье из Семиградии и из стран Восточного Средиземноморья и Малой Азии. Сношения племен со всей Дунайско-Балканской территорией, начиная с раннего этапа, носят постоянный, а не случайный характер, что доказывается систематическим наличием различных серий вещей в поселениях на Дунае и на Днестре, т. е. в сходных, но удаленных друг от друга районах.

9. Для второй ступени позднего Триполья (С/II и γ/II) установлено, что трипольские племена жили по течению р. Тетерева (Городск, Колодяжное), в верховьях рек Случа, Стири, Горыни, проникли и на Западный Буг (Завишня); на востоке трипольские поселения открыты на левом берегу Днестра в бассейне Десны и Супоя (Евминки, Бортнички, Гнедин, Лукаши), на юге — у берегов Черного моря (Усатово, Белозерка, Слободка) и в низовьях Днестра (Шабалат, Парканы, Суклея и др.).

10. В результате раскопок в Городске выяснены изменения в характере трипольского домостроительства, которые происходят на позднем этапе (γ/II). Постепенно исчезают типичные большие многосемейные дома; на смену им приходят сравнительно небольшие глинобитные постройки и получают распространение жилища полуземляночного типа с глиняными очагами. В хозяйстве вырастает значение скотоводства, изменяется весь характер и состав культурного слоя на поселении. Характерными становятся кремневые клиновидные топоры и каменные просверленные топоры. Увеличивается количество орудий из меди, особенно в Причерноморье. В керамическом комплексе, наряду с характерными трипольскими сосудами (с черной и иногда красной росписью), постоянно находятся сосуды с веревочным орнаментом, указывающие на тесное соприкосновение в это время трипольских племен с племенами «катакомбной» культуры левобережья Днестра (Евминка и др.).

11. Те же черты позднего Триполья выступают на юге в материалах из раскопок в Усатове (поселение и курганные могильники, окруженные кромlechami). В это время (γ/II) здесь выделяются скотоводческие племена с патриархально-родовым общественным строем. Среди керамического инвентаря характерны позднетрипольская керамика и сосуды с веревочным орнаментом. Широко распространенные изделия из меди (плоские топоры, шилья, треугольные кинжалы, височные кольца) указывают на усиление к началу — середине II тысячелетия до нашей эры межплеменного обмена со странами Дунайско-Балканскими, Восточного Средиземноморья и Малой Азии.

12. Памятники усатовского типа в Причерноморье не стоят изолированно. В курганных погребениях в низовьях Днестра (Шабалат, Парканы, Терновка, Суклея, Красногорка) и Днестра (Белозерка и др.) открыт аналогичный Усатову комплекс.

13. Исследованием установлено, что позднетрипольские племена в Среднем Поднепровье и Поднестровье сосуществуют в это время с земледельческо-скотоводческими племенами, осваивающими новые территории и заливные луга речных долин и дюны. У этих племен, стоящих на стадии патриархально-родовых отношений, как, например, у племен мегалитической и среднеднепровской культур, развиваются новые приемы гончарства и получают развитие, в одних случаях, керамика шаровидных амфор, в других — керамика с веревочным орнаментом, в третьих — смешение черт той и другой. Эти новые черты, которые отмечаются и в обряде погребения, и в керамических изделиях, и в находках клиновидных кремневых топоров,

и в распространении янтаря, закономерно появляются уже на позднетрипольском этапе (Усатово, Городск, Колодяжное, Кошиловцы, частично Коломийщина I и др.).

14. Изучение материалов эпохи бронзы типа комаровско-белопотоцкой культуры (1700—1200 до н. э.) и более поздних материалов предскифского времени (например, Белогрудовки) показывает, что процесс исчезновения трипольской культуры выражался в постепенном вытеснении ряда основных черт Триполья и что оформляющиеся в Среднем Поднепровье и Поднестровье племена эпохи бронзы и предскифского времени рядом признаков сближаются с позднетрипольскими.

С. С. ЧЕРНИКОВ

ДРЕВНЯЯ МЕТАЛЛУРГИЯ И ГОРНОЕ ДЕЛО ЗАПАДНОГО АЛТАЯ

*(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной в Ученом совете ЛОИИМК
АН СССР 3. IV 1947 г.)*

1. Специального изучения остатков древнего горного дела на территории СССР до последнего десятилетия не производилось. Необходимость таких исследований особенно выяснилась на территории Казахстана, где зарегистрировано громадное количество древних выработок на различные металлы. Первыми работами в этом направлении явились исследования древних горных работ на олово в Калбинском и Нарымском хребтах (Восточный Казахстан), которые были организованы ИИМК АН СССР в 1935—1937 гг. Эти полевые исследования легли в основу настоящей работы.

2. Подводя некоторые итоги производившихся ранее археологических исследований в интересующем нас районе, мы видим, что все они носят случайный характер, ограничиваясь констатированием тех или иных памятников и изредка раскопкой нескольких курганов (Миллер, Гмелин, Паллас, Сиверс, Левшин, Спасский, Ледебур, Седельников, Гуляев, Андрианов и др.). Первые раскопки курганов были произведены Каменским (1910 г.) и Адриановым (1911 г.). Кроме того, в различных изданиях встречаются также сведения о случайных находках древних предметов. Все эти данные свидетельствуют о большой насыщенности Западного Алтая разнообразными археологическими памятниками.

3. Древние выработки на олово, единственные известные в СССР, находятся в Усть-Каменогорской области Казахской ССР и тянутся широкой полосой от Устья р. Убы, через Калбинский и Нарымский хребты, до границы с Китаем, протяжением с СЗ на ЮВ до 350 км. Оловянная руда — касситерит (SnO_2) — находится в кварцевых и пегматитовых жилах. Всего известно 37 пунктов древних разработок олова, кроме того, имеются также древние выработки на золото и медь.

Всего за два года полевых работ, помимо древних выработок, нами зарегистрировано свыше 1000 курганов разных типов, 19 пунктов наскальных изображений, развалины двух джунгарских крепостей XVII в., каменные изваяния и ряд других археологических памятников.

4. Все древние горные работы этого района как на олово, так и на золото и медь имеют много общего по количеству и размерам выработки в отдельных пунктах, по технике проходки, по типам найденных орудий и могут быть отнесены к одной исторической эпохе. Имеющиеся различия легко объясняются геологическими особенностями того или иного место-

рождения, которые оказывали решающее влияние на весь характер производства и всегда учитывались древними рудокопами.

Нами выявлены следующие типы горных выработок:

а) При наличии крутопадающих жил, выходящих на ровную поверхность, применяется открытый разрез или яма; в случае рентабельности применяются неправильной формы подземные выработки на глубине, идущие по жиле (Мынчункур, Урунхай, Чудское, Ак-Кезень и ряд других). В случае пологого падения жил открытый разрез на глубине переходит в уклонку, идущую также по рудному телу (Ленинское, Чердоjak, Пролетарское, Комсомольское).

б) При полого падающих жилах, выходящих на склон горы, выработки проходились штольней, неправильной формы ямой с рассечками и узкими щелями по рудному телу (Бай-Мурза, Крык-Чурук). Такие штольни имеют протяженность 60—70 м (Крык-Чурук). В некоторых случаях выработка начиналась открытым разрезом и затем переходила в штольню (Кара-Гоин, Гальче).

в) В случае обратного падения жил по склону горы проводилась уклонка, повторяющая форму рудного тела (Кызыл-Чилик).

г) Если на крутой склон выходило несколько мелких жил, то производилась разработка всего склона без подземных работ, снизу вверх, и выработанной породой заваливались уже пройденные участки (Чердоjak).

Все горные работы производились так называемым «методом пожога», когда перед забоем разводили костер и поливали раскаленное место водой. Порода трескалась, крошилась и становилась доступной для каменного молота, кайлы и деревянного клина. Выбрав обожженную породу, операцию повторяли. При проходке выработок старались выбрать только рудное тело, не трогая вмещающую породу. Для предотвращения обвала разреза или штольни оставлялись перемычки породы, так называемые «целики», в открытых работах — горизонтальные, в штольнях — вертикальные, всегда с учетом вмещающей породы и ширины выработки. Такие целики являются характерной особенностью древних работ. В некоторых случаях между стенками забивалась одна или несколько каменных плит (Казанчункур, Гальче). Деревянное крепление встречено не было. Как своеобразное крепление применялась также и сводообразная кровля штреков, сходящаяся под острым углом (Кочунай). Для обеспечения в выработке свежего воздуха устраивались на разных уровнях два входа, что создавало нужную тягу.

Последовательность добычи руды следующая: после пожога откалывали клиньюми и кайлами глыбы кварца, дробили и сортировали их прямо у забоя; пройденные участки выработок заваливали пустой породой. Подняв руду на поверхность, ее дробили вторично тут же у выработок, выбирая кристаллы касситерита. Отвалы у всех древних выработок содержат главным образом куски раздробленного пустого кварца.

5. Древние рудокопы употребляли различные типы специализированных орудий, изготовленных из камня, кости и бронзы. Основная масса орудий была изготовлена из твердых и вязких пород камня (типа диабаз и порфирита), не встречающихся непосредственно в районе выработок. Они сделаны грубо, без тщательной обработки, но очень рационально и удобно. Основные типы каменных орудий следующие:

а) Кайла с широким веерообразным концом и выемками для прикрепления к рукоятке; длина 10—30 см, вес до 5 кг.

б) Кайла клиновидная, с узким заостренным рабочим краем. Выемки для прикрепления расположены близко к обуху. Величина и вес те же. Эти кайлы служили для откалывания кусков руды в забое и первичного дробления.

в) Кирка двусторонняя, со следами работы на обоих концах. Выемки для прикрепления расположены посередине. Назначение то же.

г) Массивный молот продолговатой формы, с выемками для привязывания; длина до 30 см, вес 5—7 кг. Служил для забивки клиньев и дробления руды.

д) Легкий молот округлой формы диаметром до 10 см, с выбитым желобком. Применялся при отсортировании касситерита и вторичном дроблении.

е) Рудодробилки в виде округлых камней, со сбитой от работы стороной. Все они сделаны с расчетом на удобное держание в руке. Диаметр до 10 см, вес до 1.5 кг. Употреблялись для мелкого дробления и отсортирования зерен касситерита.

Из кости (быка или лошади) выделялись специальные орудия с заостренным концом для выцарапывания мягких слюдистых зальбандов кварцевых жил, обогащенных касситеритом. Для этой цели применялась также и неотделанная трубчатая кость. Из рога марала изготовлялись легкие кайлы для работы в мягких породах и россыпях. Все эти орудия производились на самих выработках применительно к конкретным геологическим условиям местонахождения, с учетом характера породы и величины жилы, где этими орудиями приходилось работать (например, кайла с широким концом для работы в сланцах, клиновидные — для гранитов, массивные — для мощных жил, легкие — для узких).

Из бронзы отливались: а) четырехгранные кирки со слабым изгибом без втулки; длина до 40 см, ширина 2—3 см, вес до 1.5 кг. Употреблялись в мягком грунте и, вероятно, при поисках и разведках местонахождения. Непосредственно в выработках встречены не были. Являются специфически казахстанской формой бронзовых орудий; б) клин бронзовый, в сечении четырехгранный. Встречены только обломки. Употреблялся при откалывании глыб породы и руды. Бронзовые орудия не имеют такого специализированного характера, как каменные.

Кроме перечисленных типов, из других районов известны еще следующие орудия горного дела: деревянные лопаты для сгребания руды, бревна с зарубками или комлями ветвей для спуска в выработку, кожаные сумки или корзины для транспортировки руды, лучина или масляные плашки для освещения.

6. Особенностью Западного Алтая является наличие большого количества медных (неподалеку от оловянных) месторождений, что создавало благоприятные условия для развития древней металлургии. Древние выработки на медь того же типа, что и оловянные (Карчига). Следов плавки медных руд и плавки или промывки касситерита непосредственно на выработках встречено не было (в отличие от золота, где на всех древних работах есть остатки растирания и промывки руды). Основываясь на технологических исследованиях остатков древней плавки меди в районе гор. Степняк (Северный Казахстан), можно предположить, что на выработках медная руда только обжигалась при $t^{\circ} 900^{\circ}$, затем обожженную руду доставляли на поселение, где и производилась окончательная выплавка меди. Флюсом служили охра и дробленый кварц.

В древней металлургии могли употребляться только окисленные руды типа малахита и азурита. Но добывались также и руды сернистые (главным образом халькопирит), которые для естественного окисления оставались на долгое время в кучах на воздухе. Те или иные сплавы бронзы получали главным образом совместной плавкой медной руды и касситерита (что подтвердили опыты Говланда).

Получаемый анализ бронзы не был случайным. Серии анализов казахстанских бронзовых орудий (93 анализа) показали, что при изготовлении

тех или иных изделий, в зависимости от их функционального назначения, применялась бронза разного качества. Для колющих и режущих орудий (копья, ножи, кельты и т. п.) применялась высокооловянистая твердая бронза (от 7% олова и выше). Для ударных орудий (кирки, пешни, клинья и т. п.) требовался мягкий металл, и процент олова в этих изделиях был 0—3.

Все бронзовые орудия на Западном Алтае имеют более высокий процент олова, чем в соседних районах, что объясняется наличием месторождений олова. Литье металла не носило специализированного характера и не было стандартизовано, на что указывают найденные литейные формы.

7. Горное дело является единственным производством, в остатках которого сохранилось рабочее место. Это позволяет судить о распорядке и организации труда, а следовательно, и о производственных отношениях в обществе. Характерная черта всех древних работ — это большое число мелких выработок (Ленинское, Алтуайт, Кочунай и др.), иногда с течением времени слившихся в одну большую (Урункай, Крык-Чурук). Форма этих выработок не оправдывается характером рудного тела и может быть объяснена только исходя из социальной организации производства.

Древние выработки Западного Алтая имеют гораздо меньший масштаб и резко отличаются от среднеазиатских (Кара-Мазар, Алтын-Топкан, Табошар, Кара-Тау) работ V—X вв. по размерам, форме и принципам проходки. Можно предположить, что основной производственной единицей была группа в 8—10 человек, работавших в рамках родовой организации. Кустарная добыча золота в XIX в. (Кашгария, Бухара) была построена по тому же принципу.

Распорядок труда, предположительно, представляется в следующем виде: двое или трое мужчин — у забоя, дети — на относте руды, мужчина — на дроблении, старший в группе — на окончательной отборке зерен касситерита. Горные работы производились, повидимому, только летом и не являлись единственным производством этого общества. Археологический материал позволяет сделать заключение о наличии земледелия (серпы и зернотерки), скотоводства (кости быка, овцы и лошади), охоты (кости марала и лисицы), гончарства, ткачества (пряслица) и обработки дерева (тесла и долота). Существовал, несомненно, и ряд других промыслов (собираательство и т. п.).

Организация труда и уровень техники говорят о том, что здесь мы имеем дело с родовым обществом, где «ремесло еще не отделилось от земледелия» (Энгельс).

8. Объем древнего горного дела был очень невелик. Собранный материал дал возможность произвести подсчет добытого в древности касситерита по всем пунктам древних работ на олово. Подсчет этот показал, что за все время существования древней металлургии (минимально 500 лет) было добыто всего около 130 т олова в руде, т. е. около 250 кг в год. Учитывая потери олова при плавке и среднее содержание его в бронзовых изделиях, мы можем подсчитать и общее количество добывавшейся на Западном Алтае бронзы: около 3—5 т готового металла в год. Не претендуя на абсолютную точность, этот подсчет все же правильно освещает масштабы производства древней металлургии. Если во всем Западном Алтае, с его десятками месторождений меди и олова, годовая добыча бронзы была около 3—5 т, то на долю отдельного племени приходилось, в лучшем случае, сотни килограммов для выделки орудий и обмена. Отсюда бронза (в изделиях и слитках) распространялась путем межплеменного обмена на очень отдаленные территории. Так, бронзовые изделия района Степняка базировались на Калбинском олове (вернее, бронзе).

9. Хронологическое определение памятников древнего горного дела Рудного Алтая осложняется отсутствием разработанной археологической периодизации для этих районов, имеются лишь сводки некоторых типов орудий, данные М. П. Грязновым на основе разработанной классификации минусинской бронзы. Опираясь на периодизацию минусинской бронзы С. А. Теплоухова и бронзы Восточного Алтая М. П. Грязнова, мы можем, по формальным признакам, разделить наш материал на три хронологических этапа: 1-й — андроновская культура, 2-й — культура, синхронная карасукской на Енисее и на Алтае, 3-й — культура, синхронная майэмирскому этапу на Алтае. Более ранних предметов, как и более поздних, в выработках не встречено.

Если в андроновское время мы наблюдаем общность культуры от Урала до Минусинска, то позднее исторический процесс в Казахстане, на Оби и Енисее идет разными путями, что отмечают М. П. Грязнов и О. А. Гракова. На основании археологического материала Западного Алтая и Степняка мы можем предположить, что в Казахстане андроновская культура в своем развитии доживает вплоть до появления железа и перехода к кочевому скотоводству, в то время как на Енисее и Оби она, видимо, довольно рано сменяется карасукской. В связи с этим выделенный нами 2-й хронологический этап является, скорее всего, более поздней стадией андроновской культуры. С переходом степняков к кочеванию население Западного Алтая, в значительной степени в связи с владением месторождениями меди и олова, продолжало, видимо, оставаться оседлым. В культуре этих племен появляются новые формы орудий, свойственные уже кочевническому времени на самых ранних его этапах. К этому периоду мы и должны отнести наибольший расцвет древней металлургии бронзы, подготовленный всем предшествующим развитием.

В абсолютных цифрах древние выработки на олово должны быть датированы временем от середины II тысячелетия до нашей эры и до V—IV вв. Говорить о позднейшей добыче меди в этих районах нет никаких оснований.

Древняя металлургия Западного Алтая начинается и расцветает в период средней ступени варварства. С переходом на высшую ступень варварства и освоением железа добыча меди и олова здесь прекращается.

10. Бронзовые изделия и слитки такого крупнейшего металлургического центра, каким был Западный Алтай, несомненно, распространялись на очень большой территории и способствовали развитию производительных сил общества. Месторождения олова, на которых находились «древние выработки» (нигде точно не датированные), известны в Китае (Сычуань, Чжил и Юнань), на Малакке, в Хорасане (сведения Страбона), возможно, в Южном Закавказье и Малой Азии; в Европе — в Англии, Франции, Испании, Италии, Греции, Чехословакии (Рудные горы) и в Саксонии. Вопрос о происхождении бронзы в Восточной Европе, Сибири и на Кавказе остается пока открытым. В свете приведенных данных значение калбинского олова, несомненно, было очень велико для обширных территорий и оказывало существенное влияние на развитие многих племен, населявших нашу страну.

КУРГАНЫ КАУНЧИНСКОЙ И ДЖУНСКОЙ КУЛЬТУР В ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной в Ученом совете ИИМК
АН СССР, 12. VI. 1947 г.)

1. Ташкентская область расположена на среднем течении р. Сыр-Дарьи, в промежуточной зоне между издревле оседло-земледельческими областями Средней Азии и кочевыми просторами Казахстана, Киргизии и Центральной Азии, на скрещении основных путей торговли, обмена и культурных взаимодействий кочевых и оседлых народов. Ее природно-географические условия благоприятствовали земледелию и кочевому скотоводству.

2. Область среднего течения Сыр-Дарьи изобилует различными археологическими памятниками, среди которых особо выделяются многочисленные и обширные курганные могильники. По количеству курганных погребальных памятников эта область занимает первое место в Средней Азии, что составляет ее специфическую особенность. Археологические памятники этого района изучены еще очень слабо; особенно слабо исследованы и почти не освещены в литературе курганные могильники.

3. Материалы из раскопок на некоторых курганных могильниках Ташкентской области и случайные находки на них дали погребальные памятники по преимуществу двух типов. Первый по инвентарю принадлежит к культуре Каунчи II, второй — к джунской культуре.

4. Первая группа погребений связывается с культурой городищ типа Каунчи-Тепе; исследовавший это городище Г. В. Григорьев датировал серединой I тысячелетия до нашей эры, приписывая его сакам. А. И. Тереножкин на основании разбора материала и своих исследований приходит к другому выводу, датируя культуру Каунчи I—II в. н. э.

5. Наличие двух гипотез о времени и месте культуры Каунчи заставляет пересмотреть памятники предшествующих этапов, начиная с эпохи бронзы, на основании чего мы приходим к заключению, что культура Каунчи не может быть отнесена к сако-массагетскому периоду и что ее следует датировать началом нашей эры.

6. Для эпохи бронзы и раннего железного века на рассматриваемой территории очень сильны связи с севером и северо-востоком. Бронзовый век выявлен случайными находками и отдельными погребениями. Древнейшим памятником является так называемый Чимбайлыкский клад. Второй выявленный этап бронзового века по погребальному ритуалу и по формам металлических изделий и керамики находит себе ближайшие аналогии в андроновской культуре Северного Казахстана и Минусинского края и срубной (хвалынской) культуре Нижнего и Среднего Поволжья.

Раннежелезный век для среднего течения Сыр-Дарьи (включая, вероятно, и Фергану) характеризуется длительностью традиций бронзового века. Наиболее типичными для него являются находки бронзовых ножей тагарского типа, указывающие на наличие для этого времени сильных северо-восточных связей.

7. Выявленные работами последних лет памятники культуры сакских народов с частью изделий аму-дарьинского клада показывают, что основные черты этой культуры совпадают с чертами, присущими широкому кругу скифских памятников, с которыми Каунчи II не имеет ничего общего. Культура Каунчи II, датирующаяся рубежом нашей эры, своим возникновением обязана высокому подъему оседло-земледельческих культур

Средней Азии в кушанское время. Она представляет собой ранний местный вариант согдийской культуры на средней Сыр-Дарье.

8. Погребения джунского типа являются памятниками следующего этапа развития материальной культуры Ташкентского оазиса, генетически связанного с культурой Каунчи II, и характеризуют собой культуру основной массы аборигенного оседлого населения. На основании аналогии с памятниками Северной Киргизии, а также южнорусскими, приволжскими и приуральскими древностями они датируются III—IV вв. н. э.

9. Последующие этапы развития материальной культуры Ташкентского оазиса характеризуются все растущей общностью с культурой Согда, что является закономерным отражением усиления экономических и культурных связей областей, лежащих на Сыр-Дарье, с областями по Зеравшану, с центрами сложения древних ирригационно-земледельческих культур.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

КУРГАНЫ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ X—XIII вв.

*(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной в Ученом совете ИИМК
АН СССР, 12. VI. 1947 г.)*

1. Дореволюционная историография рассматривала процесс формирования славянского населения в Верхнем Поволжье только как постепенное вытеснение славянами неславянских народов мери и веси.

Вопрос об автохтонности исторического развития на данной территории в то время еще не был поставлен.

2. В результате исследования советскими учеными поселений и погребальных сооружений эпохи родового строя и эпохи феодализма, оставленных населением Верхнего Поволжья, удалось сделать вывод, что процесс этногенеза восточных славян на данной территории совершался в течение многих столетий. Вместе с тем возможность распространения некоторых славянских племен из одной области в другую (сопки «новгородского» типа в Ярославском Поволжье) современной наукой не отбрасывается.

3. О населении Верхнего Поволжья первых веков нашей эры в письменных источниках почти ничего неизвестно. К концу I тысячелетия нашей эры относятся сведения летописи о расселении восточнославянских племен на восточноевропейской равнине; верховья р. Волги, так же как и верхнее течение Днепра и Западной Двины, населяют кривичи.

4. Теперь уже хорошо известно, что погребальными сооружениями кривичей VI—IX вв. являются длинные курганы.

5. Следующим видом погребальных памятников, генетически связанных с погребениями сородичей, являются индивидуальные курганы с трупосожжениями (IX—X вв.), а затем и трупоположениями (X—XIII вв.), свидетельствующие о разложении родового строя и развитии феодальных отношений.

Имущественное неравенство сельского населения можно наблюдать с XI в., когда появляются погребения богатые и бедные.

6. Многообразие инвентаря верхневолжских курганов представлено главным образом в женских погребениях различными типами предметов украшений, среди которых характерными для кривичской женщины могут считаться браслетообразные завязанные височные кольца (в погребениях

их чаще всего б) и стеклянные позолоченные и посеребренные бочкообразные и цилиндрические бусы.

7. Мужские погребения, как правило, беднее женских; главным их инвентарем являются предметы поясного набора и орудия труда, реже — оружие. Последнее встречается в верхневолжских курганах чаще, чем в курганах других восточнославянских племен. Необходимым атрибутом мужских погребений, так же как и женских, является керамика.

8. Большинство авторов, опубликовавших отчеты о раскопках верхневолжских курганов, не занималось вопросами их хронологии. С развитием археологической методики появилась возможность определить, более или менее приближенно, время курганов Верхнего Поволжья с трупосложениями.

9. Путем изучения инвентаря каждого женского погребения отдельно удалось выявить наличие определенных устойчивых комплексов вещей, вследствие чего все погребения были разделены на две хронологические стадии.

10. Для определения хронологических рамок стадий первоначально датировалось каждое погребение, содержащее монеты. Затем, на основании монет определялось или проверялось время отдельных типов вещей, что дало возможность датировать погребения и по вещам. Таким образом было установлено время I стадии — с XI до середины XII в., II стадии — вторая половина XII в. и XIII в.

11. Курганы с трупоположениями в грунтовых ямах, судя по характеру их инвентаря, а также отсутствию в них монет и стеклянных бочкообразных позолоченных бус, должны быть отнесены к II стадии. Об этом же говорит и немногочисленность в них предметов украшений вообще, что характерно для курганов более позднего времени и в других областях восточных славян.

12. Мужские погребения не поддаются делению на хронологические стадии, но вещи, найденные в них, также укладываются в намеченные нами хронологические рамки — XI—XIII вв.

13. Нанесение на карту погребальных обрядов и курганного инвентаря позволяет заключить, что на фоне общности культурного развития населения Верхней Волги существуют исторически сложившиеся районы, обладающие определенными характерными особенностями материальной культуры.

14. Для обширного района севера и северо-запада Калининской области, включающего верхнее течение р. Тверцы, р. Мсту и верхнее течение р. Мологи, характерны два обряда погребения: сопки и трупоположения в грунтовых могилах без насыпей. Индивидуальные курганы с трупосожжениями и трупоположениями на материке и в грунтовых ямах в данном районе немногочисленны.

15. Характерными для этого района являются: а) браслетообразные кольца с заходящими концами, б) нагрудные цепочки с привешенными к ним разнообразными амулетами, в) полужгутовые замкнутоконечные гривны, г) трапецевидные привески, д) брактеаты монет.

16. Отмеченные погребальные обряды и курганные инвентари говорят о культурно-исторической общности этого района с соседней областью новгородских славян. По данным антропологии и лингвистики, население указанной территории было смешанным из кривичей и славян новгородских.

17. Второй район охватывает верхнее течение р. Волги — от Осташкова до Углича. Сюда же относятся курганы в районе Волоколамска, Звенигорода (по р. Истре) и Дмитрова Московской области.

18. Вещами, характерными для данного района, являются: а) браслетообразные завязанные височные кольца, б) стеклянные бочкообразные

позолоченные бусы, в) сердоликовые бипирамидальные бусы, г) грушевидные бубенчики с крестообразной прорезью, д) пластинчатые тупоконечные браслеты. Вещи II стадии немногочисленны, наиболее часты витые браслеты — тройные и 2×3 (по типологии А. В. Арциховского).¹

19. Указанные особенности инвентаря и погребальных обрядов данного района сближают его с областью днепровских кривичей, доказательство чему можно найти и в письменных источниках. Тот же вывод удастся сделать и на основании антропологических и лингвистических исследований.

20. Третий район включает курганы Ярославского Поволжья с районами Ярославской области: Угличским, Мышкинским, Рыбинским и Моложским (к востоку от р. Сити). Преобладающим обрядом погребения, как и в предыдущем районе, является труположение на материке.

21. В курганах данной области найдены вещи обеих стадий. Характерными для I стадии являются: а) стеклянные бочкообразные позолоченные бусы, б) пластинчатые тупоконечные браслеты, в) пластинчатые усащенные перстни. Из вещей II стадии характерными для данного района можно считать: а) трехбусенные гладкие височные кольца, б) браслеты витые тройные и 2×3 , в) браслеты пластинчатые загнутоконечные.

22. Район течения Волги от Углича до Рыбинска в своей материальной культуре имеет много общего с двумя предыдущими районами. Наряду с погребальными обрядами и набором украшений, свойственными области новгородских славян, встречаются погребальные сооружения и инвентарь, характерные для кривичей. Кроме того, инвентарь курганов данного района содержит мерянские шумящие украшения, что объясняется близостью территории их поселения.

23. Курганы данного района имеют много общего с владимирскими и костромскими курганами. Антропологические исследования кривичей Ярославской области объединяют их в одну группу с населением Владимирской и Костромской областей.

24. В XI в. на исторической арене все чаще фигурирует земля Ростово-Суздальская. К этому же времени относятся восстания смердов против «старой чади» — зажиточной части сельского населения, хорошо известные в истории под названием «восстаний волхвов».

25. С конца XI в. Верхнее Поволжье становится ареной княжеских междоусобиц. Главными силами, боровшимися за обладание этой территорией, были Новгород и Ростово-Суздальское княжество.

26. В сферу влияния Новгорода в XI—XIII вв. входили Волок на Ламе, Новый Торг, Бежецкий Верх. Ростово-Суздальские князья в свою очередь создают по Волге опорные пункты против новгородцев — Углич-Поле, Кснятин, Кашин, Зубцов и др. Для защиты от Новгорода служила, повидимому, постоянная «сторожа», состоящая из княжеских дружинников, державшихся суздальскими князьями на правом берегу р. Медведицы и упоминаемая в летописи. Характерно, что именно здесь известны богатые мужские погребения.

27. Разнообразные предметы украшений, найденные в курганах, а также гончарные клейма, говорят о развитии ремесла, а следовательно, и наличии обмена среди сельского населения, причем сфера деятельности одного ремесленника была очень ограничена. Находки монет и вещей недеревенских ремесленников свидетельствуют о существовании и внешних торговых связей.

28. Многочисленные предметы языческого культа, найденные с погребенными, подтверждают свидетельства письменных источников о господстве в феодальной деревне XI—XIII вв. языческой религии.

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. РАНИОН, М., 1930.

IV. ИНФОРМАЦИЯ

Н. М. МАСЛОВ

ЛЬГОВСКИЙ КЛАД

(Доклад в Секторе славяно-русской археологии 14. XI. 1946 г.)

Весною 1946 г., во время вспашки земли на приусадебном участке колхоза «Большевик» (дер. Льговка, Воронежского сельсовета Калужской области и района) с глубины около 30 см плугом был поднят глиняный горшок, наполненный мелкими серебряными монетами. К моменту моего прибытия на место находки клад разошелся по рукам, удалось лишь собрать часть монет и получить некоторые сведения об обстоятельствах обнаружения клада и содержащихся в нем пропавших вещах.

Все найденные монеты — динары германских графств и герцогств. Это — тонкие серебряные кружочки с неровно обрубленными краями и плохой штамповкой; вес их около 0.75 г. Они хорошо сохранились, многие еще до сих пор имеют свежий блеск. На лицевой стороне обычно изображена мужская голова в короне, на оборотной — четырехконечный крест; на некоторых — изображение епископа с жезлом в руке.

В хронологической последовательности монеты можно разбить на следующие группы (определение сделано по Данненбергу):¹

Ф р и с л а н д и я

Бруно III (1038—1057) (Dbg № 501)

Эгберт I, граф (1057—1068) (Dbg № 519 и 521-a)

Эгберт II, граф (1068—1090) (Dbg № 530)

Ф р и с л а н д и я и У т р е х т

Вильгельм де Понт, епископ (1054—1076) (Dbg № 545)

С а к с о н и я

Ордульф, или Отто, герцог (1059—1071) (Dbg № 595)

Герман, брат Ордульфа, граф († 1086) (Dbg № 597 и 597-a)

Э м д е н

Герман, брат Ордульфа, граф († 1086) (Dbg № 773)

Подавляющее количество среди собранных монет (а возможно, и в самом кладе) составляют монеты Ордульфа Саксонского, затем идут монеты Эгберта II Фрисландского, остальные насчитываются единицами.

¹ Н. Dannenberg. Die deutschen Münzen der sächsischen und frankischen Kaiserzeit, Berlin, 1876.

Хотя монеты и датируются одним временем от 30-х годов XI в. до его конца,— но по территориальной принадлежности они не увязываются друг с другом. Одни монеты из западных районов — графства Фрисландии и Утрехта (нынешние Нидерланды), другие из восточных — графство Эмден (нынешняя Пруссия); Саксония занимает центральное место между этими двумя крайними пунктами.

Самый горшок, содержавший клад, по описанию очевидцев, представлял глиняный кринкообразный сосуд вышиной примерно 25 см, с горлом диаметром около 10 см и поперечником широкой части около 15 см. Кроме монет, в горшке находились вещи, также сделанные из серебра: тонкая (немного толще фольги) с прикрепленными по краю колечками пластинка, от которой в Музей было доставлено 4 фрагмента (рис. 46 — 1, 2), слиток, напоминающий, по описанию, серебряную гривну и маленькие фигурки зверей (повидимому, подвески). Часть монет, по словам очевидцев, была заключена как бы в обоймы: стопки монет были якобы обернуты тонкой и узкой серебряной ленточкой (рис. 46 — 3).

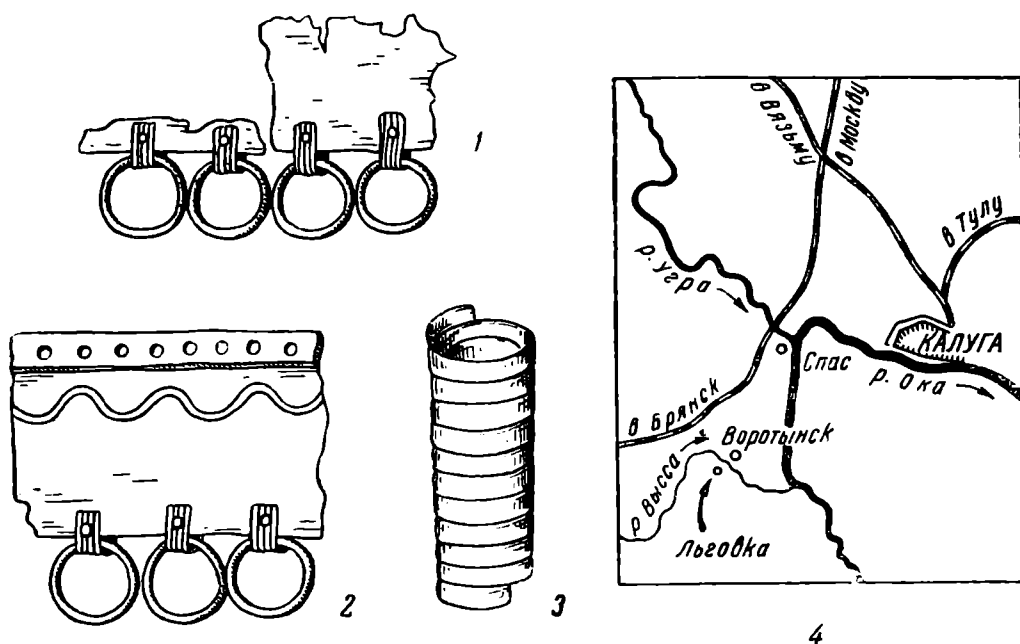

Рис. 46. Льговский клад и место его находки

1 — фрагмент серебряной пластинки с колечками; 2 — то же (реконструкция)
3 — серебряная обойма (реконструкция); 4 — карта места находки

Ни слитка, ни фигурок зверей, ни обойм не сохранилось; также пропала и большая часть пластинки, которая первоначально была целой. Рисунок обоймы и реконструкция пластинки с колечками (рис. 46 — 2, 3) даются по словесному описанию колхозников из дер. Льговки, видевших эти вещи. Тонкая пластинка принадлежит скорее всего к поясному набору; среди вятичских курганных древностей подобных украшений не встречается. Вызывает сомнение и расфасовка монет в обоймах из тонкой ленты; вероятнее, что это также обломки какого-то украшения, — может быть, головного убора мордовского типа. Монеты могли попасть в эти спиральные трубки при засыпке в горшок. Таким образом, вместе с монетами в кладе был ряд серебряных, частью целых, частью ломаных вещей.

Деревня Льговка, где найден клад, находится в 4 км от поселка Воротынский, расположенного в 10 км от впадения р. Угры в Оку (рис. 46—4). Это были заугорские земли, принадлежавшие Воротынскому княжеству. Время основания города Воротынского неизвестно. Впервые он

упоминается под 1155 г., когда Святослав Ольгович Черниговский выменял его вместе со Сновском и Карачевом у своего племянника Святослава Всеволодовича. Если даже предположить, что клад был зарыт в 90-х годах XI в. (наиболее поздние монеты — Эгберта II, графа Фрисландского, правившего графством с 1068 по 1090 г.), то разница между этим временем и первым историческим известием о Воротынске составляет около 60 лет. Можно думать, что Воротынск уже существовал в XI в. Он был почти пограничным с землею голяди, жившей от него по другую сторону р. Угры, в междуречье этой реки и Протвы. Земля эта была присоединена Святославом Ольговичем к Черниговскому княжеству около того же времени. Интересно, что среди жителей Воротынска и окрестных селений сохранилось предание о былой славе Воротынска и его значительной территории. До последнего времени здесь существовал обычай ежегодно весной совершать панихиды по предкам на древнем Воротынском городище. Сюда сходились крестьяне из окрестных сел и деревень, в том числе и из Льговки, с иконами из своих сельских церквей. Возможно, что это был пережиток тризны вятичей.

Помимо Воротынска с хорошо сохранившимся городищем, датируемым не позднее XI—XII вв., в ближайшем соседстве с Льговкой имеются и другие археологические памятники, как, например, городище при с. Спас (2 км выше устья р. Угры, на Оке), обследованное экспедицией ГАИМК в 1936 г. Спасское городище характеризуется как «интересный исторический памятник — неизвестный ранее город XI—XIV вв.»²

Имя самой деревни Льговки (Ольговки), несомненно, древнее, оно напоминает аналогичные названия древних селений Рязанского края — Ольгова городка, Льгова и др. Возле Льговки (в 1,5 км) имеется группа курганов. При обследовании приусадебного участка, на котором был найден описанный клад, мною была обнаружена керамика, изготовленная на ручном кругу с характерным линейным и волнисто-линейным орнаментом, — свидетельство наличия здесь древнерусского селища. В Льговке до обнаружения клада существовала легенда о якобы трех зарытых кладах, также на усадебной земле, т. е. на территории самой деревни, но на другом участке.

Все приведенное говорит за то, что район находки клада был издревле достаточно заселен и обжит. Угра была водным торговым путем, соединявшим Запад и Великий путь «из варяг в греки» с Окско-Волжским путем в Хазарию и Волжско-Камскую Булгарию, а воротынские земли лежали как раз на этом соединении.

Как в кладах, так и единичными находками на территории нынешней Калужской области обычно встречались лишь арабские диргемы X в. и серебряные копейки XV—XVI вв., западноевропейских же монет раннего средневековья до сих пор найдено не было, поэтому льговский клад представляет особый научный интерес. По имеющимся данным, клады западноевропейских монет XI—XII вв. были найдены в 1928—1931 гг. в Архангельской, Вятской, Олонецкой, Рязанской и Смоленской областях. При сравнении состава этих кладов с льговским бросается в глаза большее разнообразие монет в первых и меньшее во втором. Особенно в этом отношении характерна находка в с. Благовещенском, близ гор. Шенкурска Архангельской области, где наряду с абассидскими диргемами имелись византийские и североитальянские монеты. Монеты льговского клада, повидимому, представляли собой «весовое серебро»; то же значение «весового серебра» имели и находившиеся вместе с ними серебряные украшения.

² Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941.

О ДАТЕ ДАНДЕНАКАНСКОЙ МЕЧЕТИ

В XV выпуске Кратких сообщений ИИМК опубликована статья С. А. Ершова «Данденакан. Археологические разведки у Таш-Рабата в 1942 г.» (стр. 126—136). В этой статье автор дает описание интересного городища, отождествляя его с развалинами гор. Данденакан, известного по ряду связанных с ним исторических событий.¹ Особый интерес представляют обнаруженные на городище развалины большого здания. Ершов дает подробное описание этих развалин и план (рис. 57). Автор справедливо определяет это здание, как соборную мечеть города. Однако данный им план вызывает серьезные сомнения. На плане ясно представлено не всё здание, а лишь его часть, причем неправильно понятая. Ершов публикует, помимо плана, ряд фотографий с деталей архитектурного убранства здания. Относительно даты этого сооружения Ершов не решается высказать определенного суждения. Он пишет: «...здание предназначено было для обслуживания общественных нужд жителей города и являлось, очевидно, большой городской мечетью, упоминание о которой мы находим у Макдиси» (стр. 133). Ершов указывает на существование двух слоев штукатурки — одного более старого (рис. 63) и другого более нового (рис. 59—62). Касаясь многочисленных арабских надписей, частично сохранившихся на облицовке второго слоя, автор пишет: «Частично прочитанные проф. Б. Н. Заходер надписи содержат изречения из Корана» (стр. 130).

Однако на рис. 62 изображена надпись в верхней части михраба, содержащая отнюдь не отрывок из Корана.

В этой надписи читаем:

...عين و اربعائة. عمل ابو بكر

т. е. это дата и имя мастера. Нужно думать, что мы имеем здесь дело не с датой постройки мечети, а с датой ремонта и устройства нового штукатурного убранства. Имя мастера это, как видно, не имя архитектора-строителя, а имя резчика-декоратора. К сожалению, слово, обозначающее единицы, в дате, выраженной арабскими словами, отбито, а от слова, обозначающего десятки, осталась лишь вторая половина. Оно может быть прочтено и как «сорок», и как «семьдесят», и как «девяносто». Я готов склониться к последнему чтению как по стилистическим особенностям штукатурки, так и потому, что первый из сохранившихся знаков слова, обозначающего десятки, скорее должен читаться как часть буквы «син», чем как буква «ба» (ср. «син» в надписи на рис. 61).

Таким образом, вся надпись переводится так: «четыре-десять девяносто (или семьдесят, или сорок, что наименее вероятно)... Сделано Абу Бекром». 490 г. хиджры — 1096—97 гг. хр. эры. 470 г. хиджры — 1077—78 гг. хр. эры. 440 г. хиджры — 1048—49 гг. хр. эры.

Данденаканская мечеть, отремонтированная в конце XI в., но восходящая, судя по фрагментам старой штукатурки, к X в., является исключительно интересным в художественном и историко-культурном отношении памятником и заслуживает самого внимательного изучения.

¹ Б. Н. Заходер. Данденакан. Историч. журнал, 1943, № 3—4, стр. 74—77. В этой статье дается сводка исторических свидетельств о судьбе этого города, но ничего не говорится о развалинах города и его мечети.

ХРОНИКА

А. П. СМЕРНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР В 1946 г.

В 1946 г. археологические исследования охватили значительную территорию СССР. Из всех союзных республик по широте тематики и количеству экспедиций на первом месте стояла РСФСР.

Характерными чертами для экспедиций послевоенного периода являются тенденции к объединению ряда учреждений при проведении исследований и включение все большего числа представителей различных специальностей в состав экспедиций.

Для проведения работ объединяются не только местные музеи с центральными, но и крупные центральные учреждения, располагающие достаточным контингентом специалистов. Можно назвать ряд экспедиций проводимых ИИМК совместно с Московским и Ленинградским университетами, Гос. Эрмитажем, Гос. историческим музеем, Музеем изобразительных искусств в Москве. Это обстоятельство позволило шире и глубже развернуть работу и в более сжатые сроки провести намеченные исследования.

Комитет полевых исследований ИИМК в 1946 г. выдал 72 открытых листа на право производства археологических раскопок и разведок.

В 1946 г. исследования производились в Москве и Московской области, Ивановской, Владимирской, Калининской, Костромской, Вологодской, Горьковской, Рязанской, Брянской, Курской, Новгородской, Псковской, Мурманской, Молотовской, Свердловской, Курганской, Сталинградской, Краснодарской, Ставропольской, Грозненской, Астраханской, Крымской, Омской, Томской областях, Красноярском крае, Татарской, Мордовской, Чувашской, Дагестанской и Якутской АССР.

Большие работы были произведены в Москве под руководством М. Г. Рабиновича. Его исследования были сосредоточены на устье р. Яузы и в Зарядье, где произведена небольшая разведка на углу Ершова и Псковского переулков. Здесь культурный слой достигает мощности 5 м. Наиболее ранние наслоения восходят к XVI в. В первом пункте — на Яузе — исследовался высокий холм в устье наз-

ванной реки, известный под именем Вшивой, или Швивой Горки, а затем Таганского холма. Раскопки дали материал по стратиграфии местности и открыли ряд погребений с могильными плитами XVI в. Особый интерес представляет погребение Григория Дмитриева сына кольчужника второй половины XVI в. Интересны также гончарные горны XVII в. и керамика с клеймами. Отдельные вещи, найденные во вторичном залегании, относятся к домонгольской эпохе. Тем же исследователем раскопано несколько курганов у ст. Яуза Северной жел. дор., относящихся к XIV в.

Там же, в устье Яузы, под руководством Б. А. Рыбакова сотрудники Гос. исторического музея М. В. Фехнер и В. А. Мальм исследовали гончарные горны XVI—XVII вв. с большим количеством глиняных игрушек. Бракованные изделия и полуфабрикаты позволяют изучить весь процесс изготовления глиняной игрушки в древней Москве.

По заданию Академии архитектуры Н. Я. Мерпертом произведены небольшие раскопки у стены Лефортовского дворца конца XVII в. с целью выяснения стратиграфии прилегающих к дворцу слоев и их датировки.

Под Москвой А. В. Арциховский продолжал раскопки курганов в с. Беседы, начатые в 1945 г. Наряду с обычными вятическими был раскопан огромный курган круглой формы высотой 4.23 м и диаметром 15.5 м. Это самый крупный из подмосковных курганов. Под его насыпью оказалась вырытая в материке кольцевая канава, характерная для вятических курганов IV—VII вв., открытых Н. И. Булычевым в 1886 г. в Калужской области.

Таким образом, в серии довольно поздних вятических курганов появился памятник раннего времени, который исследователем убедительно сопоставляется с Шаньковским и Боршевскими курганами.

Небольшие раскопки в гор. Верее произвела Л. А. Голубева. Получен интересный материал по стратиграфии культурного слоя.

В Ногинском районе произведены небольшие раскопки сотрудником Гос. исторического музея В. М. Раушенбах. Близ дер. Буньково под слоем русской деревни XVII—XVIII вв. открыта неолитическая стоянка, с кремневыми орудиями и обломками керамики. По мнению исследователя, стоянка относится к волосовской культуре.

В 1946 г. были проведены исследования в гор. Муроме. Три раскопа, заложенные в разных местах, дали богатый материал по исторической топографии города. Нижний слой, характеризующий бедностью находок дал лепную керамику VIII—X вв. и небольшое число лощеной — болгарской. Верхние слои относятся к русскому Мурому. В них обнаружены остатки деревянных построек и большое число отбросов, характеризующих каменное строительство. Вещественный материал, полученный раскопками, обычен для древнерусских городов. Из отдельных находок интерес представляет кусок меди весом в 1,5 кг, тигли, изделия из кости, шиферные пряслища, железные крючки для вязанья, документирующие кружевное дело в древней Руси, стеклянные браслеты, кресты, бусы и большое количество болгарской керамики.

Близ Мурома Владимирской области в третий раз исследовалась Панфиловская стоянка. Открытая в 1923 г., она тогда же раскапывалась Ф. Я. Селезневым, а в следующем году — В. А. Городцовым. В 1946 г. ее исследования проводились Е. И. Горюновой, которая открыла две землянки прямоугольной формы, глубиной 1,20 м со скошенными на конус стенками; их жилая площадь 8×8 м. Стены были закреплены вертикальными столбами, которые, как и центральные, поддерживали кровлю. Выход имел вид узкого коридора. Исследователь по характеру инвентаря установил наличие двух половин: правой от входа — женской и левой — мужской. При раскопках было найдено большое число керамики и кремневых орудий.

В Ивановской области А. Ф. Дубынин продолжал раскопки Малышевского могильника VI—X вв. н. э. Из открытых погребений 6 трупосожжений.

В той же области Ерофеева провела обследование в окрестностях Кинешмы, зарегистрировав ряд курганов и городищ.

В Вышневолоцком районе Калининской области, в районе озер Пудоро, Тубос и Колосменское, производила исследование Л. Я. Крижевская. Обследованные ею 12 неолитических стоянок дали большое число обломков керамики и кремневых орудий. Одно из поселений у озера Пудоро, выделяющееся обилием материала и ненарушенностью культурного слоя, было раскопано. Культурный слой толщиной 20—25 см, находившийся непосредственно под слоем дерна, содержал наконечники стрел ромбической формы, копья, скребки и тонкостенную керамику, орнаментированную гребенчатым штампом, шнуром и веревкой. На ряде сосудов имеются отпечатки сети

Исследователь сближает открытую стоянку с верхним слоем Бологовской стоянки.

В Костромской области производила исследования М. Е. Фосс. На берегу Галичского озера была изучена стоянка, названная по имени пристани «Умиление». Раскопками открыты два культурных наслоения, из которых верхнее дало землянки, очажные и железоплавильные ямы, а из вещей — характерную сетчатую керамику и ряд каменных орудий. Выплавка железа, как показывает материал, производилась в глиняных сосудах. Болотная руда дробилась и засыпалась в обычные горшки, помещаемые в костры. Выплавленное железо собиралось на дне сосудов. По окончании процесса сосуд разбивался и готовое железо шло на изготовление вещей. Подобные железоплавильни были открыты Ванкелем в районе гор. Брюнна. Верхний слой с плавильнями датирован исследователем VII—V вв. до н. э. Нижний слой дал большое количество гребенчатой керамики, по характеру близкой материалу Галичской стоянки, раскопанной В. А. Городцовым.

В Вологодской области А. Я. Брюсовым закончены работы по изучению свайного поселения на р. Модлоне. Раскопками открыты деревянные дома и мостки, соединяющие их с берегом. В числе находок большую ценность представляют янтарные украшения восточнобалтийского типа. Керамические находки позволили исследователю отнести поселение к каргопольской культуре. На правом берегу р. Еломы были продолжены исследования стоянки и могильника у дер. Караваиха. Были открыты четыре погребения; захороненные на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, ориентированные головой на север, ЗЮЗ и ЮЗ. Вещей при покойниках не было найдено.

В Горьковской области продолжались начатые в 1945 г. раскопки стоянок Володарки и Гавриловской. Здесь И. К. Цветкова открыла в первом пункте два погребения времени стоянки, кострище и кухонные кучи. Кремневый инвентарь состоит из орудий, сделанных из отщепов, листовидных и треугольных копий и стрел и желобчатых долот. Керамика характеризуется зубчатым и рамчатым орнаментом. Полученный материал напоминает инвентарь Волосовской стоянки.

На втором пункте также были открыты погребения. Заслуживают упоминания кострища, залегающие над погребениями. Кремневый и керамический материал аналогичен Балахнинской стоянке.

Дзержинский краеведческий музей в лице своего директора Б. А. Сафонова продолжал большую работу по составлению археологической карты своего района. Исследования велись в пределах Балахнинской низины и по левому берегу р. Оки — близ устья Клязьмы. Открытые семь стоянок датированы исследователем эпохой неолита и бронзы. Интерес представляет

мастерская каменных орудий, содержавшая скопление большого количества мелких отщепов и обломков кремня.

А. Л. Монгайт продолжал раскопки по изучению Старой Рязани. Был получен материал по стратиграфии культурного слоя, изучен ряд жилищ в виде бревенчатых построек с глинобитными полами и подземными ямами, наряду с ними — полуземлянки. Интересно кладбище, условно датированное временем татарского погрома.

В Брянской области и соседних областях работала Деснинская экспедиция под руководством М. В. Воеводского, проводившая большую работу по археологическому изучению берегов рек Десны и Сейма. Были произведены раскопки палеолитической стоянки Погон, Авдеевской палеолитической стоянки близ гор. Курска и городища и стоянки «Песочный ров» у с. Пушки Черниговской области. В числе обследованных памятников — городище Вщиж, палеолитическая стоянка Елисеевichi, стоянки Супоневская и Тимоновская, Трубчевское городище и др. Всего обследовано 37 памятников разного времени.

В. П. Левенков производил исследования по рекам Десне и Судости в пределах Брянской обл. Им было обследовано более 50 археологических объектов, в их числе дюнные стоянки, селища, городища и отдельные пункты находок различных вещей.

Под Курском, на р. Тускари, П. Черменский исследовал стоянки эпохи позднего неолита.

В Новгороде на Ярославском двориче Мантейфель произвел раскопки близ Грядницы, открыв ряд древних срубов. В Новгороде в связи с архитектурным изучением Софийского собора, которое проводится Академией архитектуры под общим руководством Н. И. Брунова, произвел раскопки Мартирьевской паперти А. Л. Монгайт. Целью раскопок было выяснение последовательности постройки отдельных частей собора и строительных приемов в различные строительные эпохи. В процессе раскопок было получено большое количество обломков фресок от XVIII — до начала XII в. Особый интерес представляет изображение князя в конической шапке конца XI — начала XII в.; фигуры святых XIV — XV вв. и многочисленные граффити. В процессе работы вскрыты погребения, в том числе могила Мартирия, по имени которого названа и паперть. Особую ценность представляют остатки церковного облачения.

У северной стены собора был заложен второй раскоп, открывший древний фундамент здания, третий — у восточной стороны, четвертый — у южной стены, пятый — у западной и шестой — в 20 м к югу от собора. Исследователям удалось связать ряд погребений с деятелями Великого Новгорода. Интересна находка поливной золотоордынской чаши XIV в.

Продолжались работы по изучению древнего Пскова, произведенные С. А. Тара-

кановой. Раскопки в Псковском кремле установили стратиграфию культурного слоя и открыли ряд жилых построек. Нижние слои города относятся к VIII—IX вв.

Кроме Пскова, рекогносцировочные работы производились в Старом Изборске, на городище «Воронич», на Порховском городище.

На Кольском полуострове Н. Н. Гурин обследовала ряд неолитических стоянок и лабиринт в районе гор. Кандалакши, Колвицы и с. Умба, относящихся к довольно поздней стадии неолита.

Близ Нижнего Тагила под руководством О. Н. Бадера были продолжены исследования стоянки на р. Полуденке, начатые в 1945 г. Была открыта и изучена оградка вокруг землянки и вход, ведущий в ограду и запиравшийся, по видимому, каменной. В результате работ получена большая коллекция шлифованных топоров, наконечников стрел, ножей, скребков и керамики, представленной по преимуществу сосудами полуяйцевидной формы.

В Курганской области, в Шадринском районе, у дер. Замараево К. В. Сальников произвел исследование селища бронзовой эпохи с двухкамерной землянкой андроновского типа, с площадью 210 м².

В Елабужском районе ТАССР А. В. Збруева продолжала раскопки Луговской стоянки. Раскопками установлена стратиграфия поселения, изучены землянки со всеми деталями, позволяющими реконструировать их облик. Найденные керамика и кремневые орудия позволяют датировать стоянку концом бронзовой эпохи.

Большие работы по изучению городища Великие Болгары — столицы государства волжских болгар — были произведены под руководством А. П. Смирнова. А. М. Ефимова раскапывала некрополь Греческой палаты XIV в., давший ряд золотых украшений и уникальные вышивки, восходящие к сасанидским прототипам. О. С. Хованская произвела исследование большого вала. Ее работами было установлено время насыпки этой укрепленной линии (половина XIV в.) и изучены остатки деревянных конструкций по валу, напоминающих древнерусские тарасы. В центре городища Н. Ф. Калинин открыл деревянный дом начала XIV в. Интересной оказалась находка черепа лошади, положенного в виде оберега под стеной дома.

В Мордовской АССР производил исследования П. О. Степанов по течению рек Алатыря, Пьяны и Меши. Экспедиция прошла 250 км и открыла две дюнные стоянки, три селища срубно-хвалынской эпохи, шесть курганных групп, одно городище, два селища и 12 поздних мордовских могильников.

Интересные работы были произведены тем же исследователем на городище «Ош-Панда». Кроме слоев первой половины I тысячелетия, раскопками был открыт жилой комплекс фатьяновской культуры, датированный керамикой балановского типа.

В Нижнем Поволжье работала экспедиция Саратовского университета и Краеведческого музея под руководством И. В. Сеницына. Работы были произведены в окрестностях с. Пролейки Сталинградской области и в районе сел. Басы и Зензели по северо-западному побережью Каспийского моря, в пределах Астраханской области. В первом пункте были раскопаны каменные курганы, известные под названием «Царские могильцы», относимые в литературе к золотоордынскому времени. Исследования И. В. Сеницына дали погребения скифской культуры V—III вв. до н. э.

В 3 км от с. Пролейки изучено погребение в кургане XIV в. На побережье Каспия были открыты и исследованы временные стоянки. Интересна одна у ст. Зензели, давшая прекрасные образцы микролитических орудий и керамику, имеющую аналогии в посуде древнейших погребений.

Обследование правой террасы р. Кубани от гор. Кропоткина до Армавира было произведено сотрудником Краснодарского краевого музея Н. В. Анфимовым. Около ст. Кавказской было обследовано шесть городищ и зафиксированы курганы и могильники. Большинство городищ датируется временем около нашей эры, а на одном (городище № 1) встречена керамика, которую исследователь датирует VI—V вв. до н. э. Около ст. Темизбекской открыты четыре гробницы и могильник. Раскопанные могилы датируются I—II вв. н. э. У ст. Прочноокопской открыты три городища и могильники скифо-сарматской эпохи. У восточной окраины гор. Армавира было обследовано городище, существовавшее с раннескифской эпохи до III в. н. э., и ряд средневековых селищ, одно из которых (X—XIV вв.) было на территории современного Армавира. Исследованиями установлено отсутствие городищ скифо-сарматского времени между станицами Темизбекской и Прочноокопской, что Н. В. Анфимов объясняет господством здесь кочевников. Из числа обследованных 14 городищ 13 открыты впервые. Часть из них возникла в раннескифское время. Продолжались раскопки грунтового могильника у ст. Ладожской, где было вскрыто пять погребений III—II вв. до н. э., и у станицы Казанской, где раскопаны четыре могилы I—II вв. н. э.

Весной 1946 г. близ Анапы сотрудниками Краснодарского музея было обследовано место находки греческой надписи с именем Савромата.

В окрестностях гор. Краснодара М. В. Покровский обследовал городища: у ст. Пашковской, в гор. Краснодаре и у станицы Елизаветинской и раскопал ряд погребений в могильнике № 3 — у ст. Пашковской и у кожевенных заводов гор. Краснодара. Большая часть погребений датируется I—II вв. н. э., а некоторые — V в. н. э. Интересна находка двух серпов в одной могиле и конское погребение; захоронение, со скорченным костяком, ус-

ловно датированное исследователем концом бронзовой эпохи.

В Грозненской области работала экспедиция под руководством Е. И. Крунова. Были продолжены раскопки могильника и селища у ст. Нестеровской в Сунженском районе и продолжено обследование степных и пустынных районов той же области. На могильнике открыто 13 погребений VI—IV вв. до н. э. Поселение близ могильника дало вещи того же времени. Экспедиция открыла большое число разновременных памятников, начиная от эпохи бронзы до позднего средневековья. Исследователь установил, что Северный Кавказ уже в эпоху бронзы был органически связан с Подоньем и Нижней Волгой.

На Керченском полуострове под руководством В. Ф. Гайдукевича производились раскопки боспорских городов Тиритаки и Мирмекии. В первом были открыты винодельни и обследована одна, открытая в 1939 г. Она представляет продолговатое каменное здание с давящей площадкой 2.70×5.25 м с уклоном в юго-восточную сторону. Рядом находился резервуар, куда стекало вино. Две вновь открытые винодельни датируются римской эпохой. Интересны материалы по перестройке города в римское время, остатки жилых и хозяйственных сооружений. Замечателен клад 276—332 гг. н. э. чеканки боспорских царей и костяная накладка лука, как полагает исследователь, проникшая от гуннов.

В Мирмекии были открыты остатки построек эллинистического и римского времени. К первым относятся развалины жилого дома. Интересна находка большого числа керамических клейм — в большинстве родосских и синопских.

Большие работы производились экспедицией ИИМК под руководством В. Д. Блаватского. Целью работ было изучение исторической топографии города. Основные исследования велись по восточному, северному и южному склонам горы Митридата. Раскопки выявили полную картину напластований и установили большой размах строительных работ во II—I вв. до н. э. Из находок особый интерес представляют печать для клеймения амфор и «мегарские» чаши местного производства.

Экспедиция Гос. исторического музея под руководством Н. В. Пятышевой произвела небольшие раскопки в Херсонесе, исследовав площадь близ протейхизмы между XII и XV башнями. В результате установлена стратиграфия в периболе и с наружной стороны протейхизмы и определено время ее сооружения — IV в. н. э.

Интересна исследованная дорожная дамба и дорога, шедшая по периболу. Из находок заслуживают упоминания значительное количество монет, помогающих уточнить датировку, и терракотовая пластинка с изображением крылатой богини с орнаментальными завитками вместо ног и с бычьей головой, с надетым на нее калафом.

Большие работы были произведены под

руководством П. Н. Шульца по изучению скифского городища Неаполя близ Симферополя. Были раскопаны жилые кварталы, оборонительная стена и некрополь. В первом пункте было открыто большое здание с подвалом, вырубленным в скале. К зданию примыкал двор с большим количеством зерновых ям бочонкообразной формы, содержавших остатки проса, ячменя и пшеницы. Этот комплекс датирован III—II вв. до н. э. Кроме большого здания, были открыты остатки небольших построек. В числе находок много привозных вещей: амфоры с островов Родоса, Кноса и значительно меньшее число книдских, боспорских и херсонесских. Была исследована городская стена, сложенная из нерегулярных камней на глиняном растворе. Кладка носит циклопический характер. Стена сооружена в III в. до н. э. Наиболее ценным явилось открытие монументального мавзолея, содержавшего погребения скифской знати. В мавзолее было открыто 72 погребения. Основное из них было положено в каменной гробнице. Всего было обнаружено 1312 золотых украшений, в числе которых медалионы, браслеты и различные привески. Заслуживает упоминания сердоликовый скарабей с портретным изображением скифа. Ценный материал дали и расписные склепы с образцами скифской монументальной живописи.

Большую работу проделал Бахчисарайский отряд экспедиции под руководством Е. В. Веймарна; отряд обследовал много разновременных памятников, начиная со скифской и кончая позднесредневековой эпохой. В числе памятников — поселение на плато Таш-Джарган с остатками древних сооружений и группой курганов, расположенных рядом, средневековое поселение у с. Партизанского, там же убежище первых веков нашей эры; получены новые данные по пещерному городу Бакла. Исследовано поселение на мысе Кермен, напоминающее таврское поселение на Аю-Даге; открыто большое число поселений, которые свидетельствуют о чрезвычайной густоте населения второй гряды Крымских гор.

П. П. Бабенчиков произвел рекогносцировочные раскопки на юго-западном склоне Чуфут-Кале. Были исследованы шесть земляных склепов, аналогичных катакомбному могильнику, раскопанному Н. И. Репниковым в 1928—1929 гг. на склоне Эски-Кермена. Исследователь датирует открытые погребения VI—VII вв. н. э. и относит их к сармато-аланам. Интерес представляет «пещера с крестом», бывшая первоначально церковной или усыпальницей типа эски-керменской.

В 1946 г. в Красноярском крае, под руководством Л. А. Евтюховой, были закончены исследования здания китайской

архитектуры, открытого в 1941 г. близ Абакана.

Близ Томска проф. К. Э. Гриневич продолжал раскопки городища Басандайки и расположенного рядом курганного могильника; часть погребений, по мнению исследователя, датируется довольно поздним временем — X—XIV вв. н. э. В Томском районе, близ с. Каларова, под руководством К. Э. Гриневича, доцентом Трухиным велись раскопки городища «Шеломок».

В Томской области Дульзон произвел обследование р. Чулым на протяжении от Пышкино-Троицы до Устья. Открыто 19 разновременных могильников и 14 городищ. Раскопки были произведены на Тургайском городище и исследованы 32 кургана, давших 47 погребений XVII в.

Алтайская экспедиция под руководством М. П. Грязнова открыла в районе с. Большереченского поселения и могильники бронзовой эпохи, майэмйрского, пазырыкского, шибинского времени, первых веков н. э., раннетюркские, VII—X вв. и монгольской эпохи.

В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская производили исследования в районе Сале-Харда по р. Полуй и ее притокам. Были открыты и исследованы стоянка эпохи поздней бронзы близ пристани Сале-Харда, стоянка времени раннего железа на левом берегу р. Шайтанки, поздние остяцкие (хантыйские) могильники как в самом городе, так и на Еловом мысе. Было обследовано Усть-Полуйское городище, открыта стоянка близ устья ручья Хар-Сойм с керамикой усть-полуйского типа. Около места Зеленая горка был открыт интенсивно окрашенный культурный слой. В разных местах по течению р. Полуя и Хар-Соймы были зарегистрированы хантыйские могильники XVII—XVIII вв. По левому берегу р. Таз обнаружены остатки временных стоянок эпохи поздней бронзы и раннего железа, а в Сальмер-Сазе — городище эпохи позднего железа. Раскопки на Зеленой горке открыли наслоения разных эпох. Нижний принадлежал стоянке эпохи раннего железа, второй — к Усть-Полуйскому времени и верхний с полуземлянкой — к IX—X вв.

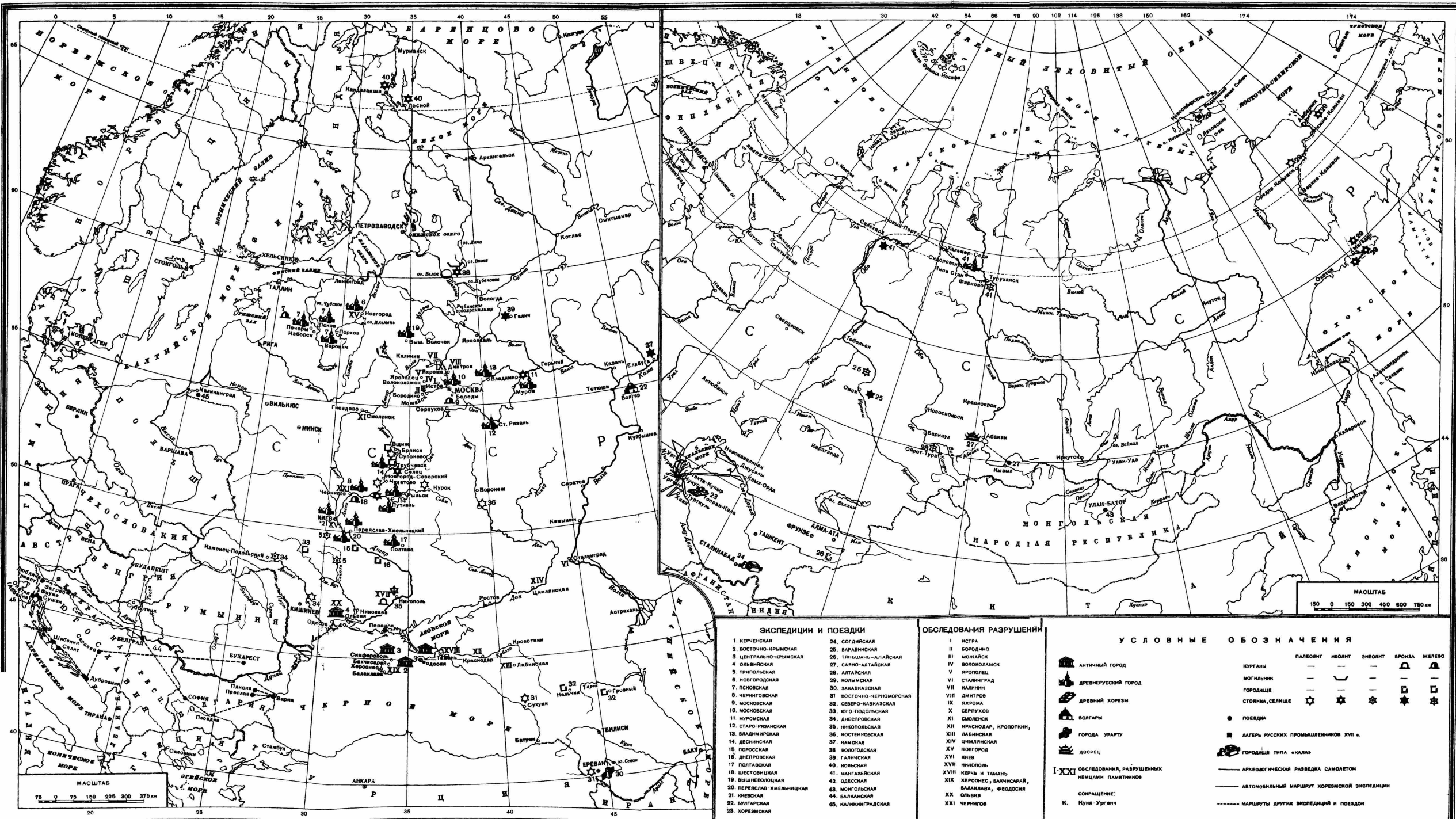
Были обследованы остатки гор. Мангазеи, существовавшего на р. Таз в первой половине XVII в., и ряд поселков в его окрестностях с небольшими землянками. Была изучена топография города, острожек в возвышенной части городища, система укреплений и остатки жилищ. Полученный вещевой материал дает возможность всесторонне характеризовать Мангазею, который был не только военно-торговым форпостом, но и прочно обжитым поселком, где русские стремились создать привычные для них быт и хозяйство. Ряд вещей характеризует широкие торговые связи Мангазеи.

Основные районы работ археологических экспедиций ИИМК АН СССР в 1946 г. см. на прилагаемой схематической карте. Та же карта может служить дополнением к отчетным материалам экспедиций, помещенным в вып. XX и XXI «Кратких сообщений ИИМК».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АзФАН — Азербайджанский филиал Академии Наук
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
ТОВ — Труды Отдела Востока Эрмитажа

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ИИМН АН СССР В 1945–1946 гг. И ОБСЛЕДОВАНИЙ В 1942–1945 гг. ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ, РАЗРУШЕННЫХ НЕМЦАМИ

ОТ РЕДАКЦИИ

В связи с опубликованием в XVIII выпуске «Кратких сообщений» статьи М. В. Покровского «Новый сасанидский сосуд из Краснодара» редакцией было получено письмо проф. Л. А. Мацулевича, в котором выражалось сомнение в подлинности сосуда. По просьбе редакции была произведена экспертиза, результаты которой публикуются ниже:

«14 апреля 1948 г. Комиссия в составе проф. Ф. Я. Мишукова, ученого реставратора инженера-химика А. Д. Чиварзина, кандидата исторических наук М. М. Герасимова, кандидата исторических наук М. М. Постниковой и проф. А. П. Смирнова, осмотрев медный золоченый сосуд, найденный в 1943 г. в г. Краснодаре и опубликованный М. В. Покровским под названием «Новый сасанидский сосуд из Краснодара», установила, что указанный сосуд является хорошо сделанной гальванопластической копией с золотого сосуда из Сент-Миклошского клада. Данная гальванотипия найдена в искаженном смятом состоянии.

В результате примененных технических приемов изготовления сосуда имеется ряд различий с оригиналом (отсутствует орнаментальный поясок вокруг горла, арочки значительно отстоят от горла, отсутствует след ручки, имеющийся на оригинале).

Несмотря на указанные незначительные различия с подлинником, ряд характерных особенностей найденного сосуда не оставляет сомнения в его гальванотипном изготовлении.

Об этом свидетельствует цвет поверхности металла — чистой меди, структурная особенность изломов и весьма четкий орнамент на внутренней стороне сосуда».

ПОДПИСИ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>А. П. Окладников.</i> О первоначальном заселении человеком долины реки Лены . . .	3
<i>Г. Ф. Дебец.</i> О систематике и номенклатуре ископаемых форм человека . . .	13
<i>А. В. Збруева.</i> Маклашеевские могильники	22
<i>А. П. Иванова.</i> Новая скульптурная находка в Керчи	31
<i>А. Н. Бернштам.</i> Образ сасанидского царя в сукулукской терракоте	36
<i>Л. А. Евтюхова.</i> Стремя танской эпохи из Уйбатского чаатаса	40
<i>Н. Л. Мец.</i> К вопросу о торках	45

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Г. А. Чернов.</i> Стоянки древнего человека в бассейне реки Печоры	50
<i>В. П. Левенок.</i> Неолит верхнего участка бассейна средней Десны	60
<i>Я. И. Гуммель.</i> Раскопки поселения I на запад от Ханлара	67
<i>И. Е. Зеест.</i> Земляные зернохранилища Пантикапея	80
<i>И. И. Никишин.</i> Находка зерен в Керчи	84
<i>В. А. Падин.</i> Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска	86

III. ТЕЗИСЫ ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ В 1947 г.

<i>Т. С. Пассек.</i> Триполье. Опыт периодизации памятников	93
<i>С. С. Черников.</i> Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая	96
<i>Т. Г. Оболюева.</i> Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области	101
<i>Т. Н. Никольская.</i> Курганы Верхней Волги X—XIII вв.	102

IV. ИНФОРМАЦИЯ

<i>Н. М. Маслов.</i> Львовский клад	105
<i>М. М. Дьяконов.</i> О дате данденаканской мечети	108

V. ХРОНИКА

<i>А. П. Смирнов.</i> Археологические исследования в РСФСР в 1946 г. с приложением «Схематической карты археологических экспедиций ИИМК АН СССР в 1945—1946 гг. и обследований в 1942—1945 гг. памятников культуры, разрушенных немцами»	109
Список сокращений	114
От редакции	115

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор Издательства С. Г. Попова. Технический редактор Н. А. Колгурина
Корректор Н. Н. Певцова

Р.И.С.О. АН СССР № 3154. А-07287. Изд. № 1646. Тип. заказ № 980. Подп. к печ. 14/IX 1948 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 7¹/₄ + 3 вкл. Уч.-издат. 9,9. Тираж 3000
2-я тип. Издательства Академии Наук СССР, Москва Шубинский пер., д. 10